4608

редк. кн

63380

Прбг.

~~7407~~

~~9196~~

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

4608
9196

ТЕОРІЯ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ.

ЦѢННОСТЬ

и

ЦѢНА

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *
6388

Н. Н. Коссовскаго.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1883.

39
Библиотека НИФ СССР

ДЪЯНОСТЬ

№

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета.

Ректоръ *Г. Цыхановецкій.*

63380

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . 1.

Введеніе. Методъ изслѣдованія въ соціологіи и политической экономіи. Положительное направленіе и его недостатки. Тукъ, Ад. Вагнеръ, Зетберъ. Кризисъ въ политической экономіи. Катедеръ-соціалисты или новая школа въ политической экономіи. . . . . 3.

Часть первая.

Ц Ѣ Н Н О С Т Ь.

Глава первая. Динамическій законъ стоимости.

1. Статика и динамика соціологіи и политической экономіи. Кетле, Милль, О. Контъ. Разница между физическими и общественными законами. Среднее явленіе. Маклеодъ, Бастіа.

2. Трудовая теорія стоимости. Петти, Ад. Смитъ, Д. Рикардо, Родбертусъ и Марксъ.

3. Возраженія противъ трудовой стоимости и ихъ несостоятельность. Стоимость земли, лѣса и др. Ученіе Родбертуса. Н. И. Зиберъ . . . . 27.

Глава вторая. Статическій законъ стоимости.

Законъ спроса и предложенія. Мальтусъ, Торнтонъ, М. Шевалье, Гарнье, Ж.-Б. Сей, Тукъ, Дюмаре, Рёслеръ, Миллъ. Несостоятельность спроса и предложенія, какъ самостоятельнаго закона стоимости, что̀ признано implicite всѣми его защитниками. . . . . 61.

Глава третья. Разборъ ученій о стоимости Бруно-Гильдебранда, Книсса, Родбертуса, Шеффле, Вагнера и Тука.

Полезность. Общественная стоимость потребленія. Ея отношеніе къ трудовой стоимости. Фридлендеръ, Бальцеръ. . . . . 69.

Глава четвертая. Исторія цѣнъ въ доказательствѣ динамическаго закона стоимости.

1. Выравниваніе среднихъ цѣнъ — фактъ безразличный для трудовой теоріи стоимости. Исторія цѣнъ, неудовлетворяющая серьезнымъ научнымъ требованіямъ, не констатируетъ факта выравниванія среднихъ цѣнъ. Ар. Юнгъ, Эденъ, Тукъ, Ньюмарчъ, Роджерсъ.

2. Движеніе цѣнъ сырья и фабрикатовъ. Ляспейръ и Ст. Джевонсъ . 83.

Заключеніе. . . . . 97.

Часть вторая.

Ц Ѣ Н А.

I. Д е н ь г и.

Глава первая. Деньги. Функціи денегъ. Сущность этихъ функцій . . . . . 104.

Глава вторая. Стоимость денегъ; динамическій и статическій законы стоимости денегъ . . . . . 113.

Глава третья. Количественная теорія стоимости денегъ. The Fiat-theory. . . . . 125.

Глава четвертая. Общественно-потребительная стоимость денегъ. Количественный размѣръ денегъ, требуемый народнымъ хозяйствомъ. Поворотъ къ меркантилизму . . 134.

Глава пятая. Монета. Неудобство и невыгоды монетной формы денегъ . . . . . 144.

Глава шестая. Монетныя системы.

1. Монометаллизмъ. Биметаллизмъ. Геологическая теорія Зюсса. Система фактическаго биметаллизма при условіи соглашенія первостепенныхъ государствъ.

2. Состояніе денежнаго рынка въ Европѣ и сѣвер. Америкѣ. Соед. Штаты. Австро-Венгрія. Италія. Германія.

3. Размѣнная или билонная монета.

4. Вексельный курсъ. . . . . 150.

II. Кредитъ . . . . . 193.

Глава первая. Кредитъ, его опредѣленіе. Система кредита, ея основаніе. Взаимное отношеніе системъ кредитнаго и денежнаго обращенія. . . . . 195.

Глава вторая. Соціально-экономическое значеніе кредита. Чѣмъ опредѣляется размѣръ кредита. Кредитъ, какъ важнѣйшее средство противъ саморазрушенія капитала. Будущее личнаго кредита. Статистическій законъ, лежащій въ его основаніи (Шульце-Деличъ). . . . . 214.

Глава третья. О вліяніи кредита на образованіе и колебаніе цѣнъ.

1. Общее ученіе о вліяніи кредита на цѣны.
2. Денежная школа — Currency-principles. Банковый актъ Р. Пиля 1844 г. Bullion-Report. 1810 г. Кредитная школа — Banking-principles.
3. Примиреніе кредитной и денежной школъ. Динамическій и статическій законы денежнаго обращенія . . . . . 234.

П. Кредитъ . . . . . 193.

Глава первая. Кредитъ, его опредѣленіе. Система кредита, ея основаніе. Взаимное отношеніе системъ кредитнаго и денежнаго обращенія. . . . . 195.

Глава вторая. Соціально-экономическое значеніе кредита. Чѣмъ опредѣляется размѣръ кредита. Кредитъ, какъ важнѣйшее средство противъ саморазрушенія капитала. Будущее личнаго кредита. Статистическій законъ, лежащій въ его основаніи (Шульце-Деличъ). . . . . 214.

Глава третья. О вліяніи кредита на образованіе и колебаніе цѣнъ.

1. Общее ученіе о вліяніи кредита на цѣны.
2. Денежная школа — Currency-principles. Банковый актъ Р. Пиля 1844 г. Bullion-Report. 1810 г. Кредитная школа — Banking-principles.
3. Примиреніе кредитной и денежной школъ. Динамическій и статическій законы денежнаго обращенія . . . . . 234.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая работа, охватывая въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ выпусковъ всю область явленій денежнаго обращенія, далеко не претендуетъ исчерпать вопросъ во всемъ его объемѣ. Ограничиваясь анализомъ «цѣнности и цѣны», какъ основною темой, главною руководящею идеей, связующей и пронизывающей всѣ части этого изслѣдованія, я никогда не упускалъ изъ виду, что денежное обращеніе есть не болѣе, какъ процессъ образованія цѣны, а цѣна, въ свою очередь, не болѣе, какъ modus цѣнности.

Эта точка зрѣнія, какъ путеводная нить въ лѣсахъ и дебряхъ затронутаго вопроса, очерчиваетъ, кажется, довольно ясно направленіе и предметъ предлагаемаго изслѣдованія. Заглавіе — «теорія денежнаго обращенія» указываетъ, съ одной стороны, на матеріалъ и почву изслѣдованія цѣнности и цѣны, показываетъ, что явленіе изучается тамъ, гдѣ оно объективируется, съ другой — «цѣнность и цѣна» ограничиваютъ область изслѣдованія денежнаго обращенія, никого не вводя, такимъ образомъ, въ заблужденіе.

Первый отдѣлъ трактуетъ о цѣнности. Теорія мѣновой цѣнности — основное понятіе, краеугольный камень если и не всей политической экономіи, какъ полагалъ Прудонъ, то во всякомъ случаѣ — отдѣльной ея части, обмѣна или обращенія богатствъ. «Понятіе о ней, ея идея есть въ нѣкоторомъ родѣ логическое зачатіе всѣхъ основныхъ понятій, спеціализируемыхъ, сопоставляемыхъ и дедуцируемыхъ наукой политической экономіи. Потребности, удовлетвореніе потребностей, трудъ, производство, обмѣнъ,

цѣна—всѣ эти понятія состоятъ въ непосредственной связи съ понятіемъ мѣновой цѣнности, ея необходимыя предположенія или послѣдующія стадіи ея развитія или послѣдующія стадіи развитія ея элементовъ» [1].

Относительно метода изслѣдованія въ политической экономіи мы позволимъ себѣ привесть слѣдующія слова Ад. Вагнера: «Если въ настоящее время», говоритъ онъ, «съ разныхъ сторонъ такъ часто слышится безусловное осужденіе дедуктивнаго изслѣдованія явленій народнаго хозяйства и указывается на индуктивный (историко-статистическій) методъ, какъ на единственно-оправдываемый въ этой наукѣ, то это обнаруживаетъ только полную неясность въ пониманіи метода политической экономіи» [2].

Въ «введеніи» читатель найдетъ дальнѣйшее развитіе этого положенія, связаннаго съ вопросомъ о провозглашенномъ кризисѣ въ политической экономіи.

---

[1] См. Faucher's Vierteljahrschrift, 1863, I B. S. I: «Vom Werthe»., Otto *Michaeli*: «Der Begriff des Werthes bildet gewissermassen den logischen Keim aller der Grundbegriffe, welche die Wissenschaft specialisirt, in Gegensatz stellt, auseinander erwachsen lässt. Bedürfniss, Befriedigung, Arbeit, Production, Tausch, Preis — alle diese Begriffe stehen mit dem Werthbegriffe in unmittelbaren Beziehungen, sind entweder seine Voraussetzungen, oder seine weiteren Entwickelungsstadien oder die weiteren Entwickelungsstadien seiner Elemente».

[2] См. Исторія и теорія статистики, перев. Янсона, 1879. стр. 139. Вагнеръ, какъ извѣстно, отказался отъ своего прежняго методологическаго направленія и изъ наиболѣе выдающихся послѣдователей смито-рикардовской школы сдѣлался однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ защитниковъ новой катедеръ-соціалистической школы политической экономіи. Приведенныя слова, однако, не касаются этой профессорской метаморфозы и повторяются Вагнеромъ въ его «Lehrbuch der Polit. Oeconomie».

ВВЕДЕНІЕ.

Методъ изслѣдованія въ соціологіи и политической экономіи. Положительное направленіе и его недостатки. Тукъ, Ад. Вагнеръ, Зетберъ. Кризисъ въ политической экономіи. Катедеръ-соціалисты, или новая школа въ политической экономіи.

Положительное, историко-статистическое направленіе въ разработкѣ политико-экономическихъ наукъ съ давнихъ поръ заняло очень видное мѣсто и въ настоящее время достигло наибольшаго своего развитія. Можно говорить противъ увлеченія этимъ методомъ, о безпринципности монографическихъ работъ, характеризующихъ современное состояніе научной разработки предмета, о статистическомъ субъективизмѣ и т. д. Но тѣмъ не менѣе будущее на сторонѣ этого направленія, съ чѣмъ можетъ не согласиться развѣ тотъ, кто не имѣетъ надлежащаго понятія объ этомъ азбучномъ вопросѣ, кто полагаетъ, что констатировка и систематизація фактовъ лишнее дѣло въ изслѣдованіи явленій дѣйствительной жизни.

Но странно, что развитіе этого направленія совпадаетъ съ кризисомъ въ наукѣ. Со всѣхъ сторонъ слышатся возгласы о кризисѣ, переживаемомъ современною политическою экономіей. Утверждаютъ, что основы смито-рикардовской школы разшатаны въ-конецъ, а новыя пока не созданы, пребываютъ in spe, какъ выразился пр. Янжулъ. Чѣмъ объяснить это совпаденіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ науки? Одно изъ двухъ, или методъ изслѣдованія ложенъ, никуда не годенъ, или кризисъ — фикція,

фантомъ разстроеннаго воображенія. Оказывается, однако, что — ни то, ни другое. И кризисъ не фикція, и методъ не ложенъ, но кризисъ не въ экономической наукѣ, а въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, не въ наукѣ, а въ самой жизни. Этимъ простымъ недоразумѣніемъ, какъ сейчасъ увидимъ, и разъясняется небывалое до сихъ поръ совпаденіе.

Въ исторіи наукъ кризисъ вещь не новая, мало того, — это вещь обыкновенная, заурядная. Его переживали не только соціальныя, но и всѣ точныя, положительныя науки. Преемственный переходъ изъ теологическаго въ метафизическій и изъ метафизическаго въ положительный періодъ развитія сопровождался непремѣнно болѣе или менѣе тяжелымъ кризисомъ въ каждой изъ нихъ. Кризисомъ разрѣшился переходъ астрологіи въ астрономію, алхиміи въ химію. «Novum Organon» Бекона, впервые осознавшаго значеніе индуктивнаго метода, «Kritik der reinen Vernunft» Канта, обозначившаго предѣлы человѣческаго познанія, «Cours de philosophie positive» Ог. Конта, объединившаго въ одномъ органическомъ цѣломъ всю область знанія — всѣ эти подвиги ума и генія, составивъ эпоху въ исторіи цивилизаціи, произвели каждый въ свое время критическій переломъ въ общемъ направленіи научной работы мысли. Но и законъ всемірнаго тяготѣнія Ньютона и геліоцентрическая система Коперника тоже произвели кризисъ, его произвелъ телескопъ, его произвелъ и микроскопъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ кризисъ состоялъ въ открытіи новыхъ или усовершенствованіи старыхъ логическихъ или техническихъ пріемовъ изслѣдованія въ открытіи или усовершенствованіи средствъ передвиженія по одной и той-же безконечной дорогѣ къ истинѣ, или, говоря проще, въ методологическомъ переворотѣ. Перевороты эти не только не вели къ летальному исходу или катаклизму, а напротивъ — ими открывалась заря новой жизни, новая эра болѣе плодотворной и болѣе успѣшной ученой работы.

По аналогіи, и кризисъ въ политической экономіи отнесли къ методологическимъ основаніямъ. Еще Бокль доказывалъ, что Ад. Смитъ примѣнилъ сознательно геометрическій методъ Гуччисона въ своихъ соціально-экономическихъ изслѣдованіяхъ и демонстрировалъ свой доводъ поразительно-удачнымъ сопоставленіемъ «Wealth of Nations» (selfinterest) и «Theory of moral sentiments» (sympathy). Конечно, противъ такого толкованія смитовскаго метода служитъ доказательствомъ его экономическій трактатъ отъ первой до послѣдней страницы[1]. Но парадоксъ, прикрытый громкимъ именемъ, сдѣлалъ свое дѣло. Съ тѣхъ поръ установилось мнѣніе, что начало личной пользы, принципъ эгоизма, служащій большою посылкой въ политико-экономическихъ силлогизмахъ, при помощи которой построены всѣ выводы политической экономіи, не есть въ дѣйствительности главный опредѣляющій моментъ хозяйственной дѣятельности всѣхъ и каждаго, а что принципъ этотъ принятъ наукой въ чисто методологическихъ цѣляхъ, для упрощенія задачи изслѣдованія[2]. На самомъ же дѣлѣ человѣкъ, говорятъ, далеко не такъ эгоистиченъ и дѣйствуетъ даже и въ хозяйственной сферѣ подъ вліяніемъ цѣлой массы другихъ, чисто альтруистическихъ мотивовъ, согласно ученію евангелія. Политическая экономія, игнорируя для какихъ бы то ни было цѣлей эти другіе моменты, опредѣляющіе хозяйственную дѣятельность, будто бы погрѣшила противъ истины, имѣя дѣло не съ живымъ

---

[1] Исписавъ цѣлые томы, Ад. Смитъ не оговорился ни однимъ словомъ о приписываемомъ ему методѣ. Чтобы объяснить себѣ эту печать молчанія на умѣющихъ говорить устахъ, необходимо допустить, что въ головѣ Смита происходила какая-то логическая драма или траги-комедія. См. *Skarzynski*, Ad. Smith als Moralphilisoph.

[2] См. *Rau Wagner*. I B. 1876. S. 173: «Das Streben nach dem grössten Vortheil ist das leitende Princip. Diese Hypothese bildet ein wichtiges methodologisches Hülfsmittel.

человѣкомъ, а съ манекеномъ своего собственнаго изобрѣтенія. Объектъ ея изслѣдованія оказался, такимъ образомъ, несуществующимъ, а слѣдовательно и выводы никуда негодными.

Такъ говорятъ представители новой политико-экономической школы, извѣстной подъ различными названіями — «исторической», «реально-психологической», «этической», окрещенной также инкриминаціоннымъ именемъ «катедеръ-соціализма» и которую правильнѣе было бы назвать, по ея практическимъ тенденціямъ, школою компромисса, а по направленію изслѣдованія — политическою экономіей будущаго. Признавая «отчасти» критику ученаго соціализма, новая школа, по словамъ Шмоллера, выступаетъ противъ догмы абсолютнаго индивидуализма, нападаетъ на эгоизмъ и ратуетъ за признаніе необходимости права и нравственности въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній[1].

Ровно ничего не имѣя противъ всѣхъ этихъ desiderata, уступку которымъ сдѣлалъ даже и Рошеръ[2], и признавая, что окончательное принятіе ихъ есть лишь вопросъ времени, не слѣдуетъ однако забывать, что требованія остаются требованіями, пока они не осуществлены. Психическое раздвоеніе человѣка, требующаго нравственной санкціи во всѣхъ сферахъ дѣятельности, исключая хозяйственной, гдѣ она не только не обязательна, но и не возможна, какъ утверждаютъ многіе, потому что дорого стоитъ,—надо полагать, составляетъ безспорно одинъ изъ наиболѣе

---

[1] См. *Schmoller*, Ueber einige Grundfragen des Rechts- und der Volkswirthschaft, 1875. S. 8: «Sie wissen, обращается онъ къ Трейчке, dass unser Socialismus sich darauf beschränkt, die Kritik der socialistischen Litteratur theilweise berechtigt zu finden, gegen das Dogma des absoluten Individualismus und der ünbedingten Berechtigung des Egoismus Front zu machen, die Principien der Sitte und des Rechts in der Volkswirthschaft anzuerkennen».

[2] См. 15-е изд. его Grundlagen der National-oekonomie. 1880.

крупныхъ пробѣловъ общественнаго самосознанія. Извративъ коренныя основы соціально-экономическаго строя, пробѣлъ этотъ лежитъ чернымъ пятномъ на совѣсти классической политической экономіи, недодумавшейся до его осознанія[1]. Но упрекъ этотъ не можетъ идти дальше отрицанія за нею того вліянія, какое она должна была оказать, по долгу совѣсти, на экономическое міросозерцаніе вообще. Ограничившись изученіемъ того, что есть, она рѣшила по мѣрѣ силъ своихъ спеціально-ученую, профессіональную задачу, и въ этомъ отношеніи ея заслуги не могутъ быть оспариваемы. Констатировавъ господство узкаго эгоизма, лежащаго въ основѣ экономической дѣятельности человѣка, она на немъ построила свои выводы, на немъ воздвигла свое зданіе; и зданіе это не рушится до тѣхъ поръ, пока не рушится само основаніе. Если на мѣсто узко-эгоистическихъ явятся новые импульсы экономической дѣятельности, этическіе и правовые, то тогда только настанетъ время распрощаться съ современною политическою экономіей. Иныя психологическія основанія приведутъ къ инымъ результатамъ, къ инымъ законамъ хозяйственныхъ отношеній. Но это — дѣло будущаго. Новая школа, предвосхищая будущее направленіе изслѣдованія, и можетъ поэтому не безъ основанія считаться политическою экономіей будущаго.

Но гг. катедеръ-соціалисты, забывая свое положеніе вопіющаго въ пустынѣ, разъигрываютъ довольно забавную и двусмысленную исторію. Въ пылу увлеченія, должно быть они приняли будущее за настоящее, и оказалось, что и въ современной жизни въ области хозяйственныхъ отношеній на-ряду съ эгоизмомъ царятъ и высоко-нравственныя побужденія. Борьба за право, вы-

[1] Только на склонѣ лѣтъ своихъ Рау, напр., подымаетъ этотъ вопросъ, совершенно игнорированный имъ до того времени, и въ статьѣ — «Die Volkswirthschaftslehre und ihr Verhältniss zur Sittenlehre» въ Tübing. Zsft, 1870, I Heft, высказываетъ полное его непониманіе.

держанная противъ Трейчке, Ляссона, Гельвальда и тому подобныхъ, произвела, какъ оказывается, чудодѣйственный эффектъ. сразу осуществивъ катедеръ-соціалистическія pia desideria. Забыли, что сила предшествуетъ праву (Gewalt geht vor Recht), и, удовольствовавшись платоническимъ преломленіемъ копій съ кликой эрудиціонной одичалости, воспѣли побѣдный гимнъ. Ничего нестоющіе единичные факты и явленія, до которыхъ экономической наукѣ нѣтъ никакого дѣла, возвели въ цѣлую систему, игнорируя среднія явленія, какъ количественно преобладающія и дающія тонъ и окраску всей общественной жизни. Ад. Вагнеръ и Шеффле изобрѣтаютъ цѣлыя области народно-хозяйственныхъ отношеній, гдѣ, по ихъ мнѣнію, о господствѣ личнаго интереса не можетъ быть и рѣчи. Это — область семейныхъ и филантропическихъ отношеній (caritatives System) и область государственнаго хозяйства (zwangsgemeinwirthschaftliches oder communistisch-socialistisches System). Но филантропія не имѣетъ ничего общаго съ хозяйственною дѣятельностью, являясь скорѣе результатомъ политики, замаливающей свои прегрѣшенія. Если же между членами аристократической или буржуазной семьи и нѣтъ экономическихъ отношеній по принципу неограниченной конкурренціи, то едва-ли можно сказать то-же самое относительно крестьянскихъ и рабочихъ семей. Экономическая caritas необходимо пользуется тамъ весьма ограниченными правами, такъ-какъ положеніе каждаго члена семьи опредѣляется рыночною конъюнктурой, желѣзнымъ закономъ заработной платы. Что же касается соціально-коммунистической системы, практикуемой общественно-государственнымъ хозяйствомъ, то и на этотъ счетъ сомнѣнія быть не можетъ. Въ лучшемъ случаѣ регламентація общественно-государственныхъ отношеній основывается на началѣ общественной пользы, какъ принципъ, и на началѣ личной или, правильнѣе, сословной пользы, какъ фактъ. Впрочемъ, изобрѣтенія Шеффле и Вагнера — только прелюдія катедеръ-соціали-

стическаго умиленія. На этомъ не остановились; идя далѣе по той-же дорогѣ, послѣдователи новой школы шагъ за шагомъ стали дѣлать все новыя и новыя открытія и договорились до того, что и законъ заработной платы оказался однимъ измышленіемъ Ад. Смита и Д. Рикардо. На самомъ же дѣлѣ заработная плата почти вполнѣ достаточна для удовлетворенія всѣхъ потребностей рабочаго и его семьи, и въ этомъ отношеніи для ея реорганизаціи, по мнѣнію Лавеле и Леруа-Болье[1], напр., остается сдѣлать весьма немного. Стараясь, такимъ образомъ, примирить дѣйствительность съ критикой соціализма, стоящаго на почвѣ смито-рикардовской политической экономіи, новая школа съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа школой компромисса.

Безспорно, что компромиссъ въ практической жизни крайне необходимая вещь. Имъ не брезгаетъ, какъ извѣстно, и «желѣзный канцлеръ». Да и сама жизнь — безконечный рядъ всевозможнѣйшихъ компромиссовъ. Но компромиссъ въ теоріи — это лицемѣріе или идіотизмъ. Логика не знаетъ никакихъ уступокъ и не можетъ ихъ знать безъ своего собственнаго самоуничтоженія; только слабая логика пойдетъ на сдѣлку. Катедеръ-соціалисты, вступивъ на этотъ ложный путь, открыли «Epigonen-periode» въ развитіи политико-экономической литературы, какимъ именемъ окрестилъ ея современное состояніе Ад. Вагнеръ, впрочемъ, по направленію къ фритредерамъ.

И такъ, возвращаясь къ вопросу, поставленному выше, необходимо признать, что методологическій переворотъ не могъ вызвать кризиса. Переворотъ этотъ преждевременъ, пока еще не явились условія примѣненія новаго метода. Для научныхъ изслѣдованій соціально-экономическихъ отношеній остается тотъ-же самый методъ, какимъ пользовались Ад. Смитъ и Д. Рикардо съ улучшеніями, соотвѣтствующими развитію логики вообще. Не

[1] Le socialisme contemporain. 1881. De la moindre inégalité dans la répartition des richesses. 1881.

смотря на всѣ увѣренія катедеръ-соціалистовъ, современная область соціально-экономическихъ отношеній есть царство эгоизма, личнаго интереса, гдѣ каждый норовитъ взять возможно больше и дать возможно меньше. И хотя этотъ экономическій символъ вѣры мало чѣмъ отличается отъ щедринскаго «toujours prendre, jamais rendre et encore prétendre», тѣмъ не менѣе не наукѣ скрашивать его. Къ чести экономистовъ-классиковъ, они очень хорошо понимали, что принципъ личной выгоды не созданъ ими для цѣлей метода, не выдвинутъ на первый планъ удобства ради, но что и въ самой жизни онъ господствуетъ, какъ исключительный психологическій стимулъ, въ значительно преобладающемъ большинствѣ случаевъ, уступая свое мѣсто, въ-видѣ рѣдкаго изъятія изъ общаго правила, другимъ побужденіямъ у единичныхъ лицъ. Но послѣднія не играютъ роли въ процессѣ непосредственнаго образованія соціально-экономическихъ законовъ, а потому и не составляютъ объекта экономическихъ изслѣдованій.

Вѣрному пониманію этой точки зрѣнія смито-рикардовская школа и обязана, главнымъ образомъ, строго-научною стороной своихъ изслѣдованій. Провозглашая laissez faire, laissez passer, нельзя сказать, чтобы Ад. Смитъ совсѣмъ непонималъ отрицательныхъ сторонъ этой доктрины, перенятой имъ цѣликомъ у физіократовъ, у которыхъ она явилась какъ реакція противъ чрезмѣрной, всеподавляющей, правительственной регламентаціи. Въ общемъ его ученіе — апотеозъ принципа личной выгоды; онъ предоставляетъ ему полный просторъ дѣятельности, считая его вѣрнѣйшимъ залогомъ всеобщаго преуспѣянія. Но это не помѣшало ему замѣтить относительно поземельной ренты, что собственники земли, подобно всѣмъ другимъ людямъ, любятъ пожинать тамъ, гдѣ не сѣяли[1]. У Рикардо и Мальтуса воззрѣнія далеко уже не

---

[1] «The landlords, like all other men, love to reap where they never sowed and demand a rent even for its naturale produce».

тѣ. Смотря прямо въ глаза дѣйствительности, они, не задумываясь, признаютъ отрицательныя стороны соціально-экономическаго строя, признаютъ безъ оговорокъ, категорически и безбоязненно. Разница лишь въ томъ, что Рикардо считалъ ихъ неизбѣжными и ничѣмъ неустранимыми слѣдствіями естественныхъ и вѣчныхъ законовъ природы, къ которымъ онъ причислялъ и экономическіе законы, а Мальтусъ, совершенно на-оборотъ, задумалъ было реформировать человѣчество вплоть до основныхъ его физіологическихъ отправленій, оставляя нетронутыми вѣчные и незыблемые законы экономической природы.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени. Наука и жизнь рѣшили безповоротно судьбу узко-эгоистическаго начала, какъ регулятора народно-хозяйственныхъ отношеній. Пауперизмъ и пролетаріатъ, съ одной стороны, лукулловская роскошь съ другой — вотъ его прямые результаты, очевидные и неподлежащіе спору. Наука, вѣрная своей задачѣ, анализировала законы хозяйственныхъ явленій, законы производства, потребленія и распредѣленія въ предѣлахъ, обозначенныхъ законами человѣческой логики. Кризисъ господствуетъ не въ экономической наукѣ, какъ хотятъ увѣрить, а въ самой жизни, въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, проявляясь съ особенною силой въ такъ-называемомъ соціальномъ вопросѣ, постановка котораго до сихъ поръ вызывала лишь переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Вопросъ вопросовъ, рабочій вопросъ, или соціальный par excellence, лежитъ тяжелымъ бременемъ надъ всей жизнью, омрачая невинное веселіе пирующихъ. Съ неотразимою силой ломаются въ дверь отвергнутые, неполучившіе Мальтусова приглашенія на званный пиръ природы, и съ неслыханною наглостью заявляютъ свои права на приличное существованіе. Въ-попыхахъ катедеръ-соціалисты обвинили въ жестокости и безчеловѣчности политическую экономію, которая своими методологическими пріемами вывела на свѣтъ божій семиглавую гидру, разыгравшую кровавую сцену парижской коммуны,

въ общемъ диссонансѣ которой князь Бисмаркъ, однако, съумѣлъ найдти «einen gewissen berechtigten Kern»[1].

Не замѣчая или не желая замѣчать соціально-экономическаго кризиса, такъ рѣзко бросающагося въ глаза, катедеръ-соціалисты прокричали о кризисѣ въ политической экономіи, сваливая, такимъ образомъ, вину съ больной головы на здоровую. Разница между этими двумя кризисами черезчуръ существенна, чтобы ихъ можно было смѣшивать не-хотя. Кризисъ, о которомъ идетъ рѣчь, не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ періодическихъ кризисовъ, которые отъ времени до времени посѣщаютъ современную Европу и Америку, проявляясь по преимуществу въ повышеніи дисконта, биржевой паникѣ, нападеніяхъ на банковые резервы и т. п. Эти послѣдніе проходятъ очень скоро, почти безслѣдно, проглотивъ десятокъ—два обанкрутившихся фирмъ, да сотню—другую обнищавшихъ рабочихъ, невыдержавшихъ борьбы съ лишеніями въ вызванную кризисомъ безработицу. Симптомы соціально-экономическаго кризиса, перешедшаго въ хроническое состояніе, конечно, не такіе рѣзкіе, но они постоянны и даютъ себя чувствовать вездѣ и во всемъ. Тѣмъ не вѣроятнѣе казалась бы возможность перенесенія его изъ жизни въ науку.

Если, слѣдовательно, кризисъ въ политической экономіи не существуетъ, то и о совпаденіи его съ развитіемъ историко-статистическаго метода не можетъ быть и рѣчи. Но совпаденіе это могло бы имѣть мѣсто, не будучи въ то-же время логическою несообразностью.

Говоря о методахъ изслѣдованія, необходимо дѣлать различіе между логическими и техническими методами. Къ первымъ принадлежатъ: наведеніе, выводъ и комбинація ихъ, а также приблизительное наведеніе. Будучи осознанными процессами логической работы мысли, методы эти служатъ единственнымъ ору-

---

[1] Рѣчь 2-го мая 1871 года.

діемъ въ изслѣдованіи причинной связи явленій. Къ техническимъ методамъ относятся тѣ, при помощи которыхъ констатируются и систематизируются факты и явленія, необходимые, какъ матеріалъ, для логической работы мысли. И такъ-какъ въ наше время никто не вѣритъ въ самопознающую силу духа, то само собой, что установленіе и упорядоченіе фактовъ и явленій составляетъ очень важную, существенно необходимую, составную часть всѣхъ логическихъ методовъ изслѣдованія. Не смотря на это, все же техническіе методы или лучше пріемы играютъ подчиненную, служебную роль, служатъ подспорьемъ ровно никуда негоднымъ, если окажется, что они были въ услуженіи у ложнаго логическаго метода. Только правильная постановка послѣдняго не можетъ ни подъ какимъ выводомъ совпадать съ кризисомъ въ наукѣ.

Анализъ логическихъ методовъ изслѣдованія, не смотря на всѣ успѣхи въ развитіи логики, останется неудовлетворительнымъ до тѣхъ поръ, пока психологія не рѣшитъ вопроса — что такое истина и въ чемъ состоитъ ея несомнѣнный критерій. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе вопроса о методахъ изслѣдованія въ соціологіи, я остановлюсь только на наиболѣе общихъ мѣстахъ его, чтобы перейдти въ-слѣдъ за-тѣмъ къ историко-статистическому направленію, характеризующему современное состояніе литературы политической экономіи.

За невозможностью экспериментаціи, точное наведеніе, какъ извѣстно, не примѣнимо въ соціологіи[1]. Этому въ значительной степени препятствуетъ и многопричинность соціальныхъ явленій, а также и то обстоятельство, что одно и то-же явленіе въ одно и то-же время можетъ быть и причиною и слѣдствіемъ другого соціальнаго явленія[2]. Вслѣдствіе этого, соціологія должна

---

[1] См. *Миллъ*, Логика. II т. 452—461.

[2] См. *Lewis*, Methods in Politics. 1852. I v. Mutuality of cause and effect.

довольствоваться эмпирическими законами, получаемыми при помощи наведенія чрезъ простое перечисленіе (inductio per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria), которое не идетъ дальше установленія сосуществованія (coëxistence) и послѣдованія (consequence) явленій, не рѣшая вопроса о причинной связи ихъ. Раскрываясь путемъ сравнительно-историческаго наведенія во времени и пространствѣ, эмпирическіе законы соціологіи требуютъ дедуктивной повѣрки, которая состоитъ въ согласованіи ихъ съ законами психологіи[1]. Согласованіе это должно примирить законы соціологіи съ данными психологіи, должно показать, что таковы именно и должны быть законы соціологіи, какъ прямое логическое слѣдствіе законовъ психологіи. По существу, слѣдовательно, первые — производные отъ вторыхъ. Прямое дедуцированіе, Rechnen der Begriffe, по сложности логической операціи въ данномъ случаѣ, не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Даже если-бы законы психологіи были вполнѣ извѣстны, то и тогда «предусмотрѣть напередъ весь длинный рядъ чрезвычайно сложныхъ вліяній обстоятельствъ на человѣка и человѣка на обстоятельства было бы задачей, превосходящей ограниченныя средства человѣческаго ума»[2].

Общественная жизнь представляетъ безконечное «смѣшеніе» соціальныхъ законовъ. Апріорическое изслѣдованіе ихъ, дедукція изъ законовъ психологіи, могла бы дать въ результатѣ цѣлый рядъ чисто-отвлеченныхъ положеній, теоремъ, неимѣющихъ никакого практическаго значенія. О сходствѣ ихъ съ математическими выводами нечего и говорить. Послѣдніе исходятъ изъ аксіомъ, а законы психологіи проблематичны въ высшей степени. До сихъ-поръ не рѣшенъ вопросъ о способѣ ея разработки.

---

[1] См. *Aug. Comte*, v. IV.

[2] См. *Сергѣевичъ*, Задача и методъ государственныхъ наукъ. *Миллъ*, l. cit. II т. p. 495.

И хотя презумція будущности на сторонѣ физіологическаго направленія, тѣмъ не менѣе, для того, чтобы попасть въ разрядъ точныхъ наукъ, психологія должна обождать развитія психо-физики, какъ своего непосредственнаго основанія, а психо-физика по словамъ Сѣченова, напр., должна еще только появиться на свѣтъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ [1]. Притомъ, причины соціальныхъ феноменовъ до-того многочисленны, что если-бы даже законы ихъ, каждаго порознь и были извѣстны, то предстояло бы еще непреоборимое затрудненіе въ изслѣдованіи ихъ совокупнаго дѣйствія. Мало того, допустивъ даже невѣроятную возможность свести соціальные законы къ математическимъ величинамъ, качественныя явленія къ количественнымъ (физическая гипотеза Грове), то и въ такомъ случаѣ опредѣленіе совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ этихъ законовъ оказалось бы свыше средствъ вычисленія, какими располагаетъ современная математика во всемъ ея объемѣ. Послѣдняя, какъ извѣстно, безсильна уже въ рѣшеніи болѣе сложныхъ физическихъ задачъ. На этомъ основано заключеніе Ог. Конта, что попытка примѣненія математики въ области изслѣдованія соціальныхъ явленій служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ глубокой философской несостоятельности [2]. Вотъ почему соціологія, не желая выродиться въ систему идеологическихъ построеній, должна обосновывать каждое свое положеніе на сравнительно-историческомъ и статистическомъ изслѣдованіи общественныхъ явленій, объединяя и соглашая ихъ въ общихъ выводахъ психологіи. Въ этомъ и состоитъ ея обратно дедуктивный методъ. Исторія и статистика играютъ въ немъ необходимую и первостепенную роль.

---

[1] См. Введеніе въ «физіологію» Отто-Функе.

[2] IV v. p. 512 — 513: l'involontaire témoignage décisif d'une profonde impuissance philosophique.

Политическая экономія, хотя и интегральная часть соціологіи вообще, пользуется, однако, совершенно отличнымъ и въ нѣкоторой степени противоположнымъ съ нею методомъ изслѣдованія. Какъ въ исходномъ, такъ и въ заключительномъ моментахъ разница двухъ методовъ весьма существенна. Вмѣсто цѣлаго психологическаго міра, неизвѣданнаго и безконечно сложнаго, политическая экономія имѣетъ дѣло съ однимъ опредѣленнымъ моментомъ воли, чрезъ посредство котораго осуществляется каждый актъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Воля послѣдняго въ его хозяйственныхъ разсчетахъ и соображеніяхъ слѣдуетъ неуклонно принципу личной выгоды, барыша или прибыли. По-крайней-мѣрѣ это вѣрно относительно значительно преобладающаго большинства людей, при чемъ не отрицается возможность исключеній, до-того впрочемъ незначительныхъ, что наука смѣло можетъ игнорировать ихъ въ изслѣдованіи общихъ законовъ экономическихъ отношеній, на которыя они не могутъ имѣть непосредственнаго вліянія. Этотъ психологическій фактъ, лежащій въ основѣ всѣхъ политико-экономическихъ выводовъ, не есть прирожденное свойство человѣческой природы Онъ, конечно, продуктъ историческихъ вліяній, подлежащій не только измѣненію, но и уничтоженію, съ измѣненіемъ и уничтоженіемъ вызвавшихъ его причинъ. Доказательство его существованія— въ наведеніи чрезъ простое перечисленіе, т. е. существованіе его доказывается тѣмъ-же способомъ, какъ и законосообразность явленій природы, общій законъ связи причины со слѣдствіемъ, законъ единообразія въ природѣ, признаніе котораго - необходимое условіе всѣхъ точныхъ способовъ наведенія. Какую бы систему хозяйства мы ни разсматривали, частную, общественную или государственную — все равно — вездѣ мотивъ воли одинъ и тотъ же. «Составленіе причинъ» есть общій законъ соціальныхъ явленій. Общество или государство, состоя изъ отдѣльныхъ лицъ или индивидовъ, характеризуется индивидуальными свойствами

этихъ послѣднихъ. Въ обществѣ человѣкъ не теряетъ своей индивидуальности, а потому и законы общества сводятся къ законамъ личности[1].

Имѣя готовой большую посылку, политическая экономія пользуется дедуктивнымъ методомъ и индуктивною повѣркой. Выводные экономическіе законы указываютъ лишь стремленіе, тенденцію тѣхъ или другихъ соціальныхъ феноменовъ, тогда какъ вопросъ объ осуществленіи этихъ законовъ, по причинѣ большой массы противодѣйствующихъ вліяній, остается совершенно открытымъ[2]. Его рѣшаетъ повѣрка не строго-индуктивная, невозможная въ политической экономіи, такъ-же какъ и въ соціологіи, а приблизительно-индуктивная. И хотя еще Беконъ отрицалъ научное самостоятельное достоинство приблизительнаго наведенія[3], тѣмъ не менѣе дедуктивный выводъ получилъ въ немъ очень вѣское подтвержденіе. Но и отсутствіе подтвержденія не дискредитируетъ его нисколько[4]. Комбинація противудѣйствующихъ вліяній, умаляющихъ или часто даже низводящихъ до нуля предполагаемый эффектъ, не состоитъ вѣдь во внутренней связи съ логическимъ достоинствомъ дедуктивнаго вывода. Статистическому, цифровому обозначенію поддаются далеко не всѣ проявле-

---

[1] Теорія соціальныхъ организмовъ, пущенная въ ходъ Шеллингомъ и разработанная съ большимъ усердіемъ г. Спенсеромъ, по существу не противорѣчитъ этому воззрѣнію.

[2] См. Tübing. Zsft, 1868, *Kümelin*, Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes. «Die socialen Gesetze zeigen die Tendenz, die Richtung an, nach welcher hin Gewisse Kräfte wirksam werden».

[3] См. *Lewis*, l. c. I v. p. 382: «It is a capital error to supposse that any multiplication of instances will suffice».

[4] Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ законъ поземельной ренты Рикардо, который до-сихъ-поръ не провѣренъ индукціей.

нія соціальныхъ законовъ. Объ этомъ часто забываютъ, когда говорятъ о положительномъ направленіи экономическихъ изслѣдованій. Конечно, кромѣ повѣрки, историко-статистическая разработка имѣетъ еще громадное значеніе фактическаго матеріала, безъ котораго не можетъ обойдтись никакая дедукція. Разработанный и систематизированный фактическій матеріалъ наталкиваетъ мысль на такіе вопросы, которые иначе не явились бы въ головѣ человѣка. Ни о производительныхъ ассоціаціяхъ, ни о гипертрофіи капитала, ни о разсчетныхъ домахъ и чековыхъ банкахъ не говорятъ экономисты XVIII ст.; они не предвидѣли даже соціальнаго вопроса, который, казалось бы, легко могъ быть дедуцированъ изъ желѣзнаго закона заработной платы. Количественный моментъ экономическихъ явленій, имѣющій первостепенное практическое значеніе, совсѣмъ не поддается апріорному вычисленію. Если и до постройки первой линіи можно было предугадать вѣроятное вліяніе желѣзныхъ дорогъ на общее экономическое положеніе страны, предсказать ихъ стремленіе къ уравненію цѣнъ, то о количественныхъ размѣрахъ этихъ явленій трудно было составить какое-либо понятіе. Извѣстны, напр., ошибки въ вычисленіяхъ доходности первыхъ желѣзнодорожныхъ линій [1], пока еще путемъ опыта не отысканы были надежныя основанія для количественной оцѣнки перемѣнъ въ общественныхъ отношеніяхъ, вызываемыхъ улучшеніемъ путей сообщенія.

Но ни исторія, ни статистика въ политической экономіи сами по себѣ ничего не доказываютъ въ строго логическомъ смыслѣ. Въ процессѣ логическаго доказательства роль ихъ чисто слу-

---

[1] См. *Чупровъ*, Желѣзнодорожное хозяйство, т. II. В. I. стр. 3—4. Для манчестеро-ливерпульской желѣзной дороги вычисленъ былъ доходъ въ 250.000 фр., а получено 2.545.000 фр.; для николаевской желѣзной дороги г. Атрѣшковъ вычислялъ доходъ всего въ 5.650 тысячъ руб. сер.

жебная, хотя на практикѣ онѣ оказываютъ громадное вліяніе на составленіе убѣжденій. Не только приблизительное наведеніе, повторенное нѣсколько разъ для одного и того-же случая, но и простая экземплификація пользуется въ значительной степени такимъ-же вліяніемъ. И какъ примѣры, приводимые Ад. Смитомъ въ «Богатствѣ народовъ», по вѣрному замѣчанію Бокля, не доказываютъ, а только иллюстрируютъ его экономическія положенія, такъ и статистическія изслѣдованія по методу приблизительнаго наведенія, безъ руководящей дедуктивной работы, не идутъ дальше установленія фактовъ и ихъ принципированія.

Можно указать очень много работъ въ экономической литературѣ строго положительнаго направленія, работъ общеизвѣстныхъ и очень дѣльныхъ, страдающихъ, однако, отсутствіемъ руководящихъ философскихъ началъ и потому непринесшихъ тѣхъ результатовъ, какихъ можно было отъ нихъ ожидать.

Выдающійся примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ шеститомная «Исторія» цѣнъ *T. Тука*. Овладѣвъ громаднѣйшимъ статистическимъ матеріаломъ, весьма тщательно обработаннымъ, авторъ не пришелъ къ рѣшительнымъ выводамъ, не убѣдилъ даже самого себя. Выдвинутое имъ положеніе, что «цѣны не опредѣляются количествомъ средствъ обращенія (the circulating medium), а напротивъ — количество средствъ обращенія опредѣляется состояніемъ цѣнъ», доказательству котораго посвящены всѣ шесть томовъ не исключительно, конечно, а главнымъ образомъ,— остается у него чисто эмпирическимъ закономъ, причинная связь котораго совсѣмъ не выяснена. Имѣя подъ-рукой противорѣчащіе факты, съ которыми ему, за полнымъ отсутствіемъ синтеза, не удалось справиться, Тукъ неоднократно и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ своихъ показаніяхъ предъ парламентскими коммиссіями высказывалъ взгляды, прямо противорѣчащіе его основному ученію. Кто далъ себѣ трудъ прочесть всѣ томы «Исторіи цѣнъ» отъ первой до послѣдней страницы, тотъ легко со-

гласится, что Тукъ, стараясь не сходить съ фактической почвы, съ почвы историческихъ и статистическихъ данныхъ, не пришелъ ни къ одному научному выводу, сколько-нибудь важному и соотвѣтствующему хотя-бы отчасти затраченнымъ имъ усиліямъ. Не только цѣльной экономической системы, но — и ни одного выдержаннаго принципа; противорѣчій, и очень существенныхъ, цѣлая масса, обобщеній никакихъ; ни руководящихъ, хотя бы предвзятыхъ, принциповъ въ началѣ, ни заключительныхъ выводовъ въ концѣ[1]. Что бы ни думать о полемическихъ пріемахъ, во всякомъ случаѣ достойно вниманія, что одинъ изъ наиболѣе выдающихся экономистовъ Англіи, полковникъ Торренсъ, не постѣснился сказать, что «Исторія цѣнъ» Тука есть сборникъ историческихъ фактовъ, доказывающихъ ложность принципа, что колебанія въ количествѣ орудій обращенія не имѣютъ вліянія на колебанія цѣнъ[2]. По отношенію къ этому ученію, Туку удалось только констатировать фактъ, что выпуски бумажныхъ денегъ въ Англіи въ рестрикціонный періодъ всегда слѣдовали за повышеніемъ цѣнъ, а не предшествовали ему. Это — одна изъ существеннѣйшихъ заслугъ его колоссальнаго труда.

Ошибки и промахи отдѣльныхъ лицъ не могутъ, конечно, быть поставлены въ укоръ методу. Здѣсь, очевидно, идетъ дѣло о неумѣломъ пользованіи — и только. Но слѣдуетъ, кажется, обратить вниманіе на то, что архи-статистическая разработка со-

---

[1] Доказательства, съ подробными указаніями на отдѣльныя мѣста сочиненій Тука, читатель найдетъ какъ въ настоящемъ отдѣлѣ о цѣнности, такъ и въ слѣдующихъ: — о деньгахъ, кредитѣ, банкахъ и биржевой спекуляціи.

[2] См. *Torrens*, Sir R. Peel's Act of 1844. 1855. p. 192: Mr. Tooke's History of Prices is a magazine of historical facts demonstrative of the fallacy of the principle, that variations «in the quantity of the circulating medium do not affect prices».

впадаетъ очень часто съ полнымъ отсутствіемъ объединяющихъ началъ и заключительныхъ выводовъ, сколько-нибудь серьёзныхъ. Зетберъ, напр., считающійся чуть-ли не первымъ авторитетомъ во всей Германіи по вопросу о металлической валютѣ и дѣйствительно очень много сдѣлавшій по статистической разработкѣ его, выказалъ удивительную шаткость взглядовъ въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, касающихся монетной реформы въ Германіи. Справедливо считаясь ея главнымъ вдохновителемъ и даже отцемъ, онъ рѣшился на этотъ роковой шагъ, основываясь по преимуществу на томъ соображеніи, что въ пользу золота высказалась французская Enquête 1870 года. Цѣлый рядъ ошибокъ въ проведеніи реформы и ея рѣшительная неудача краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о глубинѣ его статистическихъ воззрѣній[1]. Еще интереснѣе его попытка рѣшить вопросъ о вліяніи пятимилліардной контрибуціи на экономическое положеніе Франціи и Германіи[2]. Казалось бы, компетентнѣе въ этомъ отношеніи другого не найдти; на дѣлѣ, однако, узнаемъ только, что Франція послѣ уплаты контрибуціи сдѣлалась на 1395 мил. талеровъ бѣднѣе, а Германія на-столько же богаче (S. 12), и что французы поняли, что еще одна такая-же война непремѣнно разорила бы ихъ окончательно (S. 56). Вопросъ же о томъ, были ли эти милліарды для Германіи «der befruchtende Regen» или «das Danaer Geschenk» — такъ и остался вопросомъ. Невольно приходятъ на память слова Сисмонди, что вычисленія въ политической экономіи ведутъ лишь къ заблужденіямъ[3]. Проф. Леплэ не безъ основанія замѣтилъ, что искусственная

---

[1] См. ниже, отдѣлъ — « Деньги ».

[2] Die fünf Milliarden. 1874.

[3] См. Nouveaux principes, 1819, I v. p. 288: L'économie politique n'est pas une science de calcul, mais une science morale. On égare quand on croit se guider par des nombres.

группировка цифръ даетъ возможность доказывать съ извѣстною степенью вѣроятности какое угодно апріорное положеніе [1]. Дѣлая прямое заключеніе, можно было бы сказать, что статистическій методъ pur sang наименѣе убѣдителенъ, чѣмъ и объясняется, что, не по уму усердные, его поклонники — обыкновенно отчаянные эклектики.

Не говоря ни о неудовлетворительномъ состояніи статистическихъ данныхъ вообще, ни о невозможности цифрового обозначенія весьма многихъ общественныхъ явленій, въ значительной степени подрывающихъ значеніе статистики, какъ метода, я упомяну еще о статистическомъ субъективизмѣ, какъ недостаткѣ, встрѣчающемся почти на каждомъ шагу. Недостатокъ этотъ, правда, по источнику происхожденія, совершенно противоположенъ тому, о которомъ была рѣчь выше. Статистическій субъективизимъ, или произвольное, обыкновенно предвзятое, толкованіе статистическихъ выкладокъ встрѣчается у лучшихъ экономистовъ и есть просто слѣдствіе того, что l'homme voit, comme il veut.

Извѣстнѣйшая работа Ад. Вагнера «Русскія бумажныя деньги» (перевед. и дополненная Н. Х. Бунге. 1871) изобилуетъ примѣрами этого рода. Такъ, изъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ на стр. 227, нельзя усмотрѣть указываемой зависимости между вывѣреннымъ петербургскимъ курсомъ на Лондонъ и англійскими цѣнами на пшеницу, такъ-же точно какъ и изъ данныхъ на стр. 219—220 не видно параллелизма между англійскими хлѣбными цѣнами и русскими въ мѣстахъ отпуска. Зависимость вексельнаго курса и лажа отъ платежнаго баланса по торговлѣ товарами доказывается таблицей на стр. 201. Положеніе это при-

---

[1] *Le Play*, Les ouvriers européens. 1855. p. 11: «L'art de grouper les chifires permettait de démontrer avec certain degré de vraisemblance toute conclusion établie à priori».

надлежитъ къ числу важнѣйшихъ во всей аргументаціи Вагнера. И что же мы видимъ? Устраненные отъ случайныхъ вліяній, вывѣренные средніе двухлѣтніе курсы на Лондонъ и двухлѣтніе итоги платежнаго баланса таковы, что — 14,14 мил. руб. баланса за 1854—55 гг. (минимальный) соотвѣтствуетъ вексельному курсу въ 36,55 пенсовъ, а + 63,78 мил. руб. баланса за 1862 — 63 гг. (максимальный) соотвѣтствуетъ вексельному курсу въ 34,18 пенса. Прибѣгая къ наведенію по методу остатковъ (204), авторъ оговариваетъ, конечно, всѣ эти уклоненія съ большимъ искусствомъ; но отъ такихъ статистическихъ выкладокъ аргументація его, по существу дедуктивная, мало выигрываетъ. Далѣе, таблицы A, B, C, D (210 — 213) доказываютъ связь вексельнаго курса и лажа съ товарнымъ отпускомъ и возвышеніе курса и паденіе лажа при возрастающемъ отпускѣ и болѣе высокихъ западно-европейскихъ цѣнахъ развѣ потому только, что, какъ выражается самъ авторъ, «связь эта у всѣхъ на языкѣ»; притомъ еще ceteris paribus — оговорка, допустивъ которую, слѣдуетъ напередъ отказаться отъ статистическаго потвержденія вывода. Наибольшій отпускъ за трехлѣтіе 1864 — 1866 гг. соотвѣтствуетъ наинизшему вексельному курсу, а наименьшій за двухлѣтіе 1862 — 1863 гг. почти наивысшему. Внимательное изученіе этого классическаго произведенія лучше всего можетъ объяснить причину столь частаго несовпаденія статистическихъ вычисленій Вагнера съ его замѣчательно стройными и строго послѣдовательными логическими выводами. Можно было бы указать на массу подобнаго рода статистическихъ изслѣдованій, но едва-ли кому-нибудь удалось превзойдти въ этомъ отношеніи Вагнера.

ЧАСТЬ I.

ЦѢННОСТЬ.

Π Ρ Η Η Ο C Ł Ρ

Δ V C Ł Ρ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Динамическій законъ стоимости.

1. Статика и динамика соціологіи и политической экономіи. Кетле, Милль, О. Контъ. Разница между физическими и общественными законами. Среднее явленіе. Маклеодъ, Бастіа.

2. Трудовая теорія стоимости. Петти, Ад. Смитъ, Д. Рикардо, Родбертусъ и Марксъ.

3. Возраженія противъ трудовой стоимости и ихъ несостоятельность. Стоимость земли, лѣса и др. Ученіе Родбертуса. Н. И. Зиберъ.

1.

Идея мѣновой цѣнности есть точка отправленія политической экономіи[1]. Въ ней воплощается законъ мѣновыхъ отношеній, существующій объективно, если только вѣрно, что явленія соціальной жизни законосообразны.

Дѣло въ томъ, слѣдовательно, чтобы отыскать и констатировать этотъ законъ, подобно тому, какъ отысканы и констатированы законы всемірнаго тяготѣнія, эволюціи и многіе другіе, составляющіе богатое достояніе наукъ точнаго, положительнаго знанія.

[1] Та - же точка отправленія принята Рикардо, Марксомъ, Маклеодомъ. Вообще же въ трактатахъ политической экономіи она устанавливается совершенно произвольно и ей не придаютъ, по-видимому, никакого методологическаго значенія. У Ад. Смита, Дж.-Ст. Милля, Вагнера исходною точкой служитъ понятіе о трудѣ; у Ж.-Б. Сея, Рау, Германна, Бастіа — понятіе о богатствѣ; у Шеффле, Линдвурма, Рошера — понятіе о человѣкѣ и его потребностяхъ. У Рошера, впрочемъ, Der Mensch ist Ausgangspunkt, wie Zielpunkt der Wissenschaft. См. 15 изд. S. 1.

Но законы соціальной жизни не суть законы физическіе[1]. Они не такъ безотносительны въ своихъ проявленіяхъ, не вѣчны и не постоянны. Осуществляясь чрезъ посредство человѣческой воли и ума, законы эти подлежатъ нравственной оцѣнкѣ. Ихъ raison d'être опредѣляется ихъ разумностью или пригодностью для извѣстныхъ цѣлей. Они разумны не потому только, что существуютъ, какъ полагалъ Гегель. Фактъ существованія не доказываетъ еще ихъ необходимости, а возможность измѣненія и даже совершеннаго устраненія ихъ свидѣтельствуется всѣмъ опытомъ исторіи.

Абсолютное отожествленіе физическихъ и соціальныхъ законовъ не выдерживаетъ никакой критики; это — явный абсурдъ. Законы общественной жизни не суть законы естественно-физическіе, а естественно-разумные въ томъ смыслѣ, конечно, что разумъ — необходимый факторъ въ процессѣ ихъ образованія[2].

---

[1] Ad. Wagner (Die Gesetzmässigkeit . . . 1, S. 54—76) настаиваетъ вмѣстѣ съ Кетле на абсолютномъ однообразіи соціальныхъ законовъ, хотя практически вслѣдствіе закона случайныхъ причинъ, loi des causes accidentelles, и тотъ и другой выдвигаютъ на сцену законъ большихъ чиселъ.

[2] *Rodbertus-Jagetzow*, Sociale Briefe, 2 и 3. 1875. S. 53: «Nur in der Natur tragen die Dinge und Verhältnisse ihr vernünftiges Gesetz, in der Gesellschaft verlangen sie es von den Menschen». Вмѣсто обычнаго выраженія «natürliche gesellschaftliche Gesetze» онъ употребляетъ выраженіе «vernünftige gesellschaftliche Gesetze». Противоположное ученіе ведетъ къ мистицизму, къ полнѣйшей пространіи разума. Образованіе соціальнаго закона по этой доктринѣ не только происходитъ, но и должно происходить какъ-бы за спиной человѣка, помимо его вѣдома и безъ всякаго съ его стороны сознательнаго вмѣшательства. Это — телеологическая теорія. Еще Кантъ замѣтилъ, что если-бы счастье человѣка было цѣлью природы, то разумъ по-

Сказанное равно относится и къ законамъ общественно-хозяйственной жизни. Установленіе вѣчныхъ, незыблемыхъ естественныхъ законовъ составляетъ, безспорно, одно изъ наиболѣе слабыхъ мѣстъ классической политической экономіи. Такое воззрѣніе вело необходимо къ пессимистическому фатализму, какимъ насквозь пронукнуто великое твореніе Д. Рикардо, а отчасти и Ад. Смита, и создало ту экономическую политику, руководящимъ началомъ которой служилъ принципъ laissez faire, laissez passez. Старанія школы «гармоніи хозяйственныхъ интересовъ» убѣдили не многихъ. Пришлось, наконецъ, отказаться отъ наивнѣйшаго изъ парадоксовъ, что чѣмъ меньше ума, тѣмъ умнѣе, и законы политико-экономической жизни лишить санкціи естественной и непреложной разумности. Историческая разработка хозяйственныхъ явленій повергла въ-прахъ иллюзіи классиковъ. Оказалось, что законы этихъ явленій относительны, условны, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій времени и мѣста. Отсюда слѣдуетъ, что и выводы политической экономіи, устанавливаемыя ею начала не суть категоріи логическія, а историческія[1]. Каждая отдѣльная историческая эпоха имѣетъ поэтому свою собственную политическую экономію, опредѣляющуюся наличны-

---

терялъ бы тогда свое значеніе. «Критика практическаго разума». Спб. 1879, стр. 25—7.

[1] См. *Lassalle*, «Capital und Arbeit». S. 201: «Die ökonomischen Kategorien sind nicht logische, sondern historische Kategorien. Die Productivität des Capitals ist kein Naturgesetz, sondern eine Wirkung von ganz bestimmten historischen Zuständen, die mit andern historischen Zuständen wieder verschwinden kann und muss». См. также его «Syst. der erworb. Rechte». I. Vorr. XVII—XIX. Родбертусу первому принадлежитъ честь провозглашенія этого руководящаго начала, а Прудонъ облекъ его лишь въ мантію кантовской терминологіи.

ми соціально-экономическими данными. Каждой ступени общественнаго развитія соотвѣтствуетъ особая степень силы экономическаго фактора, которая и опредѣляетъ то или иное значеніе его въ соціально-политической жизни[1]. Достаточно упомянуть здѣсь о кредитѣ и капиталѣ. Прогрессивный метаморфозъ, какой претерпѣли они на пути своего постепеннаго развитія, радикально измѣнилъ ихъ хозяйственную роль и политическое значеніе[2].

Выяснивъ природу и отличительный характеръ соціально-экономическихъ законовъ сравнительно съ законами физическими, мы eo ipso рѣшаемъ наиболѣе важный и наиболѣе общій вопросъ о методѣ ихъ изслѣдованія. Пониманіе этого развитія обусловливаетъ пониманіе коренного методологическаго начала, состоящаго въ томъ, что въ изслѣдованіи общественныхъ явленій необходимо имѣть въ виду среднее явленіе, какъ результатъ количественнаго преобладанія въ наблюденіяхъ возможно большаго числа случаевъ, причемъ не исключается возможность противорѣчащихъ явленій, явленій другого типа[3].

---

[1] Эта мысль иллюстрирована Рошеромъ на примѣрѣ N. Oresmius'a съ поразительною ясностью. См. Tübing. Zsft, 1863. I и II Heft. Ein grosser Nationalökonom des XIV Jahrhunderts.

[2] См. *Schäffle*, Kapitalismus und Socialismus. S. 151: Antike-Kapital-Embryo переходитъ въ средніе вѣка въ возрастъ дѣтства и юношества (Kind und Jüngling), когда, наконецъ, въ наше время онъ становится мужемъ (Mann). Историческій процессъ образованія капитала классически выясненъ у *Лассаля*, Syst. der erworb. Rechte. 1862, и у *Маурера*, Geschichte der Frohnhöfe, Bauernhöfe. . . . in Deutschland. 1862—66.

[3] Законъ среднихъ явленій слѣдуетъ прямо изъ признанія волевого момента въ образованіи соціальныхъ феноменовъ, но проблема свободы воли въ данномъ случаѣ совершенно без-

Игнорированіе закона среднихъ явленій всегда вело къ крупнымъ недоразумѣніямъ, особенно въ политической экономіи. Всѣ возраженія Бастіа противъ трудовой теоріи цѣнности сводятся буквально къ непониманію этого закона. Брилліантъ, поднятый на улицѣ, масло, десять разъ проѣхавшееся изъ Марсели въ Парижъ, вотъ тѣ банальные qui pro quo, которыми Бастіа надѣялся смутить своихъ противниковъ. То-же самое можно ска-

---

различна. Воля, какъ опредѣляющій моментъ, сама подчинена закону причинности, хотя «таинственный nexus», абсолютная необходимость между волей и порождающимъ ее мотивомъ, и отрицается. «Всякій недѣлимый окруженъ обстоятельствами, отличными отъ обстоятельствъ каждаго другого недѣлимаго. Частность обстоятельствъ постоянно порождаетъ исключенія даже изъ такихъ положеній, которыя вѣрны въ огромномъ большинствѣ случаевъ». См. *Миллъ*, Логика. II т. стр. 513, 436, 406. Къ такимъ же выводамъ пришелъ и Кетле. См. Соціальная система. Спб. 1866. стран. 14, Physique sociale: «Plus le nombre des individus que l'on observe est grand, plus les particularités individuelles s'éffacent et laissent prédominer la série des faits généraux. Признавая свободу воли, онъ однако говоритъ, что «les phénomènes sociaux influencés par le libre arbitre de l'homme procèdent d'année en année avec plus de regularité que les phénomènes purement influencés par des causes matérielles et fortuites». Вагнеръ, примыкая своею работой «Die Gesetzmässigkeit» къ этой-же доктринѣ, признается, что существенно измѣнилъ свои прежніе взгляды подъ вліяніемъ работъ Эттингена, Moralstatistik. Mein und so vieler National-ökonomen und Statistiker Fohler, говоритъ онъ, war in letzter Linie stets: bestimmte Triebe oder äussere Impulse als nothwendig so und so wirkende Naturkräfte anzusehen, womit in der That menschliche Willensfreiheit unvereinbar, aber auch jeder Culturfortschritt unerklärbar wäre. См. Lehrbuch. I т. 1879,

зать и о Маклеодѣ, во всякомъ случаѣ очень видномъ экономистѣ. Разница лишь въ томъ, что Маклеодъ обобщаетъ такъ сказать случайные промахи Бастіа въ одно колоссальное недоразумѣніе, уподобляя вполнѣ соціальные законы законамъ физическимъ. «Law of Continuity», который Уэвелль съ полнымъ основаніемъ считалъ доказательствомъ истинности (a test of truth) физическихъ законовъ (laws of nature), служитъ, по мнѣнію Маклеода, неопровержимымъ доказательствомъ несостоя-

---

S. 229. Въ такой-же погрѣшности долженъ бы былъ признаться и Бокль, утверждая, что «the action of men are caused by their antecedents. v. I. p. 17—18. 2 ed. См. предисловіе Рошера у Данкварта «Гражданское право и обществ. экономія». Стр. IX. 1866. Натуралистическое (необходимость) и теологическое (предопредѣленіе) воззрѣнія, одинаково отрицающія свободу воли, теперь оставлены. Кантъ допускалъ свободу воли только для нуменовъ, и законъ причинности для феноменовъ, Крит. чист. разума. Спб. 1867. стр. 423—445. Гартманъ признаетъ безсознательную волю, осуществляющую сознательную цѣль. Phil. des Unbewussten, 1876. I B. S. 115—47. Прудонъ, разсматривая человѣка, какъ произведеніе матеріи и духа, и считая свободу воли равнодѣйствующею этихъ двухъ силъ, очевидно, рѣшаетъ вопросъ à juste milieu. См. De la justice dans la Rév. et dans l'Église. V. 2 ch. 5 et 8. Антропологическое рѣшеніе автора «Опытъ ист. мысли» — сколокъ кантовскаго ученія. Такого рода пріемъ ничуть не идеализируетъ вывода. Среднее явленіе остается все-таки явленіемъ дѣйствительно-существующимъ, а не воображаемымъ только. Его надо отличать отъ средней ариѳметической величины, создающей явленія отвлеченныя, фикціи, подобно среднему человѣку Кетле. Правильнѣе было бы назвать его не среднимъ, а наибольшимъ явленіемъ; но это противорѣчило бы общепринятому способу выраженія.

тельности трудовой теоріи цѣнности[1]. Между-тѣмъ, даже въ ученіи о цѣнности, гдѣ на каждомъ шагу говорится о «law of continuity», онъ измѣняетъ уже своему руководящему принципу, предлагая очевидно ограничительный законъ цѣнности для случаевъ, когда производство можетъ быть увеличено до какихъ угодно размѣровъ, without limit[2].

Въ изслѣдованіи соціально-экономическихъ явленій не менѣе важно и слѣдующее еще методологическое соображеніе. «Эмпирическіе законы общества бываютъ двухъ родовъ: одни суть единообразія сосуществованія, другіе — единообразія послѣдовательности. Смотря по тому, занимается ли наука дознаніемъ и повѣркою перваго рода единообразій или второго, Ог. Контъ да-

---

[1] См. Elements of Polit. Economy. 1858. p. 160—161: «To limit the scientific rules of Polit. Economy to certain classes of cases alone, is just as erroneous as to limit the science of Astronomy to certain phenomena, which can be accounted for only by some particular hypothesis, such as the Ptolomaic». Предложенный имъ законъ цѣнности считаетъ онъ, поэтому, универсальнымъ закономъ. This law, like the law of gravity, holds good in all cases whatever. p. 111.

[2] См. L. c. p. 124. Во многихъ мѣстахъ этого и другихъ сочиненій, The principles of economical Philosophy. Ch. IX, on value as dependent on quantity of labour and cost of production, Маклеодъ, къ немалому удивленію читателя, примиряется съ отвергнутою имъ «Cost of production», признавая за нею значеніе въ регулированіи минимума цѣны, ниже которой рыночная цѣна долго держаться не можетъ. Тукъ, обративъ вниманіе на это противорѣчіе, основательно замѣчаетъ: «Upon neither of the questions of Price and Rent, upon which Mr. Macleod differs vehemently from Mr. Ricardo, does it appear to me that he establishes any real ground of dissent». См. History of prices. v. V, p. 179.

етъ ей названіе соціальной статики или соціальной динамики, подобно тому, какъ въ механикѣ различаются условія равновѣсія и условія движенія, или въ біологіи — законы организаціи и законы жизни. Первая вѣтвь науки изслѣдуетъ законы устойчивости человѣческихъ обществъ, вторая — законы прогресса. Соціальная динамика есть теорія общества, разсматриваемаго въ состояніи непрерывнаго движенія, между-тѣмъ-какъ соціальная статика есть теорія того consensus, который существуетъ между различными частями общественнаго организма; другими словами, это — теорія взаимныхъ дѣйствій и реакцій единовременныхъ соціальныхъ явленій, причемъ до-времени, на-сколько возможно, дѣлается отвлеченіе, ради научныхъ цѣлей, отъ того фундаментальнаго движенія, которое всегда постоянно видоизмѣняетъ всю совокупность явленій»[1].

Приведенныя слова Милля очень ясно и опредѣленно формулируютъ основное ученіе Ог. Конта о соціальной физикѣ и ея составныхъ частяхъ—соціальной статикѣ и соціальной динамикѣ. Полная параллель между первою и условіями равновѣсія съ одной стороны, между послѣднею и условіями движенія — съ другой, какъ нельзя точнѣе опредѣляетъ научное значеніе и практическій смыслъ каждой изъ нихъ. Соціальная статика, «l'ordre spontané des sociétés humaines, les notions d'organisation», какъ выражается Контъ, изслѣдуетъ законы даннаго времени и мѣста, въ ихъ всесторонней зависимости другъ отъ друга. Она, такъ-сказать, фотографически воспроизводитъ цѣлый комплексъ законовъ, которыми держится данное состояніе общества, опредѣляетъ наличныя условія его существованія, естественное соотношеніе главныхъ соціальныхъ факторовъ. Такъ-какъ произвольное соотношеніе ихъ невозможно, то соціальная статика опредѣляетъ ихъ возможныя соотношенія. Законы ея — это консер-

---

[1] См. *Миллъ*, Логика, II т. стр. 497—8.

вативное начало въ строеніи и жизни общественнаго организма, его конституціональный элементъ[1]. Измѣненіе одного обусловливаетъ одновременное измѣненіе остальныхъ, возстановляя, такимъ образомъ, тѣсную органическую связь, существующую между ними всѣми. Соціальная динамика, «progrès naturel de l'humanité, notions de vie, phénomènes du mouvement», по Конту, изслѣдуетъ законы причинной послѣдовательности общественныхъ явленій, устанавливая принципы развитія соціальнаго организма. По даннымъ прошлаго и настоящаго, она опредѣляетъ возможное будущее.

Только одновременное изслѣдованіе статическихъ и динамическихъ законовъ можетъ претендовать на полное научное значеніе, какъ всесторонній анализъ дѣйствительной жизни. Теоретическое и практическое ихъ значеніе одинаково важно, и едва-ли есть какое-либо основаніе отдавать предпочтеніе однимъ предъ другими, какъ это дѣлаетъ Ог. Контъ[2]. Вѣрно лишь то, что законы сосуществованія должны быть корольяріями законовъ послѣдованія, т. е. познаются при помощи послѣднихъ[3].

---

[1] Но и они не неподвижны. Считать ихъ совсѣмъ неподвижными было бы непониманіемъ закона эволюціи.

[2] См. Cours de phil. posit. v. IV, 1869. 51 leçon: «La partie spécialement dynamique de la science sociale doit nécessairement attirer d'une manière prépondérante et même presque exclusive notre attention directe et explicite».

[3] См. *Милль*, Логика. II т. стр. 492: «Нѣтъ общей аксіомы, которая стояла бы въ томъ-же отношеніи къ единообразіямъ сосуществованія, въ какомъ законъ связи причины со слѣдствіемъ стоитъ къ единообразіямъ послѣдовательности». На стр. 112—113 онъ говоритъ: «И такъ, за отсутствіемъ всеобщаго закона сосуществованія, мы вынуждены прибѣгнуть къ наведенію per enumerationem simplicem».

Вообще же и тѣ и другіе, не смотря на методологическое различіе въ ихъ изслѣдованіи, одинаково необходимы для цѣльности научнаго міросозерцанія. Исключительность въ этомъ отношеніи ведетъ лишь къ односторонности. Въ практической дѣятельности статическое направленіе характеризуетъ рутину и узкій эмпиризмъ, а динамическое — доктринерство.

Принятое такими учеными, какъ Дж.-Ст. Милль, Г. Спенсеръ, Кетле, ученіе Ог. Конта о динамическихъ и статическихъ законахъ не заняло еще подобающаго ему мѣста въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по отдѣльнымъ отраслямъ соціологіи. Въ этомъ отношеніи политическая экономія представляетъ любопытное исключеніе. Занимая, по точности своихъ выводовъ, вслѣдствіе исключительныхъ методологическихъ условій, среднее мѣсто между науками точными и всею остальною соціологіей, она, начиная съ физіократовъ, различаетъ, хотя и очень смутно, статическіе и динамическіе законы хозяйственныхъ явленій. Съ Ад. Смита и Д. Рикардо различіе это проводится категорически и дѣлается общимъ мѣстомъ во всѣхъ трактатахъ политической экономіи; но надлежащимъ образомъ оно еще не осознается и систематическаго примѣненія ко всѣмъ вопросамъ науки не получило и до сихъ поръ[1]. Не забѣгая впередъ, мы не будемъ останавливаться теперь на отдѣльныхъ вопросахъ для подтвержденія высказаннаго положенія. Доказательство его читатель найдетъ на протяженіи всего изслѣдованія. Полное выясненіе и правильная постановка этого крупнаго методологическаго вопроса будетъ имѣть, можно надѣяться, рѣшительное вліяніе на судьбу экономической науки. Мы увидимъ ниже, что долгіе споры и борьба школъ окажутся часто простымъ

[1] Въ русской литературѣ можно указать на «Ученіе о цѣнности Д. Рикардо» *Н. Зибера*, и «Экономическіе этюды» *де-Роберти*, гдѣ затронутъ разсматриваемый вопросъ.

недоразумѣніемъ, легко примиряясь въ общемъ объединяющемъ началѣ. Нерѣдко мнимыя противоположности разрѣшатся въ разносторонности. Повторится старая басня о двухъ рыцаряхъ, сражавшихся изъ-за цвѣта щита, котораго каждый видѣлъ только одну сторону — золотую или серебряную.

Возвращаясь къ закону о мѣновой цѣнности, я повторяю, что считаю его основнымъ закономъ политической экономіи, безъ котораго въ ней нельзя сдѣлать ни шагу. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ экономическихъ отношеніяхъ людей, понятіе мѣновой цѣнности подразумѣвается само собою. Категорическое и безповоротное рѣшеніе этого вопроса составило бы эпоху въ развитіи науки. Какъ ни невѣроятно, тѣмъ не менѣе фактъ на-лицо, что политическая экономія въ настоящее время, даже въ лицѣ ея лучшихъ представителей, не имѣетъ одной общепринятой, твердо установленной теоріи мѣновой цѣнности. Этого мало. Почти каждый экономистъ, не говоря о корифеяхъ науки, считаетъ какъ-бы обязанностью приподнесть свою собственную теорію цѣнности, аргументируя ее большею частью самымъ поверхностнымъ и произвольнымъ образомъ. Забываютъ, что дѣло идетъ здѣсь о главномъ, руководящемъ принципѣ, обусловливающемъ всю остальную аргументацію, и что, слѣдовательно, устанавливать его по произволу — верхъ опрометчивости и недомыслія. Еще чаще, не приводя никакихъ доказательствъ, принимаютъ на-вѣру любую изъ существующихъ теорій, обыкновенно болѣе громкихъ авторитетовъ, наивно, притомъ, воплощая всю науку въ одномъ излюбленномъ авторѣ. Выходитъ, такимъ образомъ, что у каждаго своя собственная наука, или, что то-же, что науки вовсе нѣтъ, а есть лишь гг. ученые.

Не желая слѣдовать такому странному пріему, я счелъ необходимымъ изложить всѣ тѣ основанія принятой здѣсь теоріи цѣнности, какія, на мой взглядъ, даютъ ей наибольшую вѣроятность истины. И хотя отъ вѣроятности до достовѣрности

еще очень далеко, тѣмъ не менѣе такое рѣшеніе вопроса даетъ, кажется, полное право игнорировать всѣ остальныя теоріи цѣнности. Опроверженіе ихъ служило бы, впрочемъ, въ нѣкоторой степени, косвеннымъ доказательствомъ защищаемой теоріи, но въ то-же время значительно увеличило бы размѣры настоящаго изслѣдованія.

2.

Законъ мѣновой цѣнности есть законъ веществennаго обмѣна соціальнаго организма[1]. Что этотъ законъ существуетъ объективно, въ этомъ никто не сомнѣвается. Ежедневно и ежечасно совершается масса мѣновыхъ сдѣлокъ. Кажется, что легче подвести итогъ наблюденнымъ явленіямъ, обобщить основанія, по которымъ они совершаются, и цѣль достигнута, законъ отысканъ. Но, къ сожалѣнію, политическая экономія застала процессъ мѣны превратившимся въ куплю-продажу. Мѣновую цѣнность замѣнила цѣна. Это превращеніе значительно осложнило явленіе мѣны и затемнило его до-того, что требуется не малая доля усилія, чтобы дать себѣ въ немъ ясный и правильный отчетъ. Мѣновыя сдѣлки совершаются какъ-бы безсознательно. Крупный фактъ общественно-хозяйственной дѣятельности какъ-бы не сознается и, какъ не вполнѣ осознанный, онъ очень часто видоизмѣняется въ своихъ основныхъ проявленіяхъ, теряя свойственный ему специфическій характеръ. Подобно тому, какъ первобытный человѣкъ мало сознавалъ себя, такъ и недоразвившійся общественный организмъ идетъ часто ощупью, не давая себѣ отчета въ своей дѣятельности.

---

[1] См. *Schäffle*, Bau und Leben des soc. Körpers. III B. Stoffwechsel.

Аристотелю первому принадлежитъ честь правильной постановки вопроса о мѣновой цѣнности или, проще, стоимости. Соизмѣримы лишь однородныя величины, а потому стоимости или сравнительной количественной оцѣнкѣ въ обмѣнѣ другъ на друга могутъ подлежать только вещи, которымъ присуще какое-либо общее имъ всѣмъ качество или свойство. Такимъ общимъ соизмѣримымъ качествомъ предметовъ обмѣна можетъ быть, по Аристотелю, или трудъ, затраченный на производство ихъ, или же полезность, годность ихъ для цѣлей потребленія. Какъ извѣстно, Аристотель склонился на сторону полезности, видя предъ собой, надо полагать, много предметовъ обмѣна, въ производствѣ которыхъ трудъ человѣка не принималъ никакого участія[1].

Но полезность или цѣнность потребленія есть только необходимое условіе стоимости. Послѣдняя безъ первой невозможна безусловно, тогда какъ стоимость не есть необходимое условіе полезности. Вода, воздухъ, солнечный свѣтъ и теплота, все это очень полезныя вещи, неимѣющія, однако, никакой стоимости; это — даровыя силы природы и, какъ таковыя, онѣ не составляютъ объекта общественно-хозяйственнаго оборота. Природа безлична и не требуетъ вознагражденія за свои услуги. Ничего нѣтъ естественнѣе предположенія, что человѣкъ, создавая вещественное богатство трудомъ, при помощи даровыхъ, безмездныхъ силъ природы, можетъ требовать вознагражденія въ-видѣ равноцѣнности исключительно лишь за трудъ, затраченный имъ

---

[1] См. *K. Marx*, Das Kapital. 2 ed. S. 35. Der Austausch, sagt Aristoteles, kann nicht sein ohne die Gleichheit, die Gleichheit aber nicht ohne die Kommensurabilität. Es ist aber in Wahrheit unmöglich, dass so verschiedenartige Dinge kommensurabel, d. h. qualitativ gleich seien. Diese Gleichung kann nur etwas der wahren Natur der Dinge Fremdes sein, also nur Nothbehelf für das praktische Bedürfniss.

на пріобрѣтеніе или производство обмѣниваемой вещи. Дальше этого требованія онъ не можетъ идти по той простой причинѣ, что его контрагенту не было бы основанія согласиться дать больше того, чѣмъ сколько бы стоила вещь въ его собственномъ производствѣ или пріобрѣтеніи. Невозможно допустить, чтобы человѣкъ, понимая значеніе труда, охватывающаго буквально всю суть психической и физіологической жизни, не положилъ его въ основу вычисленія равноцѣнности въ процессѣ хозяйственнаго оборота. Не надо забывать только, что здѣсь имѣется въ виду среднее явленіе мѣны или купли-продажи. Въ дѣйствительной жизни встрѣчается еще и теперь масса мѣновыхъ сдѣлокъ, совершающихся безъ всякаго соображенія о трудѣ, подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ побужденій, аффекта, неотложной нужды, изысканности вкуса и т. д. Въ болѣе отдаленную отъ насъ эпоху случаи этого рода были, надо думать, болѣе часты, обусловливаясь большею эмоціональностью нашихъ предковъ и меньшею обезпеченностью удовлетворенія ихъ потребностей. Но, съ другой стороны, отсутствіе монополій и порабощенія силъ природы, быть можетъ, еще болѣе благопріятствовало типическому проявленію принципа труда въ мѣновыхъ оборотахъ того времени. Фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе того или другого предположенія не имѣется, и по существу вопроса ихъ, конечно, и быть не можетъ, какъ это выяснится немного ниже. Впрочемъ, и самъ вопросъ о мѣновой цѣнности первобытныхъ временъ важенъ для вопроса о мѣновой цѣнности современной экономической эпохи только потому, что съ него начинали первые изслѣдователи, положившіе основаніе трудовой теоріи цѣнности. Обыкновенно, къ такого рода пріему прибѣгали и прибѣгаютъ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда вопросъ въ своемъ рѣшеніи представляетъ особенныя характерныя методологическія затрудненія, недопускающія иного рѣшенія, кромѣ діалектическаго. Къ такимъ исключительнымъ случаямъ принадлежитъ и

вопросъ о мѣновой цѣнности[1]. Принявъ въ соображеніе это важное обстоятельство, слѣдуетъ не обинуясь, по условіямъ метода, начать изслѣдованіе явленій мѣновой цѣнности съ того положенія, которымъ оно, по общепринятому, но невѣрному мнѣнію, должно заканчиваться.

И такъ, сущность мѣновой цѣнности или стоимости заключается въ трудѣ, израсходованномъ на производство предметовъ мѣновой сдѣлки. Пропорціи труда, израсходованнаго на производство предметовъ, служатъ выразителями или показателями ихъ стоимостей. Обратно, предметы, на производство которыхъ не затраченъ трудъ, не имѣютъ стоимости и, какъ таковые, не суть объекты экономическаго оборота, не суть товары. Товары, или хозяйственныя цѣнности, и только они одни, стоютъ труда и только труда одного, хотя и производятся при помощи даровыхъ силъ природы[2]. Признаніе этого положенія составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи политико-экономическихъ ученій. Являясь неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ трудовой теоріи

---

[1] Критика марксовой аргументаціи (Чичеринъ, Бунге) съ этой стороны вполнѣ несостоятельна и упрекъ въ діалектическомъ пріемѣ такъ-же справедливъ, какъ и упрекъ астроному въ томъ, что онъ не изволилъ взобраться на луну, прежде чѣмъ говорить о формѣ ея поверхности.

[2] См. *Rodbertus-Jagetzow*, Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände, 1842. I. Theorem: «Alle wirthschaftliche Güter kosten Arbeit und nur Arbeit». См. Sociale Briefe, 1875. S. 43, 68 и др.; см. также *Marlo*, «System der Weltökonomie». II B. 1857. S. 4: Ohne Arbeit entstehen also keine Güter, хотя онъ не признаетъ, что капиталъ — накопленный трудъ, ибо въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, пришлось бы допустить конкурренцію (I B. I Th. S. 175). Marlo забываетъ, конечно, что положеніе, имъ оспариваемое, вѣрно съ общественной, а не съ индивидуальной точки зрѣнія.

стоимости, оно цѣликомъ основывается на ней и дѣлитъ съ нею всѣ шансы успѣха и неудачи[1]. Самый трудъ измѣряется его продолжительностью или временемъ; но элементомъ, образующимъ стоимость, считается только «общественно-необходимое рабочее время». Притомъ, за единицу мѣры его принимается простой трудъ, т. е. трудъ чернорабочаго. Квалифицированный трудъ сводится къ простому труду и, главное, не только теоретически, но и практически, такъ-какъ и тотъ, и другой одинаково приводятся къ одному знаменателю, оцѣниваясь кратнымъ числомъ копейки, рубля, франка, талера и т. д.[2]. Какъ стоимости, товары суть только опредѣленныя количества «застывшаго» рабочаго времени. «Тотъ-же трудъ въ тѣ-же періоды времени представляетъ всегда тѣ-же величины стоимости, какъ бы ни измѣнялась его производительная сила». Изложенная въ такомъ видѣ теорія эта не болѣе какъ буквальное воспроизведеніе основныхъ положеній теоріи стоимости Карла Маркса. Но Марксу принадле-

---

[1] Понятно, что о шансахъ успѣха трудовой теоріи слѣдовало бы говорить только тогда, когда она выставляется знаменемъ политической партіи. Но наука не имѣетъ вѣдь ничего общаго съ борьбой политическихъ партій и не должна отвѣчать за ихъ дѣятельность. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе, и кто не знаетъ, что многіе экономисты отказались отъ этой теоріи, страшась ея мнимыхъ практическихъ послѣдствій. См. *Schäffle*, Quintessenz des Socialismus. 1877. S. 4: «Теорема соціализма — трудовая теорія стоимости», а потому: «die Doctrin von den socialen Arbeitskosten als Werthsubstanz ist evident falsch». S. 66.

[2] См. *Ad. Smith*, Recherches. Paris. 1843. I v. p. 40: «Il n'est pas aisé de trouver une mesure exacte applicable au travail ou au talent. Dans le fait, on tient pourtant compte de l'une et de l'autre quand on échange ensemble les productions de deux differents genres de travail».

житъ лишь послѣднее слово въ ученіи, которое задолго до Ад. Смита и Д. Рикардо встрѣчается уже у В. Петти въ его «Treatise on Taxes and Contributions». 1867[1]. Классическая политическая экономія обязана этой теоріи всѣмъ своимъ достояніемъ.

Какъ бы ни былъ сбивчивъ Ад. Смитъ въ этой части своего ученія, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что стоимость, value in exchange, измѣряется у него трудомъ, необходимымъ для производства, и что это положеніе доминируетъ не только въ главѣ, спеціально трактующей о стоимости, но и на протяженіи всего его трактата. Особенно въ ученіи о деньгахъ (кн. IV, гл. I) вліяніе его очень сильно, когда онъ опровергаетъ меркантилистическую доктрину, а во введеніи, гдѣ трудъ признается единственнымъ источникомъ богатства, положено прочное основаніе для анализа принциповъ распредѣленія и процесса образованія «прибавочной стоимости», какъ неоплоченной части труда[2].

Несравненно цѣльнѣе и систематичнѣе проводится теорія трудовой стоимости у Д. Рикардо. Онъ развиваетъ ее въ замѣча-

---

[1] См. выдержки у *Маркса*, «Капиталъ», стр. 43, и у *Иванюкова*, «Экономическая теорія Маклеода», 1870. стр. 29.

[2] См. *Ad. Smith*, l. c. I v. pp. 38—42, 47, 65—66: «En tout temps et en tous lieux, ce qui est difficile à obtenir ou ce qui coûte beaucoup de travail à acquerir, est cher, et ce qu'on peut se procurer aisément ou avec peu de travail est à bon marché». «Ainsi le travail, ne variant jamais dans sa valeur propre (субъективно, конечно, а не объективно, какъ полагалъ Рикардо), est la seule mesure réelle et définitive qui puisse servir, dans tous les temps et dans tous les lieux, à apprécier et à comparer la valeur de toutes les marchandises». «Il est naturel que ce qui est ordinairement le produit de deux jours ou de deux heures de travail, vaille le double de ce qui est ordinairement le produit d'un jour on d'une heure de travail». «Le travail est donc la mesure réelle de la valeur échangeable de toute marchandise».

тельно стройное цѣлое и кладетъ въ основу всего своего экономическаго ученія. Вся первая глава его «Principles of polit. Economy and Taxation», которые по своей синтетической связности и логической послѣдовательности не имѣютъ ничего равнаго во всей экономической литературѣ, представляетъ въ разработкѣ явленій стоимости значительный шагъ впередъ сравнительно съ Ад. Смитомъ. Но, подобно послѣднему, онъ не разъ еще замѣняетъ понятіе количества труда, необходимаго на производство, понятіемъ стоимости производства, какъ понятіемъ совершенно однозначущимъ, и смѣшиваетъ, такимъ образомъ, двѣ различныя категоріи явленій — стоимости и цѣны. Подобно Ад. Смиту, онъ еще слабъ въ анализѣ процесса образованія прибавочной стоимости, хотя діалектическая провѣрка апріорическаго вывода стоимости подвинута имъ довольно далеко[1].

Преемственно-историческое развитіе идей Смита и Рикардо завершается Марксомъ. Но несмотря на всю глубину анализа и

---

[1] См. «The Principles».. ed. M'Culloch. Ch. I: The value of a commodity, or the quantity of any other commodity for which it will exchange, depends on the relative quantity of labour which is necessary for its production, and not on the greater or less compensation which is paid for that labour (I sect.). The comparative value would be entirely regulated by the quantity of labour realized in commodities; whatever might be the quantity of production, or whatever high or low general wages of profits might be (III sect.). Останавливаясь за-тѣмъ на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ законовъ стоимости подъ вліяніемъ употребленія машинъ and other fixed and durable capital (IV and V sect.), Рикардо переходитъ къ уясненію абсолютной относительности явленій стоимости, стараясь свести всю суть ученія къ слѣдующему положенію: «I affirm only, that their relative values (т. е. товаровъ) will be governed by the relative quantities of labour bestowed on their production».

обстоятельность діалектической провѣрки, можно, пожалуй, согласиться, что теорія трудовой стоимости не доказана Марксомъ со всею точностью, недопускающею никакихъ возраженій. Фактъ существованія не только возраженій, но и опроверженій свидѣтельствуетъ въ извѣстной степени объ отсутствіи такого доказательства. Выше было замѣчено, что требуемое доказательство въ данномъ случаѣ и невозможно. Оно должно было бы состоять не только въ опредѣленіи количествъ труда, израсходованнаго человѣкомъ въ извѣстную единицу времени, но и того труда, который воплотился въ самомъ объектѣ. Грове допускаетъ возможность приблизительнаго рѣшенія первой задачи при помощи изслѣдованія химическихъ измѣненій, происшедшихъ въ организмѣ человѣка за все время труда. Что же касается второй, то пока еще не предвидится ни физическихъ, ни химическихъ средствъ для измѣренія воплощеннаго въ товарѣ труда. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что предъявленіе притязаній строго-математическаго доказательства въ общественныхъ наукахъ крайне неумѣстно и что такимъ притязаніямъ не удовлетворяетъ буквально ни одно изъ положеній современной науки народнаго хозяйства, а тѣмъ болѣе какая бы то ни было теорія стоимости.

Въ основаніи трудовой стоимости лежитъ великая психологическая и нравственная истина. Трудъ, какъ постоянное и безпрерывное общеніе человѣка съ природою, легко ассоціируется съ самымъ представленіемъ о жизни. Историческія формы организаціи труда мѣшали выработкѣ правильнаго о немъ понятія, исказили смыслъ и принципіальное значеніе его въ устроеніи судьбы человѣческаго рода. Чрезмѣрный, угнетающій и разрушающій трудъ вытѣснилъ повсюду трудъ умѣренный, какъ нормальное физіологическое отправленіе человѣческаго организма. Изможденное непосильнымъ, рабскимъ трудомъ, обездоленное человѣчество весьма естественно создаетъ картину рая, гдѣ царитъ абсолютное ничего-недѣланіе. Но тѣмъ не менѣе оно

сознаетъ, что трудъ — это нить, изъ которой соткана жизнь, что въ немъ все и онъ во всемъ[1]. Да, трудъ — это стихійная сила, такое-же условіе sine qua non жизни человѣка, какъ земля, вода, воздухъ. И хотя самъ-по-себѣ, безъ помощи силъ и средствъ, доставляемыхъ природою, трудъ ничего не создаетъ, но, какъ сказано выше, участіе природы въ процессѣ производствъ — даровое, безмездное. Если, слѣдовательно, человѣкъ руководствуется въ хозяйственной дѣятельности здравымъ смысломъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, пропорціи труда, воплощенныя въ предметахъ производства, должны служить въ общемъ, по-крайней-мѣрѣ, главнымъ, если не исключительнымъ, регулирующимъ началомъ мѣновыхъ отношеній. Этого требуетъ нравственное сознаніе человѣка и экономія его личныхъ силъ[2]. Трудъ, порождая собственность, въ то-же время, по принципу «suum cuique», служитъ общимъ знаменателемъ мѣновыхъ оборотовъ[3]. Дѣло не из-

[1] См. *Wolowski*, «Entretien sur le traité de Copernic», 1864. p. 13, — трудъ сводитъ онъ къ моментамъ времени, le produit des heures et des minutes: «Le travail c'est l'étoffe dont la vie est faite».

[2] См. *Destust de Tracy*, Traité d'écon. politique, 1823. p. 82: «Rien ne vient de rien et ne peut redevenir rien». Онъ первый протестуетъ противъ физіократическихъ терминовъ «produire et façonner» и не находитъ между ними никакой разницы (p. 84).

[3] См. *Иерингъ*, Борьба за право, стр. 33: «Нравственно-правовая основа собственности есть трудъ». Даже Тьеръ (De la propriété. 1848. l. I. ch. 12) и Бастіа придерживаются той-же теоріи. Послѣдній опредѣляетъ собственность, какъ право работника на созданную имъ-же самимъ цѣнность (Oeuvres de Bastiat, 1854. VI v. p. 276). Катедеръ-соціалисты, однако, поднявъ вопросъ объ «Unzulänglichkeit der Arbeitstheorie des Eigenthums», заговорили объ ея недостаткахъ, исходя, глав-

мѣняется ничуть отъ перемѣщенія категорій лицъ, пользующихся результатами труда. Прибыль капиталиста, при данномъ процентѣ эксплуатаціи, вполнѣ зависитъ лишь отъ количества труда, занятаго въ производствѣ. «The moments are the elements of profit», говоритъ одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ Англіи, хорошо знакомый съ механизмомъ капиталической мастерской. Вѣскимъ доказательствомъ этого служитъ ожесточенный протестъ фабрикантовъ противъ каждой попытки сокращенія рабочаго дня. Характерныя техническія выраженія въ родѣ «a multiplication of small thefts» (совокупленіе маленькихъ покражъ), «petty pilferings of minutes» (мелкое воровство минутъ), «snatching a few minutes» (отхватываніе минутъ), «nibbling and cribbling at meal times» (обгрызаніе и обгладываніе времени, назначеннаго для ѣды), какъ продуктъ непосредственнаго наблюденія заинтересованныхъ лицъ, убѣдительнѣе многотомныхъ сочиненій[1]. Раскрывая внутреннюю природу процесса образованія стоимости, они обнаруживаютъ безсиліе

нымъ образомъ, изъ основаній, по-видимому весьма существенныхъ, государственной необходимости, см. *Ad. Wagner*, Allg. Volkswirthschaftslehre. I. Th. 1879. S. 549—562. Идея права и государственной необходимости идутъ рука-объ-руку. Сообразно этому, самое право опредѣляется, какъ «обезпеченіе der Lebensbedingungen der Gesellschaft in Form des Zwangs». См. *Ihering*, Der Zweck im Recht. 1877. I B. S. 434. Необходимой связи между трудовою теоріей собственности и мнѣніями о собственности Лассаля (Das heutige Eigenthum ist Fremdthum) и Маркса (Das Kapital saugt den Mehrwerth fremder Arbeit ein) совсѣмъ не существуетъ. Далеко раньше извѣстны уже на этотъ счетъ выраженія Бриссо, Ланге и Прудона.

[1] См. *Марксъ*, Капиталъ, стр. 188 и сл.

науки, когда ей приходится, такъ-сказать, просачиваться сквозь толстый слой постороннихъ соображеній[1].

Сводя, такимъ образомъ, стоимость къ количеству труда, а количество труда къ рабочему времени, не слѣдуетъ забывать, что сведеніе это хотя и абстракція, «aber es ist eine Abstraction, die in dem gesellschaftlichen Productionsprocess täglich vollzogen wird».

3.

Изъ возраженій противъ трудовой теоріи стоимости нѣкоторыя заслуживаютъ особеннаго вниманія. Разсмотрѣніе и опроверженіе ихъ тѣмъ умѣстнѣе, что легко соединяются съ дальнѣйшимъ развитіемъ идеи трудовой стоимости. Важнѣйшее изъ этихъ возраженій, нелишенное, по-видимому, серьёзнаго основанія, заключается въ слѣдующемъ. Въ числѣ объектовъ общественно-хозяйственнаго оборота, есть, какъ извѣстно, такіе, которые не могутъ быть произведены трудомъ, какъ — земля, лѣсъ[9],

---

[1] Милль, сколько помнится, сомнѣвается, чтобы экономисты ясно понимали происхожденіе прибыли, и обращаетъ вниманіе на привычку ихъ отмалчиваться по этому вопросу. Самъ же онъ не пошелъ дальше прудоновскаго положенія, что «tout le travail doit laisser un excédant». Не смотря на частыя противорѣчія, Прудонъ вообще вѣрно понималъ основныя начала стоимости. «L'utilité, говоритъ онъ, fonde la valeur; le travail en fixe le rapport; le prix est l'expression qui sauf les aberrations..., traduit ce rapport». См. Syst. des contradictions économiques. 1867. T. I, Ch. II. De la valeur.

[2] См. *Storch*, Cours d'écon. pol., 1823, I v. p. 113 и др. Критика трудовой теоріи у Шторха едва - ли и по настоящее время не принадлежитъ къ числу наиболѣе сильныхъ. Кромѣ возраженій, возродившихся потомъ у Бастіа и Маклеода (l'or-

рудники или лучше — все ископаемое царство. Не содержа въ себѣ труда, какъ элемента, образующаго стоимость, эта категорія вещей, само собою, не можетъ подлежать законамъ трудовой стоимости. Отсюда заключали о несостоятельности трудовой теоріи; но такое заключеніе прежде всего — очевидное недоразумѣніе, основывающееся на несостоятельной притязательности маклеодовскаго «law of continuity». Если-бы даже законъ трудовой стоимости не находилъ примѣненія во всѣхъ частныхъ случаяхъ, то этимъ ничуть не дискредитируется его научное достоинство въ общемъ, для средняго явленія обмѣна. Слѣдуетъ помнить разъ на-всегда, что при полномъ отсутствіи строго-сознательной организаціи народно-общественныхъ производственныхъ и вообще хозяйственныхъ отношеній, средніе законы этихъ послѣднихъ, какъ слѣпо-дѣйствующіе, не могутъ проявляться съ абсолютною правильностью. Но исключенія часто подтверждаютъ общее правило: «l'exception confirme la règle» — говорятъ французы. Такъ и въ данномъ случаѣ: не имѣя стоимости, земля, однако, имѣетъ цѣну; но цѣна ея не имѣетъ ничего общаго съ тою цѣной, которая служитъ лишь денежнымъ выраженіемъ общественно-необходимаго рабочаго времени, затраченнаго въ производствѣ. Эта послѣдняя находится въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ стоимости, органически связана съ нею, хотя и не слѣдуетъ непремѣнно однимъ и тѣмъ-же движеніямъ и колебаніямъ. Всѣ попытки установить общій законъ цѣны поземельной собственности до-сихъ-поръ не привели къ желаннымъ результатамъ. Попытки агрономовъ едва-ли не наименѣе удачны. Способы оцѣнки Royer, Thaër'a, Woght'a и др. совершенно произвольны. Доказавъ ихъ полную несостоятельность, Gasparin, въ свою очередь (Cours d'agriculture. 1860. I T. p. 305 — 432), останавливается на цѣлѣ

---

chestre mécanique), Шторхъ поставилъ и такія (p. 123), отвѣтъ на которыя послѣдовалъ лишь у Маркса и Родбертуса.

du déblai d'un mètre de terre et ce serait celui que l'on pourrait prendre le moins arbitrairement pour module de la valeur». Но вообще онъ соглашается: que nous ne pouvons établir une valeur absolue des terres et qu'elle changeait selon les lieux. Il est bien aisé de voir, que les changements dans la richesse du pays, dans sa population, dans ses voies de communication, dans son mode de culture, amènent aussi des changements corrélatifs dans la valeur (p. 429). Тамъ, гдѣ обработка земли подвигается впередъ, les progrès de quelques terres influent sur toutes les autres en élevant leur prix (p. 305). Признавая трудъ (le travail des ouvriers qui cultivent la terre) главнымъ мѣриломъ стоимости земли, Гаспаренъ принимаетъ въ соображеніе и законъ поземельной ренты, получившей въ послѣднее время сильное подкрѣпленіе въ громкомъ трудѣ американскаго экономиста H. George'a, «Progress and Powerty». A Remedy. 1881. Вообще принято считать земельныя цѣны пропорціональными доходу — рентѣ, капитализированному по рыночному ссудному проценту[1]. Но извѣстно, что и доходность земли и ссудный рыночный процентъ — величины далеко непостоянныя и притомъ производныя отъ множества другихъ пока еще тоже неопредѣленныхъ причинъ. Слѣдовательно и цѣна земли, какъ произведеніе двухъ, если не бо́льшаго числа, непостоянныхъ факторовъ, является чѣмъ-то весьма непостояннымъ и до крайности неустойчивымъ. Если же считать доходностью ренту въ строго-экономическомъ смыслѣ, какъ вознагражденіе за неисчер-

[1] См. *Roscher*, Grundlagen. 1880. S. 364 ff. Léonce de-Lavergne (Écon. rurale de l'Angleterre. 1858. p. 89, 104, и Écon. rurale de la France, 1866. p. 56), когда говоритъ, что «la rente donne le prix vénal des terres», то, подобно Рошеру, считаетъ рентою проценты изъ уплоченнаго за землю капитала — «le révenu du capital foncier, déduction faite de tout révenu du capital d'exploitation».

паемыя естественныя силы земли, то доходность эту нѣтъ возможности опредѣлить практически, и въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ни одной серьезной попытки. Теорія ренты Рикардо совершенно безсильна въ регулированіи земельныхъ цѣнъ. Остается за-тѣмъ одно послѣднее средство — рыночная конъюнктура, что значитъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, опредѣленіе неизвѣстнаго черезъ неизвѣстное[1]. И на самомъ дѣлѣ разница земельныхъ цѣнъ громадна. Десятина земли въ Ланкаширѣ, напр., въ 65 разъ дороже, чѣмъ въ Норвегіи, десятина въ Ломбардіи въ 25 разъ дороже десятины въ Далмаціи. Въ среднемъ выводѣ, земля въ Англіи въ $4^1/_2$ раза дороже, чѣмъ въ Австріи[2]. Разница эта увеличится до невѣроятныхъ размѣровъ, если сравнить maximum цѣны англійскаго акра съ minimum русской десятины. Пропорція между поденною заработною платой и цѣной 1 десятины слѣдующая[3]:

въ Англіи	какъ	1	къ	1660
во Франціи	»	1	»	1250
въ Пруссіи	»	1	»	423
въ Америкѣ	»	1	»	7.

До чего неравномѣрно движеніе земельныхъ цѣнъ, видно, напр., изъ слѣдующаго факта. Въ промежутокъ времени отъ 1821 по 1851 г. цѣна большихъ участковъ земли во Франціи повыси-

---

[1] По опредѣленію Лассаля (Arbeit und Capital. S. 27), конъюнктура — это «dieses Band der gesellschaftlichen Zusammenhänge, diese Kette, welche alle existirenden unwissbaren Umstände mit einander verbindet». См. *Schäffle*, Kapitalismus und Socialismus. 1870. S. 405 ff., а также «Bau und Leben des soc. Körpers», 1878. II B. S. 325—326.

[2] См. *Hausner*, Vergleichende Statistik von Europa. 1865. II B. S. 207.

[3] См. *Васильчиковъ*, Землевладѣніе и земледѣліе, 1876, Т. II. стр. 611.

лась едва на одну треть или четверть своей первоначальной цѣны, тогда какъ раздробленные маленькіе участки, даже низшаго достоинства, повысились въ цѣнѣ въ четыре, а часто и въ пять разъ[1]. Гауснеръ полагаетъ, что въ каждомъ изъ большихъ европейскихъ государствъ существуютъ одна высокая цѣна земли, двѣ среднихъ и двѣ низшихъ. Достаточно припомнить нормальную оцѣнку земли въ уставахъ нашихъ земельныхъ банковъ, чтобы значительно увеличить число гауснеровскихъ категорій цѣнъ. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ кіевскимъ губернскимъ правленіемъ за 1876—1881 гг., оказывается, что средняя цѣна десятины въ кіевской губерніи зимняго сезона равна 24,6 р. с., а лѣтняго всего — 14,6 р. сер. Всѣ эти факты доказываютъ, что для отчужденій и пріобрѣтеній земли, для ея купли-продажи нѣтъ опредѣленныхъ экономическихъ основаній, что равноцѣнность въ этихъ случаяхъ не можетъ быть высчитана по строго-экономическому принципу. Соображеніе это наводитъ на мысль, не есть ли земля—«res extra commercium hominum», т. е. не принадлежитъ ли она къ разряду тѣхъ вещей, которыя не могутъ быть предметомъ частной собственности, предметомъ частнаго договора, и которыя не могутъ подлежать оцѣнкѣ на деньги[2].

Въ этомъ пунктѣ логическій выводъ трудовой теоріи стоимости вполнѣ совпадаетъ съ послѣдними выводами аграрной политики, и совпаденіе это тѣмъ знаменательнѣе, что къ нему пришли одновременно, отправляясь отъ совершенно различныхъ осно-

---

[1] См. *Louvet*, Curiosités d'écon. politique. p. 77.

[2] См. *Mackeldey*, Droit romain. 1837. p. 98: «Il est des choses qui sont hors de commerce, et qui ne peuvent faire partie du patrimoine d'un particulier, ni être l'objet d'obligations, ni être estimées». Къ этой категоріи принадлежали, какъ извѣстно, не только «res divini juris», но и «res communes omnium» и «res publicae».

ваній[1]. Развѣ на одного Родбертуса можно указать, какъ на ученаго, который въ своихъ изслѣдованіяхъ по аграрному вопросу положилъ въ основаніе трудовую стоимость и на ней, главнымъ образомъ, обосновалъ свое ученіе въ «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes». Считая чистый доходъ единственнымъ естественнымъ основаніемъ стоимости (читай—цѣны) земельной собственности, исключительнымъ представителемъ этой стоимости, Родбертусъ доказываетъ, что «der Grundbesitz hat an sich nur Ertragswerth, aber keinen Capitalwerth», и на этомъ основаніи предлагаетъ соотвѣтственную реформу поземельнаго кредита[2]. Капитальная стоимость земли не есть вѣрный выразитель ея естественной стоимости, потому что она (капит. стоим.) повышается и падаетъ не только съ повышеніемъ и паденіемъ чистаго дохода, но также и съ паденіемъ и повышеніемъ рыночнаго ссуднаго процента[3]. А потому, весьма естественно, всѣ правовыя сдѣлки, касающіяся поземельной собственности, должны основываться исключительно на ея чистомъ доходѣ, на вѣчной рентѣ, которая одна только и можетъ отчуждаться и обременяться долговыми свидѣтельствами[4]. Замѣна принципа капитализаціи (Capitalprincip) началомъ ренты (Rentenprincip), въ чемъ и состоитъ вся суть предлагаемой Родбертусомъ реформы, есть во всякомъ случаѣ очень ловкая, хотя и не совсѣмъ удачная попытка примиренія теоріи и практиками, ведущее къ разоренію землевладѣльца, признается имъ результатомъ неограниченной частной собственности земли, безслѣднаго разрушенія общинныхъ началъ.

---

[1] См. *Lorenz-Stein*, «Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft». 1881. Закабаленіе земли капиталомъ, ростовщиками, ведущее къ разоренію землевладѣльца, признается имъ результатомъ неограниченной частной собственности земли, безслѣднаго разрушенія общинныхъ началъ.

[2] См. Zur Erklärung. 1869. I B. S. 8.

[3] См. L. c. S. 26.

[4] L. c. S. 10.

тики аграрныхъ отношеній. Начало ренты, даже при постоянно возрастающей цѣнѣ земли, значительно облегчитъ передвиженіе частной поземельной собственности, хотя размѣръ ея демократизаціи встрѣтитъ сильную задержку въ недостаточности эксплуатаціонныхъ средствъ у рабочаго сословія[1]. Полное превращеніе поземельной собственности изъ «res mancipi» въ «res nec mancipi» не состоится и при условіяхъ, предложенныхъ Родбертусомъ[2].

Но современная экономическая политика не останавливается на этомъ. Дѣлая шагъ впередъ, она отрицаетъ экономическій смыслъ частной поземельной собственности. Не будучи плодомъ труда отдѣльныхъ лицъ, труда индивидуальнаго, эта послѣдняя должна быть достояніемъ всѣхъ и каждаго, общимъ наслѣдіемъ всего человѣчества. Частная поземельная собственность должна уступить мѣсто собственности государственной или общественной. Каковы бы ни были соціальныя и политическія данныя для подкрѣпленія этого положенія, а ихъ очень много и они очень важны, что доказываетъ обширная аграрная литература, чисто экономическое основаніе дало ему вѣскую санкцію, обнаруживъ непримиримое внутреннее противорѣчіе между идеей частной поземельной собственности и общею основною идеей экономическаго

---

[1] Цѣна поземельной собственности во Франціи въ 1821 г. равнялась 40 милліардамъ фр., а въ 1851 г. уже 84 милліардамъ, тогда какъ чистый доходъ въ 1821 г. равнялся 1,597 милліард. фр., а въ 1851 г. — 2,643 мил. фр. См. *Кольбъ*, Сравн. статистика. 1862. I т. стр. 93.

[2] См. *H. Maine's* «Ancient Law». p. 27: «The History of Roman property Law is the History of the assimilation of res mancipi to res nec mancipi. The History of property on the European continent is the History of the subversion of the feudalised law of land by the Romani, sed law of movables».

сознанія. «Земля», говоритъ Дж.-Ст. Милль, «есть естественное наслѣдіе всего человѣческаго рода» и, главнымъ образомъ, потому, что она не создана рукой человѣка («The land is the original inheritance of the whole species, that man did not make it»)[1].

[1] Задолго до признанія всеобщности коллективнаго владѣнія землей въ опредѣленную историческую эпоху общественной жизни (см. *Maine*'s «Early History of Institutions». Lesson I), т. е. до ученыхъ работъ Боннмера, Нассе, Маурера, Лавеле, Мена и другихъ, уже Локъ говоритъ: «it is very clear, that God, as king David says, has given the earth to the childern of men, given it to mankind in common» (The Works. Lond. 1801. v. V, p. 353), и дальше: «The same law of nature, that does give us property, does also bound that property too» (p. 355). О воззрѣніи Ад. Смита на этотъ вопросъ я позволю себѣ привести слова Weisz'a (Tübing. Zsft, 1877. 2 Heft, Zu Smith's Wealth of Nations); онъ доказываетъ, что у Смита «gerechtfertigt ist nur der Arbeitslohn; Kapitalzins und Grundrente werden nur als gegebene Thatsache behandelt». Zachariae, преклонявшійся предъ правомъ собственности, признаетъ, что «alle die Leiden, mit welchen civilisirte Völker zu kämpfen haben, lassen sich auf das Sondereigenthum an Grund und Boden, als auf ihre Ursache, zurückführen». (Sociale Briefe, S. 56). См *Baltzer*, Die Reform der Volkswirthschaft. 1867. S. 12: «Die Ende gehört dem Menschengeschlecht. Es giebt kein absolutes Eigenthumsrecht». См. *Schäffle*, Gesellsch. System. S. 232 u. ff. См. *Cliffe-Leslie*, Landsystems and industrial economy. 1870. p. 123, 229: The day is not distant when the supreme question of English, as of Irish politics, will be whether the national territory is to be the source of power and luxury to a few individuals, or of prosperity and happines to the nation at large? and whether those few individuals or the nation at large are to determine the answer?».

Другимъ серьёзнымъ возраженіемъ противъ изложенной теоріи стоимости считается тотъ фактъ, что въ результатѣ одного и того-же количества труда часто получаются количественно и качественно различныя потребительныя цѣнности. При ближайшемъ разсмотрѣніи, легко замѣтить, что здѣсь, собственно говоря, два самостоятельныхъ возраженія. Одно изъ нихъ очень удачно опровергнуто Зиберомъ въ его изложеніи экономической теоріи Маркса [1]. Бо́льшая стоимость товаровъ высшаго сорта или лучшаго качества зависитъ, понятно, не отъ бо́льшей потребительной стоимости ихъ, а единственно отъ бо́льшаго количества труда, потребнаго на ихъ производство. Въ противномъ случаѣ, не было бы никакого логическаго основанія производить товары худшаго достоинства, еслибы ихъ производство требовало бы столько-же труда, какъ и производство товаровъ лучшаго достоинства [2]. Существованіе товаровъ низшаго достоинства обусловливается, конечно, тѣмъ исключительнымъ обстоятельствомъ, что производство ихъ требуетъ меньшей затраты труда, если это товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу. Какъ-бы провиденціальное совпаденіе бо́льшей стоимости съ высшимъ качествомъ товаровъ объясняется по трудовой теоріи вполнѣ удовлетворительно [3].

---

[1] См. «Знаніе», 1876, октябрь.

[2] Ad. Wagner (l. c. B. I. S. 48) совершенно правильно говоритъ, что «die Rangordnung der Brauchbarkeiten bestimmt also die Höhe des Werths der verschiedenen für dasselbe Bedürfniss dienenden Güter; но причину этого явленія онъ толкуетъ ложно.

[3] Доктора Lewis и Gilbert въ «The Composition of Foods» за 1852 г. высказали мнѣніе, что «the comparative prices of different foods are a test of the nutriment they comparatively contain». Бокль, приводя это мѣсто (Hist. of civilisation, 2 ed. I B. p. 51), находитъ недостаточнымъ число данныхъ, приве-

Вторая часть этого возраженія касается того случая, когда въ производство затрачиваются одинаковыя количества труда, а въ результатѣ получаются различныя количества предметовъ потребленія, притомъ — одного и того-же достоинства. По главной опредѣляющей причинѣ происхожденія, явленія эти представляютъ два отдѣльныхъ типа, двѣ большихъ категоріи: категорію явленій добывающей промышленности и категорію явленій промышленности мануфактурной. Различіе естественной производительности земельныхъ участковъ, бо́льшей плодородности въ одномъ и меньшей въ другомъ, фактъ, конечно, общеизвѣстный. Но хлѣбъ лучшихъ, болѣе плодородныхъ участковъ, каменный уголь болѣе богатыхъ залежей или болѣе удобнаго сообщенія съ мѣстомъ сбыта — все это явленія поземельной ренты, хозяйственный raison-d'être которой неразрывно связанъ съ вопросомъ частной поземельной собственности. Если рынокъ нуждается въ произведеніяхъ, которыя могутъ получаться только при менѣе благопріятныхъ условіяхъ производства, т. е. дороже стоющихъ, то при существованіи свободы конкурренціи болѣе выгодныя условія производства дадутъ излишекъ стоимости, который въ-видѣ ренты отойдетъ цѣликомъ въ пользу землевладѣльца [1]. Земельная рента является такимъ образомъ прямымъ

денныхъ докторами, въ защиту этого «singular assertion». Но наблюденіе врачей оказалось вѣрнымъ и получило дальнѣйшее подтвержденіе въ извѣстной рошеровской ресторанной картѣ кушаньямъ.

[1] См. *Ricardo*, l. c. Ch. II. On Rent. Опредѣляя ренту какъ вознагражденіе for the use of original and indestructible powers of land, онъ утверждаетъ: «The exchangeable value of all commodities is always regulated by the greater quantity of labour necessarily bestowed on their production by those who continue to produce them under the most unfavourable circumstances».

слѣдствіемъ трудовой стоимости, хотя и не логически неизбѣжнымъ, опредѣляясь въ послѣдней инстанціи основными принципами организаціи общественнаго производства[1].

Подобно тому какъ въ добывающей промышленности рента землевладѣльца обязана своимъ существованіемъ исключительно естественнымъ преимуществамъ почвы, въ обрабатывающей промышленности предпринимательская рента главнымъ образомъ зависитъ отъ техническихъ усовершенствованій, увеличивающихъ производительную силу труда сверхъ нормы. Но, повторяемъ, главнымъ образомъ, такъ-какъ производительная сила труда опредѣляется и другими условіями и въ томъ числѣ естественными преимуществами мѣста, климата и проч. Величина стоимости прямо пропорціональна количеству труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ. Слѣдовательно, увеличивая послѣднюю, мы уменьшаемъ количество необходимаго труда, уменьшаемъ стоимость, и на-оборотъ. Уменьшая стоимость товара ниже его средней стоимости при данныхъ условіяхъ процесса производства, мы сберегаемъ извѣстное количество труда, и это сбереженіе, эта экономія труда и есть предпринимательская или промышленная рента. Она ничѣмъ не отличается отъ земледѣльческой ренты и подлежитъ одинаковому съ нею процессу образованія и развитія. Обѣ же вмѣстѣ онѣ выгодно отличаются отъ земледѣльческой ренты, будучи нерѣдко, но не всегда, какъ полагаетъ Шеффле, вознагражденіемъ за улучшенія и изобрѣтенія. Землевладѣльческая же рента достается собственнику земли безъ всякаго съ его стороны активнаго

---

[1] См. *Cliffe-Leslie*, l. c. p. 124: «The landlords are the holders, not only of riches sinecures, but of sinecures the value of which tends steadily, and often rapidly, to increase without any exertion on their part».

содѣйствія и, кромѣ вреда въ распредѣлительномъ отношеніи, ничего иного не приноситъ[1].

Изложивъ законъ трудовой стоимости въ его главныхъ очертаніяхъ и намѣтивъ главнѣйшія формы его проявленія, не слѣдуетъ забывать, что полное его доказательство требуетъ полнаго изслѣдованія всѣхъ формъ его проявленія во всѣхъ сферахъ соціально-экономическихъ отношеній. Особенно важенъ для этой цѣли анализъ рабочей платы, форма проявленія закона трудовой

---

[1] Вопросъ о поземельной рентѣ, безъ всякаго сомнѣнія, «ist kein Productions-, sondern ein Vertheilungsproblem». Объ особенномъ участіи природы, какъ производственнаго фактора, не можетъ быть и рѣчи. Самъ Рикардо говоритъ, что рента «is the symptom, but it is never a cause of wealth». Вагнеръ тоже соглашается, что «auch die Bodenproducte Arbeit und nur Arbeit kosten», добавляя, впрочемъ, что «in demselben Sinn, wie dies von allen anderen Producten gilt», l. c. I B. S. 658. Теорія ренты Шеффле, Вагнера, Германна въ главномъ — та-же теорія Рикардо-Тюнена, съ болѣе сильнымъ удареніемъ на обще-примѣнимость ея во всѣхъ сферахъ производства. Теорія эта мало согласуется съ ихъ ученіемъ о «Gebrauchswerth», какъ о стоимости-образовательномъ моментѣ и непослѣдовательность ихъ въ данномъ случаѣ очевидна. Ученіе о рентѣ Родбертуса, идущее въ-разрѣзъ съ принятою имъ трудовою стоимостью, можно объяснить развѣ увлеченіемъ въ возраженіяхъ, очень дѣльныхъ, правда, на частности рикардовской теоріи. Но въ ученіи Рикардо главный моментъ — различіе плодородности земельныхъ участковъ, а между-тѣмъ противъ этого положенія Родбертусъ не приводитъ возраженій. Кери, въ свою очередь, увлекся возраженіемъ противъ исторической несостоятельности рикардовой теоріи и исключительными условіями земледѣльческаго производства въ Соединенныхъ штатахъ сѣвѣрной Америки.

стоимости въ такъ-называемомъ рабочемъ вопросѣ. Требуя по своей обширности особой спеціальной работы, анализъ этой формы предложенъ Марксомъ въ его знаменитомъ изслѣдованіи о «капиталѣ». Отсылая читателя къ Марксу, мы позволимъ себѣ однако, замѣтить, что принципіальное рѣшеніе рабочаго или соціальнаго вопроса, въ смыслѣ современной эпохи, есть не что иное, какъ полное осуществленіе абсолютной формы проявленія идеи трудовой стоимости. Въ этомъ — существенный смыслъ всѣхъ desiderata соціально-демократическаго движенія. Необходимое условіе соціально-экономическаго прогресса, законъ трудовой стоимости есть, слѣдовательно, динамическій законъ стоимости, законъ экономическаго движенія или развитія. Далеко не осуществляясь въ современной эпохѣ, динамическій законъ стоимости стремится неудержимо къ возможно полному, всесторонему осуществленію, обрисовывая довольно отчетливо картину ближайшаго соціально-экономическаго будущаго. У экономистовъ смито-рикардовской школы онъ извѣстенъ подъ именемъ естественнаго закона стоимости и составляетъ, безспорно, одно изъ наиболѣе установившихся понятій въ политической экономіи. Но у нихъ онъ совершенно изолированъ, несвязанъ съ остальными явленіями общественно-хозяйственной жизни, а потому и не оказалъ имъ той услуги, какую можетъ принесть умѣлое пользованіе имъ. Все, что составляетъ серьезное достояніе экономической науки, обязано если не исключительно, то въ значительной мѣрѣ, отчетливому примѣненію динамическаго закона стоимости, какъ доминирующаго и обобщающаго начала въ изслѣдованіи большинства экономическихъ явленій[1].

---

[1] Несмотря на всю глубину анализа, Родбертусъ подчасъ смѣшиваетъ то, что есть, съ тѣмъ, что должно быть. Отсюда нѣсколько крупныхъ недоразумѣній въ интерпретаціи его соціально-экономическаго міросозерцанія. Между прочимъ, занятый

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Статическій законъ стоимости.

Законъ спроса и предложенія. Мальтусъ, Торнтонъ, М. Шевалье, Гарнье, Ж.-Б. Сей, Тукъ, Дюмаре, Рёслеръ, Милль. Несостоятельность спроса и предложенія, какъ самостоятельнаго закона стоимости, что̀ признано implicite всѣми его защитниками.

Одновременно съ динамическимъ дѣйствуетъ статическій законъ стоимости, законъ строенія экономической жизни. Несмотря на ихъ одновременное существованіе, роль, значеніе и историческое движеніе того и другого совершенно различны и даже противоположны. По мѣрѣ того какъ статическій законъ стоимости все больше и больше съуживаетъ полѐ и силу своего дѣйствія до предѣловъ совершеннаго исчезновенія, динамическій законъ, на-оборотъ, все больше и больше разширяетъ область своего проявленія до вѣроятнаго полнаго осуществленія въ бли-

---

по преимуществу формой проявленія стоимости рабочей силы и труда, онъ иногда выражается такимъ образомъ, что можно подумать, что онъ отрицаетъ вполнѣ законъ трудовой стоимости, какъ существующій фактъ, считая его дѣломъ будущаго. См. Sociale Briefe. II. S. 45. «Die Kongruenz des Tauschwerths der Producte mit den Arbeitsquanten, die sie gekostet, keine Thatsache (!?), sondern die grossartigste staatswirthschaftliche Idee, die je ihre Verwirklichung angestrebt hat». Почти буквально то-же самое повторяетъ онъ въ III письмѣ къ Кирхману. стран. 69.

жайшей слѣдующей эпохѣ соціально-экономической жизни. Проявляясь въ формѣ возмущающаго, пертурбаціоннаго начала въ процессѣ обмѣна по принципу трудовой стоимости, статическій законъ стоимости выражается закономъ спроса и предложенія. Это тотъ самый законъ, которымъ такъ удачно оперируютъ гг. экономисты почти во всѣхъ спеціальныхъ монографическихъ изслѣдованіяхъ, считая его единственнымъ закономъ стоимости.

Къ сожалѣнію, самое понятіе спроса и предложенія, со всевозможными ограничивающими и разширяющими его значеніе оговорками, весьма мало выяснено и представляетъ сплошную массу противорѣчій и недоразумѣній. Объективный и субъективный, интензивный и экстензивный, postponed и anticipadet — всѣ эти выраженія не выясняютъ дѣла по существу[1]. Сколько извѣстно, еще ни одинъ экономистъ не попытался объяснить процессъ образованія стоимости или цѣны (что далеко не одно и то-же) подъ вліяніемъ закона спроса и предложенія[2]. Обыкновенно от-

---

[1] См. *Tooke*'s «History of price». II v. p. 155, и *Maltus*, Principles of pol. ec. Ch. II. Sect. 2, гдѣ подъ «спросомъ» понимается чуть-ли не вся общественная жизнь, до-того разширено понятіе о немъ, въ ущербъ его опредѣлительности.

[2] Исключеніе составляетъ развѣ Торнтонъ въ своей критикѣ ходячихъ представленій о спросѣ и предложеніи, оставляя за нимъ косвенное вліяніе чрезъ посредство соперничества. «Wo immer Concurrenz herrscht, говоритъ онъ, ist sie es, die einzig und allein auf den Preis einen directen Einfluss übt: Angebot und Nachfrage können nur indirect darauf einwirken, und zwar durch ihren Einfluss auf die Concurrenz». См. Die Arbeit, ihre unberechtigen Ansprüche und berechtigen Forderungen. 1870. S. 66. Попытка Мишель Шевалье принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ наименѣе удачнымъ; см. Cours d'écon. politique. III v. p. 95—97.

дѣлываются общими мѣстами или метафизическими хитросплетеніями, весьма мало доступными человѣческому пониманію. Дѣйствительное же или, по-крайней-мѣрѣ, доступное пониманію образованіе стоимости подъ вліяніемъ спроса и предложенія возможно представить себѣ только въ слѣдующемъ видѣ. Если предложеніемъ считать количество извѣстнаго товара, предлагаемаго въ-обмѣнъ или продажу въ данное время на извѣстномъ рынкѣ, а спросомъ количество товаровъ или денегъ, которое въ видѣ эквивалента назначается въ-обмѣнъ или уплату за предлагаемый товаръ, то стоимость или цѣна получится отъ дѣленія всего количества физическихъ единицъ спроса на все количество физическихъ единицъ предложенія. Предлагается, положимъ, тысяча паръ сапогъ, а спросъ выражается въ 200 пудахъ сахару, 100 фунтахъ чаю и 300 аршинахъ сукна или въ 3000 рубл. сер.; стоимость одной пары сапогъ выразится слѣдовательно дробью $\frac{\text{200 паръ сапогъ} + \text{100 фунт. чаю} + \text{300 арш. сукна}}{1000}$, а цѣна $= \frac{3000}{1000}$ рубл. Иными словами, стоимость и цѣна — частное, спросъ — дѣлимое, предложеніе — дѣлитель. Маневрируя по правиламъ элементарной ариѳметики, формула эта, быть можетъ, приведетъ къ глубокомысленнѣйшимъ выводамъ; но нужно немного знакомства съ дѣйствительною жизнью, чтобы признать очевидную несообразность такого способа образованія стоимости и цѣны. Безъ вмѣшательства сверхъестественной силы, количественное опредѣленіе спроса и предложенія въ вышеизложенномъ видѣ вещь невозможная. Если же и допустить возможность такого опредѣленія, то и въ этомъ случаѣ нелѣпость этой аргументаціи остается неопровержимою съ производственной точки зрѣнія и доказывается à posteriori существованіемъ болѣе или менѣе установившихся товарныхъ цѣнъ. Извѣстно также, что спрашиваемое и предлагаемое количество не есть точная, опредѣленная величина, а измѣняющаяся сообразно измѣненію сто-

имости и цѣны. Увеличеніе предложенія понижаетъ стоимость, а пониженная стоимость, въ свою очередь, увеличиваетъ спросъ. Единственно мыслимая, самостоятельная форма образованія стоимости и цѣны подъ вліяніемъ спроса и предложенія не выдерживаетъ критики. И надо признаться, что такого значенія закону спроса и предложенія не придавали даже наиусерднѣйшіе, по-видимому, его адепты и прозелиты.

Остается разсмотрѣть затѣмъ дѣйствіе спроса и предложенія, выражающееся въ колебаніяхъ стоимости. Для этого необходимо обозначить спросъ и предложеніе произвольными числовыми величинами и знаменатель отношенія этихъ двухъ величинъ будетъ служить показателемъ колебаній стоимости, при томъ предположеніи, конечно, что колебанія эти прямо и обратно пропорціональны измѣненіямъ спроса и предложенія. Но разъ дѣло идетъ о колебаніяхъ, то само собою разумѣется должна существовать опредѣленная величина, какъ точка отправленія колебаній въ ту или другую сторону, вверхъ или внизъ. Если знаменатель отношенія спроса къ предложенію въ данный моментъ равняется, положимъ, $^2/_3$, то соотвѣтствующая стоимость $66^2/_3$ опредѣлится лишь при необходимой величинѣ стоимости предшествовавшаго момента въ 75, при знаменателѣ отношенія спроса къ предложенію въ $^3/_4$, или, что все равно, всегда предшествующая стоимость равна 100 при условіи уравненія спроса и предложенія, т. е. знаменатель ихъ отношенія предполагается равнымъ единицѣ.

Какъ бы ни были удачны всѣ попытки объективировать по возможности понятіе спроса и предложенія, едва-ли удастся когда-либо доказать, что вышеприведенный идеологическій процессъ колебаній стоимости есть дѣйствительный, реально существующій фактъ. Противъ него имѣютъ силу всѣ тѣ возраженія, которыя приведены выше противъ самостоятельнаго образо-

ванія стоимости подъ вліяніемъ спроса и предложенія[1]. Но разница между этими, во многихъ отношеніяхъ столь близкими ученіями, весьма существенна и ее не слѣдуетъ упускать изъ виду. Что временныя колебанія стоимости опредѣляются или, по-крайней-мѣрѣ, зависятъ отъ отношеній спроса и предложенія — это не только не невѣроятно, но положительно доказанный фактъ. Даже болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія о возможныхъ измѣненіяхъ того и другого оказывали замѣтное вліяніе на стоимость. Дѣло въ томъ, что законъ спроса и предложенія можетъ держаться до-тѣхъ-поръ, пока его не подвергаютъ строгому анализу, не разлагаютъ на составные элементы, а пользуются имъ въ сыромъ видѣ, in crudo, т. е. въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ царитъ въ политической экономіи чуть-ли не съ первыхъ дней ея появленія на свѣтъ божій. При всей своей неопредѣленности, законъ этотъ достаточно реаленъ, чтобы понять

[1] До Маркса (Капиталъ, стр. 465) нелѣпость самостоятельной теоріи спроса и предложенія доказывалась, сколько помнится, Гарнье въ одномъ изъ первыхъ изданій его перевода Ад. Смита. Нелѣпость этой теоріи до-того очевидна, что ее не выдержали даже извѣстнѣйшіе ея представители. Ж.-Б. Сей, отрицающій трудовую стоимость, въ одномъ изъ писемъ къ Туку говоритъ, что «la cause immédiate de la valeur d'un objet est dans son utilité, mais que l'élévation de cette valeur est bornée par les frais de sa production». См. «Cours complet», 1844. Brux-lles. p. 653. Маклеодъ, доказывающій, что «the relation between demand and supply is the sole regulator of value», не можетъ не признать, нѣсколько страницъ ниже, что «the cost of production is merely an inferior limit, below which the instantaneous value must not fall, if the business is to be self-supporting»; см. Elements, p. 148. Даже Джонъ Ло въ своей наиболѣе чистой теоріи спроса и предложенія не могъ обойдтись безъ «first cost».

его роль и значеніе въ явленіяхъ колебанія и скачковъ стоимостей. Вліяніе его выражается въ томъ, что увеличеніе спроса и уменьшеніе предложенія повышаютъ стоимость и, на-оборотъ, уменьшеніе спроса и увеличеніе предложенія понижаютъ ее. Но въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ все это происходитъ, каковъ количественный размѣръ этихъ повышеній и пониженій, объ этомъ статическій законъ стоимости умалчиваетъ. Именемъ его окрещивается цѣлый комплексъ соціально-экономическихъ условій, такъ или иначе вліяющихъ на колебанія стоимости, и можно сказать безъ преувеличенія, что понятіе о немъ ничуть не уже понятія о рыночной конъюнктурѣ. При очевидномъ родствѣ этихъ двухъ понятій, трудно опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, трудно сказать, которое изъ нихъ понятіе родовое и которое видовое.

Въ доказательство статическаго закона стоимости можно было бы привесть массу фактовъ. Достаточно указать здѣсь на изслѣдованія Тука о вліяніи различныхъ временъ года (on the effect of the seasons), войнъ и количества (effects of quantity on price) на стоимость и цѣны. Если въ «Annals of Agriculture» жатва считается обильною, то цѣны на хлѣбъ въ Англіи непремѣнно понизятся сравнительно съ цѣнами того года, жатва котораго считалась менѣе обильною[1]. Исторія торговли и товарной спекуляціи представляетъ разительные примѣры того, какъ измѣненія въ отношеніяхъ спроса къ предложенію производили очень сильныя колебанія стоимостей. Въ виду этихъ фактовъ, нельзя игнорировать статическій законъ стоимости, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ всю его шаткость и неопредѣленность. Соглашаясь отчасти съ мнѣніемъ Дюмаре, что законъ спроса и

---

[1] См. *Tooke*, l. c. I v. ch. 1, 2, 3; во всѣхъ остальныхъ томахъ этому предмету посвящается тоже по нѣсколько главъ.

предложенія прикрываетъ только невѣжество экономистовъ[1], тѣмъ не менѣе, за совершеннымъ отсутствіемъ болѣе точной формулировки статическаго закона стоимости, надо пока довольствоваться тѣмъ, что есть[2].

Попытки сколько-нибудь точныхъ манипуляцій съ закономъ спроса и предложенія, какъ извѣстно, никогда не удавались. Неопредѣленность замѣнялась произволомъ и неточностью. Еще въ прошломъ столѣтіи, напр. Давенантъ, недовольствуясь, должно быть, общими мѣстами, попытался доказать строго опредѣленное числовое выраженіе отношенія спроса и предложенія, впрочемъ, для частнаго случая. Изслѣдуя вліяніе недочета въ жатвѣ на хлѣбныя цѣны, онъ утверждалъ, что въ Англіи[3]

недочетъ жатвы въ 10% повыситъ цѣны на 30%
» » » 20% » » » 80%
» » » 30% » » » 160%
» » » 40% » » » 280%
» » » 50% » » » 450%.

Указывая совершенно основательно на полную бездоказательность этого утвержденія, Тукъ, въ свою очередь, дѣлаетъ не менѣе произвольное предположеніе, что недочетъ въ жатвѣ на

---

[1] См. Diction. de l'écon. politique, 1854, II v. p. 321: «L'offre et la demende ne sert à rien, si ce n'est à couvrir l'ignorance des économistes».

[2] См. *Roesler*, Volkswirthschaftslehre. 1864. S. 252: «Wir haben die Lehre dass der Preis durch Nachfrage und Angebot bestimmt werde, beibehalten, weil sie einmal eingebürgert ist und schwerlich, durch eine andere verdrängt werden könnte; es wird sich aber zeigen, dass sie nur ein zusammenfassender Kunstausdruck für eine Menge von Einflüssen ist, welche in ihrer Gesammtheit die Preisbewegung bedingen.

[3] См. *Tooke*, l. c. I. v. p. 12.

$^1/_3$ могъ бы повысить въ Англіи цѣны на хлѣбъ въ пять, шесть и даже десять разъ[1].

Прежде чѣмъ покончить съ статическимъ закономъ стоимости, слѣдуетъ упомянуть о томъ его видоизмѣненіи, которое предложилъ Дж.-Ст. Милль. Стоимость устанавливается, по его мнѣнію, не отношеніемъ спроса къ предложенію, а уравненіемъ ихъ[2]. Сбивчивость и неясность изложенія не даетъ возможности составить себѣ точное, опредѣленное понятіе о томъ, что̀ собственно понималъ Милль подъ выраженіемъ «уравненіе спроса и предложенія». Но, сообразуясь съ общепринятою терминологіей, подъ уравненіемъ, очевидно, слѣдуетъ понимать равенство спроса и предложенія, все равно—количественнаго или качественнаго, объективнаго или субъективнаго. Если же двѣ силы, одной и той же величины, уравненныя, дѣйствуютъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи, то эффектъ, производимый ими, при прочихъ равныхъ условіяхъ, долженъ непремѣнно равняться нулю. Слѣдовательно, и дѣйствіе одинаковой силы спроса и предложенія, взаимно уравновѣшиваясь, перестаетъ вліять на колебанія стоимости. Уравновѣшиваясь, дѣйствіе ихъ уничтожается, законъ спроса и предложенія перестаетъ существовать, чѣмъ и доказывается лишній разъ безусловная необходимость образованія стоимости помимо спроса и предложенія, доказывается несостоятельность самостоятельнаго значенія статическаго закона стоимости.

---

[1] См. *Tooke*, l. c. 1 v. p. 15.

[2] См. Начала политической экономіи, кн. III, гл. 2.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разборъ ученій о стоимости Бруно-Гильдебранда, Книсса, Родбертуса, Шеффле, Вагнера и Тука.

Полезность. Общественная стоимость потребленія. Ея отношеніе къ трудовой стоимости. Фридлендеръ, Бальцеръ.

Въ ряду извѣстнѣйшихъ теорій стоимости, теорія Бруно-Гильдебранда и Книсса, входящая составнымъ элементомъ въ теорію стоимости нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Шеффле и Вагнеръ, корифеи современной экономической науки въ Германіи, прямые наслѣдники Рошера и Рау, потратили не мало усилій, стараясь соединить въ одно органическое цѣлое начала трудовой и потребительной стоимости. Въ III-й гл. I-й книги «Wealth of Nations» Ад. Смитъ, обращая вниманіе на двойное значеніе слова стоимость, «value in use» и «value in exchange», рѣшаетъ въ нѣсколькихъ словахъ вопросъ ихъ взаимнаго соотношенія, чтобы за-тѣмъ никогда болѣе къ нему не возвращаться на протяженіи всего трактата. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Реслеръ[1], эти «membra disjecta» стоимости, служащіе постояннымъ яблокомъ раздора, никому еще не удалось соединить въ одно цѣлое. Но едва-ли этотъ упрекъ можно признать справедливымъ. Считая потребительную стоимость необхо-

[1] См. Hildebrand's Jahrbücher, 1868. Zur Theorie des Werths. S. 239.

димымъ условіемъ стоимости мѣновой, классическая политическая экономія рѣшила вопросъ ихъ соотношенія категорически, и не задумываясь сдала его въ архивъ. Невозможно же считать полезность основаніемъ стоимости, когда много очень полезныхъ и безусловно необходимыхъ для жизни человѣка вещей не имѣетъ ровно никакой стоимости. Если же на это возразятъ, что и трудъ, затраченный на сооруженіе египетскихъ пирамидъ или чего-нибудь столь-же безполезнаго, не создаетъ еще стоимости, а потому и не можетъ служить ея основаніемъ, то въ отвѣтъ на это прійдется повторить, что трудомъ образующимъ стоимость считается только полезный, общественно-необходимый трудъ. Притомъ же всегда забываютъ, что полезность многихъ ничего нестоющихъ вещей — законъ физическій, тогда-какъ затрата труда на производство безполезныхъ вещей — явленіе человѣческаго произвола, которому подвержены въ одинаковой мѣрѣ всѣ соціально-экономическіе законы безъ исключенія.

Смѣшивая понятіе условія съ понятіемъ основанія или причины, Ж.-Б. Сей едва-ли не единственный изъ всѣхъ экономистовъ, считающій полезность (l'utilité) исключительнымъ основаніемъ (le fondement) стоимости[1]. Въ настоящее время всѣ согласны въ томъ, что полезность или годность вещи для индивидуальныхъ потребностей — понятіе весьма условное, зависящее отъ чисто субъективныхъ воззрѣній, личнаго вкуса, страстей, фантазіи, не поддается даже приблизительному измѣренію, а потому и не можетъ служить мѣриломъ стоимости[2]. Теорія эта по-

---

[1] См. *J.-B. Say*, l. c. p. 389.

[2] См. *Roscher*, l. c. S. 12—13. Такой-же взглядъ высказанъ и Реслеромъ въ его вышеупомянутой «Zur Theorie des Werths», 1868, хотя въ своихъ «Grundsätze der Volkswirthschaftslehre», 1864, онъ разсматриваетъ «den Gebrauchswerth, als wesentliches Moment des Tauschwerths». Мы указываемъ

этому оставлена всѣми. На сцену выдвинули понятіе объ общественной полезности вещей.

Общество, говорятъ, нуждается въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ продуктовъ извѣстнаго сорта или качества. Существующее количество ихъ въ данное время рѣшаетъ вопросъ большей или меньшей ихъ общественной полезности. Смотря по общей суммѣ запаса хлѣба въ 1 или 2 милл. четвертей, общественная потребительная стоимость одной четверти его выразится въ 0,000001 или $\frac{1}{2{,}000000}$. Если 1 фунтъ золота стоитъ 25,000 фунт. желѣза, то и общественная потр бительная стоимость перваго во столько-же разъ больше общественной потребительной стоимости второго, т. е. 1 фунтъ золота удовлетворяетъ въ 25.000 разъ большей общественной потребности, чѣмъ 1 фунтъ желѣза[1]. Умалчивая объ очевидной нелѣпости такого оригинальнаго опредѣленія общественной полезности, опредѣле-

---

на этотъ фактъ, какъ на очень рѣдкое явленіе гражданской доблести. Обыкновенно, экономисты отказываются въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ отъ трудовой стоимости, какъ отъ начала началъ всѣхъ соціалистическихъ бредней.

[1] См. *Bruno-Hildebrand,* Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. S. 316. C. Knies, Tübing. Ztsft, 1855, S. 421 ff. *Его-же,* Das Geld, 1875, S. 125: «Die Gesellschaft hat einen summarischen Gesammtbedarf nach Getreide. Dieser soll durch das vorhandene Gesammtquantum von Getreide seine Befriedigung erlangen. Ein Centner Getreide ist $\frac{9}{1.000{,}000}$ oder $\frac{9}{2{,}000{,}000}$ je nachdem der Gesammtvorrath 1 Million oder 2 Millionen Centner ist u. s. w.». Начало этого ученія можно отнесть къ Pay, Lehrbuch, I B. § 61, гдѣ онъ различаетъ «den Concreten oder Quantitätswerth» отъ «den abstracten oder Gattungewerth».

нія совершенно произвольнаго и ничего непоясняющаго, едвали позволительно серьезно опровергать основанную на этомъ опредѣленіи теорію стоимости, тѣмъ болѣе, что творцы ея не привели никакихъ доказательствъ въ ея потвержденіе. Полагая, очевидно, что искусный парадоксъ не нуждается въ доказательствахъ, Б. Гильдебрандъ и Книссъ ограничились числовымъ обозначеніемъ произвольнаго утвержденія, ариѳметическимъ формулированіемъ его. На самомъ же дѣлѣ, невозможно найдти ни одного факта, который хотя-бы сколько-нибудь согласовался съ ихъ теоріей. Самая грубая фактическая повѣрка сразу рѣшаетъ ея участь. Такъ, считая ежегодный сборъ зернового хлѣба въ Россіи приблизительно въ 300 мил. четвертей, можно безъ большой ошибки, слѣдовательно, опредѣлить общественную стоимость потребленія одной четверти его въ $^1/_{300}$ мил., а одного пуда каменнаго угля, считая годовую добычу его въ 100 мил. пудовъ, въ $^1/_{100}$ милл. Мѣновая стоимость пуда каменнаго угля, выраженная въ четвертяхъ зернового хлѣба, по этой теоріи, будетъ равняться 3. Иными словами, пудъ каменнаго угля будетъ обмѣниваться на 3 четверти хлѣба. А это вѣдь колоссальная несообразность! Избранный примѣръ далеко не исключительный; мы остановились на этихъ двухъ продуктахъ только потому, что обращающееся ихъ количество въ продолженіи года болѣе или менѣе совпадаетъ съ количествомъ ихъ ежегоднаго производства, что важно ввиду несовершенства и неполноты статистическихъ данныхъ вообще и статистической статики въ-особенности. Увеличеніе, даже самое незначительное, товара, сильно спрашиваемаго на рынкѣ, должно, по этой теоріи, непремѣнно понизить его стоимость, такъ-какъ послѣдняя опредѣляется исключительно количественнымъ моментомъ. Общественная полезность вещи есть, слѣдовательно, не что иное, какъ ея количество. Она уменшается по мѣрѣ его увеличенія и становится равною нулю, когда количество достигаетъ предѣловъ безконечности. Вода и воздухъ оказываются,

такимъ образомъ, лишенными значенія общественной полезности,— выводъ, извѣстный въ логикѣ подъ именемъ «reductio ad absurdum».

Вызванная полемикой, теорія эта въ чистомъ видѣ оставлена даже Книссомъ, ея творцомъ. Но въ то-же время, съ еще-большею силой она проявилась у Шеффле и Вагнера, хотя въ нѣсколько иномъ видѣ. Вагнеръ, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, ссылается на Родбертуса. Ссылка эта имѣетъ очень важное значеніе, такъ-какъ Родбертусу, какъ извѣстно, принадлежитъ первое и послѣднее слово въ ученіи о трудовой стоимости. Предварительно необходимо замѣтить, что только-что упомянутые экономисты сильно ударяютъ на различіе между понятіями полезности, Brauchbarkeit, Nützlichkeit, и потребительной стоимости, Gebrauchswerth. Теряясь въ противорѣчіяхъ относительно частностей, въ общемъ, однако, они вѣрно установили это различіе, считая полезностью годность вещи для индивидуальнаго потребленія, а потребительною стоимостью—годность ея для потребленія общественнаго. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ понятія эти совпадаютъ, такъ-что замѣна одного другимъ практически существенной разницы не составляетъ. Между-тѣмъ, у Вагнера и Шеффле понятія эти считаются почему-то радикально противоположными, неимѣющими никакой точки соприкосновенія. Этимъ недоразумѣніемъ объясняется ложность толкованія экономической доктрины Родбертуса. Въ своемъ «Учебникѣ политической экономіи», I т. стр. 45, Вагнеръ обвиняетъ Родбертуса за то, что онъ, подобно Марксу, низвелъ стоимость къ труду, совершенно игнорируя моментъ полезности, Bedarfsmoment, а на стр. 48, въ подтвержденіе своего ученія, онъ приводитъ слова Родбертуса, гдѣ говорится, что «существуетъ одна стоимость и эта стоимость есть стоимость потребленія». Для того, чтобы объяснить это рѣзкое противорѣчіе въ ученіи Родбертуса, которое Вагнеръ, очевидно, не считаетъ противорѣчі-

емъ, необходимо принять во вниманіе общую схему его ученія о стоимости, а также припомнить ту неточность въ изложеніи, о которой упоминалось уже выше.

Свою систему міросозерцанія Родбертусъ называетъ реалистическою въ томъ смыслѣ, что она слѣдуетъ той исторической нити развитія, которая, исходя изъ прошедшаго экономической науки, ведетъ чрезъ настоящее къ идеямъ будущаго (dass es die Fäden verfolgt, die aus der Vergangenheit unserer Wissenschaft, durch die Gegenwart hindurch in die Ideen der Zukunft führen). Отюда на каждомъ шагу сопоставленіе логическихъ и историческихъ категорій[1]. Историческія категоріи — это область изслѣдованія дѣйствительной жизни, логическія — это построеніе соціально-экономическихъ отношеній будущаго, построеніе, отправляющееся, главнымъ образомъ, отъ нравственно-правовыхъ началъ настоящаго (suum cuique). Въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, по Родбертусу, надо начинать съ общественныхъ потребностей и отъ нихъ переходить къ индивидуальнымъ. Хотя такой пріемъ противорѣчитъ методу естественно-историческихъ наукъ, отправляющихся отъ атомовъ и клѣточекъ, но замѣчаетъ Родбертусъ, «die Schöpfung ist fertig. Die geschichtliche Schöpfung ist noch im Schafen begrifeen». Въ 1-й главѣ своего сочиненія «Zur Erkenntniss» онъ излагаетъ 1 теорему, что всѣ хозяйственныя цѣнности стоютъ труда и только одного труда. Теорема эта легла въ основу его экономическаго ученія. Въ «Soziale Briefe» къ Кирхману онъ развиваетъ ее дальше и завершаетъ, наконецъ, въ знаменитомъ изслѣдованіи «Der Normalarbeitstag», появившемся въ «Berliner Revue» 1871 г. Сводя

---

[1] См. Письмо Родбертуса къ Вагнеру, Tübing. Ztsft, 1878. S. 237. На стр. 201 Вагнеръ говоритъ объ особенной важности «der grossartigen wirthschaftsgeschichtsphilophisten Ausblicke und Rückblicke von Rodbertus».

стоимость къ труду, какъ и во всѣхъ предшествующихъ своихъ работахъ, Родбертусъ предлагаетъ измѣрять самый трудъ нормальнымъ рабочимъ днемъ не только опредѣленнаго количества часовъ, но и опредѣленнаго количества работы, воплощенной въ предметѣ труда. («Der normale Arbeitstag darf nicht bloss nach Zeit, sondern muss ausserdem nach Werk normirt werden»). Требуемое количество работы должно нормироваться тѣмъ ея количествомъ, какое можетъ произвесть въ теченіи рабочаго дня опредѣленнаго нормальнаго времени въ своей спеціальной отрасли производства средній рабочій, при средней ловкости и среднемъ прилежаніи. Словомъ, нормальный по времени рабочій день, «der normale Zeitarbeitstag», какъ мѣрило стоимости, долженъ уступить мѣсто нормально-трудовому рабочему дню, «dem normalen Werkarbeitstage». Въ понятіи же нормально-трудового рабочаго дня существенно понятіе нормальнаго труда, Normalarbeit, или точно опредѣленнаго времени для производства опредѣленной работы, Werkzeit. При помощи нормальнаго по времени и работѣ рабочаго дня, качественно различный трудъ будетъ приведенъ къ одному знаменателю, къ равнокачественному труду (qualitativ-gleiche Arbeit). И только на основаніи такимъ образомъ выравненнаго труда (nach solcher in sich ausgeglichenen Arbeit) должна регулироваться стоимость всѣхъ продуктовъ и выплачиваться рабочая плата. Тогда только продукты «von gleicher Werkzeit» были бы равны другъ другу по стоимости.

Изъ этого изложенія in-extenso видно, что трудовая стоимость, о которой идетъ рѣчь у Родбертуса, логическая категорія, что она не фактъ, а идея будущаго. Ее надо осуществить, она ждетъ своего осуществленія, она — ближайшая и неизбѣжная реформа будущаго. Мощная государственная власть должно протянуть ей руку помощи. Уже по законамъ природы, замѣчаетъ Родбертусъ по этому поводу, намъ, сынамъ чоловѣ-

ческимъ, ничего само-собой не дается (schon nach Naturgesetzen kommt uns Menschenkindern nichts von selbst gut[1]).

Одновременно съ признаніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ трудовой стоимости, Родбертусъ высказывается слѣдующимъ образомъ о стоимости потребленія: «Der Tauschwerth, говоритъ онъ, ist nur historische Um- und Anhang des socialen Gebrauchswerth aus einer bestimmten Geschichtsperiode». Пожалуй, можно было бы подумать, что у Родбертуса въ одно и то-же время двѣ различныя теоріи стоимости. Такое заключеніе основывалось бы во всякомъ случаѣ на буквѣ, а не на истинномъ пониманіи всего ученія. Съ внѣшней стороны, это — рѣзкое противорѣчіе, недоразумѣніе или, лучше сказать, недосмотръ; но каждому, хорошо знакомому съ учеными работами Родбертуса, извѣстно, что этотъ недосмотръ или заблужденіе, если хотите, не связано органически съ его экономическимъ ученіемъ вообще, не входитъ туда связующимъ звеномъ, не перепутываетъ и не затемняетъ, а тѣмъ болѣе, не разрушаетъ всей системы. О потребительной стоимости онъ говоритъ всегда мимоходомъ, два-три слова. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ архитектору Петерсу, гдѣ онъ высказываетъ свое соціально-экономическое profession de foi и гдѣ рѣшеніе соціальнаго вопроса сведено въ пересозданію принциповъ стоимости, о потребительной цѣнности не упоминается ни слова[2]. Экономическая жизнь будущаго, регулируемая госу-

---

[1] См. Tübing. Ztsft. 1878. ст. *Вагнера:* «Rodbertus-Jagetzow über den Normalarbeitstag».

[2] См. Tübing. Ztsft. 1878. Переписка Родбертуса съ Петерсомъ, давшимъ возможность примѣнить идеи Родбертуса на практикѣ въ своихъ Hülfstafeln zur Preisberechnungen für Zimmerarbeiten auf Grundlage der durchschnittlichen Leistung der Arbeiter. 1873. Такія-же таблицы выработаны для «Maurer- und Tischlerarbeiten», въ 2 томахъ.

дарствомъ, будетъ состоять въ томъ, что въ ней: 1) всѣ стоимости измѣряются трудомъ (aller Werth nach Arbeit gemessen), 2) устанавливаются количествомъ труда (aller Werth auf das Arbeitsquantum constituirt) и 3) металлическія деньги уступятъ мѣсто рабочимъ деньгамъ или свидѣтельствамъ (Edelmetallgeld durch Arbeitsschein-geld ersetzt werden kann).

Разсматривая хозяйственныя явленія съ общественной точки зрѣнія, исходя всегда изъ понятія объ обществѣ и его потребностяхъ, Родбертусъ не могъ игнорировать вопроса о классификаціи потребительной стоимости, о большей или меньшей общественной полезности продуктовъ производства. Нападая на непомѣрную роскошь, на излишнюю изысканность общественныхъ и частныхъ построекъ въ то время, когда рабочій классъ живетъ въ трущобахъ безъ воздуха и свѣта, онъ тѣмъ самымъ констатировалъ градацію общественныхъ потребностей, имѣющихъ различное право на удовлетвореніе. У общества, какъ и у отдѣльнаго лица безконечное множество разнообразнѣйшихъ потребностей; но онѣ далеко не одинаково настоятельны, не одинаково необходимы. Есть потребности безусловно необходимыя, безъ удовлетворенія которыхъ невозможно самое существованіе общества, и есть потребности комфорта и роскоши. Ученіе Фридлендера, по которому существованіе человѣка обусловливается одновременнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ его потребностей,— фраза, не болѣе. Если человѣкъ и умираетъ сначала безъ пищи, потомъ безъ одежды, безъ крова, то во всякомъ случаѣ онъ не умираетъ безъ пряника или безъ булавки, какъ полагаетъ Фридлендеръ[1].

[1] См. Theorie des Werths, 1852. *Зиберъ*, Теорія цѣнности Д. Рикардо. 1871. Какъ на противоположное ученіе можно указать на превосходную во многихъ отношеніяхъ работу *Baltzer'a*, Die Reform der Volkswirthschaft, 1867, гдѣ указывается на неестественность и вредность многихъ потребностей, пріобрѣвшихъ давно право гражданства въ цивилизованномъ обществѣ.

Но, въ-концѣ-концовъ, въ ученіи стоимости Родбертуса, разъ онъ говоритъ о ней, какъ о фактѣ будущаго, нѣтъ мѣста стоимости потребительной. Всѣ произведенія, опредѣленныя къ производству центральною государственною властью, должны измѣряться пропорціонально воплощенному въ нихъ труду, безъ всякаго отношенія къ ихъ потребительной стоимости. Въ противномъ случаѣ, никто не захотѣлъ бы заняться производствомъ продуктовъ меньшей потребительной стоимости. Эта послѣдняя, при всей своей видимости, какъ съ общественной, такъ и съ индивидуальной точки зрѣнія, не можетъ войдти составною частью въ мѣновую стоимость, не нарушая основного нравственно-правового принципа — suum cuique.

Совсѣмъ не такъ легко оріентироваться въ ученіи о стоимости Шеффле и Вагнера. Противорѣчія у нихъ несравненно существеннѣе и затрудненія, вызываемыя этими противорѣчіями, непримиримы. Не смотря на выработку методологическихъ пріемовъ изслѣдованія, на ихъ принципіальную постановку, въ работахъ Вагнера, и особенно Шеффле, нерѣдко приходится встрѣчаться съ крупными промахами въ этомъ отношеніи. Часто невозможно опредѣлить — говоритъ ли авторъ о данномъ экономическомъ явленіи, какъ о фактѣ существующемъ или историческомъ, или же какъ о фактѣ возможномъ, желательномъ съ личной точки зрѣнія автора. Общественная точка зрѣнія часто замѣняется индивидуальною, и на-оборотъ; а въ вопросѣ мѣновой стоимости понятіе труда замѣняется иногда понятіемъ издержекъ производства, какъ понятіемъ однозначущимъ и вполнѣ тожественнымъ.

Признавая законъ спроса и предложенія какъ статическій законъ стоимости, нельзя отрицать вліянія потребительной стоимости на колебанія стоимости мѣновой. Въ ряду безконечнаго множества случайныхъ причинъ, вліяющихъ на эти колебанія,

бо́льшей потребительной стоимости продукта соотвѣтствуютъ и болѣе сильныя колебанія, что доказывается въ-особенности исторіей хлѣбной торговли. Тукъ, какъ извѣстно, высказалъ убѣжденіе, что издержки производства не оказываютъ никакого вліянія на опредѣленіе дѣйствительной или рыночной цѣны хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ[1]. Въ этомъ все вліяніе потребительной стоимости. Впрочемъ, сюда привходитъ еще вопросъ о спекуляціи. А пока неизвѣстно — накинулась ли спекуляція по преимуществу на хлѣбъ и сырые продукты потому, что они подвержены наибольшимъ колебаніямъ стоимости, или же хлѣбъ и сырые продукты потому и подвержены этимъ колебаніямъ, что сдѣлались излюбленнымъ предметомъ спекуляціи. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что каждое изъ этихъ двухъ явленій дѣйствуетъ одновременно другъ на друга и какъ причина и какъ слѣдствіе.

Признавая мѣновую стоимость понятіемъ историческимъ, что, между прочимъ будь сказано, къ дѣлу не относится, такъ-какъ всѣ экономическіе законы — явленія чисто историческія, Вагнеръ не принимаетъ цѣликомъ трудовой теоріи стоимости и вмѣстѣ съ Шеффле сильно настаиваетъ на потребительномъ ея моментѣ[2]. Но тутъ-же черезъ нѣсколько страницъ его мѣновая стоимость lässt sich als mittelbarer, aufgeschobener Gebrauchswerth auffassen (S. 55). А въ отдѣлѣ критики основного положенія соціализма, что частный капиталъ обязанъ своимъ существованіемъ эксплуатаціи работника, онъ совсѣмъ извращаетъ смыслъ трудо-

---

[1] См. Hist. of prices. Vol. V. p. 226: «The cost of production cannot be considered in the case of corn (and, indeed, of most ofter kinds of Raw Produce) as a cause determining actual an immediate market price».

[2] См. Grundlegung. I B. 1879. S. 48—49.

вой стоимости, считая капиталистическую и предпринимательскую прибыль составными ея элементами (ein constitutives Werthelement, S. 630). Также мало понятенъ съ его стороны пріемъ сопоставленія труда и капитала въ образованіи стоимости послѣ того, какъ самъ-же онъ неоднократно признаетъ, что капиталъ — накопленный трудъ[1].

У Шеффле стоимость опредѣляется трудомъ и полезностью (Kosten und Nutzen). Трудъ служитъ минимальнымъ, а полезность максимальнымъ предѣломъ ея[2]. Считая основаніемъ теоретическаго соціализма «die Doctrin von den socialen Arbeitskosten als Werthsubstanz»[3], онъ признаетъ эту доктрину явно ложною. Общественная потребительная стоимость вещи никогда, по его мнѣнію, не потеряетъ значенія «für die sociale Tauschäquivalenzen-Bestimmung». Народно-хозяйственный идеалъ образованія стоимости — трудовая стоимость Родбертуса-Маркса, дополненная принципомъ общественно-потребительной стоимости. «Die sociale Konstituirung des Tauschwerths ist noch nicht erreicht», но всѣ возраженія противъ нея, подвергнутыя строгой критикѣ, падаютъ сами собой. Остается лишь измѣнить нормальный рабочій день Родбертуса такимъ образомъ, чтобы разнокачественный трудъ, простой и квалифицированный, приводился къ одному знаменателю строго-научнымъ физіологическимъ опредѣленіемъ мускульной и нервной траты въ опредѣленно-часовой рабочій день[4].

Динамическій законъ стоимости очень часто отожествляютъ съ нелѣпою теоріей стоимости или издержекъ производства (cost

---

[1] См. l. c. S. 39, 521 и др.

[2] См. Bau und Leben des soc. Körpers, I B. 1875, S. 135.

[3] См. Quintessenz des Socialismus. 1877. S. 66.

[4] См. Bau und Leben. III B. S. 319, 281, 315—21.

of production). Признавая номинально трудъ субстанціей стоимости, предполагаютъ въ то-же самое время, что стоимостью труда опредѣляется стоимость продукта. Логическая ошибка здѣсь очевидна, — опредѣленіе неизвѣстнаго черезъ неизвѣстное. Если стоимость сведена къ труду, какъ къ послѣдней инстанціи, то самый трудъ, конечно, не можетъ имѣть стоимости. Необходимо помнить, однако, что трудъ и рабочая сила — понятія совершенно различныя, безразличное употребленіе коихъ одного вмѣсто другого составляетъ кардинальный промахъ политической экономіи до Маркса. Между-тѣмъ самъ Рикардо считаетъ стоимостью труда его количество, затраченное въ производство рабочей платы. Но такое опредѣленіе не болѣе, какъ тавтологія, предохранившая Рикардо отъ весьма серьезныхъ недоразумѣній[1]. Трудовая стоимость не имѣетъ ничего общаго съ издержками производства, и никакой солидарности между ними, слѣдовательно, не можетъ быть. Возраженія Тука на теорію издержекъ производства ни-коимъ образомъ не могутъ быть отнесены на-счетъ трудовой стоимости, тѣмъ болѣе, что Тукъ постоянно имѣетъ въ-виду не стоимость, а цѣны[2]; притомъ, доказывая, что издержки производства — величина неизвѣстная, Тукъ говоритъ исключительно объ издержкахъ производства хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ, стоимость которыхъ, по его мнѣнію, не подчиняется даже его излюбленному закону спроса и предложенія. Когда въ Англіи пожелали опредѣлить нормальную цѣну пшеницы, говоритъ онъ,

---

[1] Впрочемъ, частая замѣна стоимости цѣною, но не на-оборотъ, во многомъ запутала его анализъ стоимости. Уэтли не безъ основанія замѣчаетъ по этому поводу: «Эта одна двусмысленность дѣлаетъ его книгу длинною загадкою». См. «Основанія логики», 1873, стр. 495.

[2] См. *Asher*, Tooke's Geschichte und Bestimmung der Preise 1862, II B. S. 66—67.

т. е. ту ея цѣну, при которой фермеръ могъ бы продолжать обработку почвы, то парламентская коммиссія 1813 года объявила таковую въ 100 — 105 шиллинговъ. Но въ 1815 году норма эта была низведена по новымъ вычисленіямъ до 80 шил., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ цѣна пшеницы упала до 50 шил., пока, наконецъ, не остановилась къ 1822 году на 38 шил. и 3 пенсахъ[1]. Фактъ этотъ, если онъ имѣетъ какое-нибудь значеніе, свидѣтельствуетъ скорѣе о трудности предугадать размѣръ издержекъ производства, чѣмъ о невозможности опредѣлить этотъ размѣръ съ совершенною точностью.

---

[1] См. Hist. of prices. V. v. p. 175 — 176. Считая приведенный фактъ за «one reason decisive against the cost of production», какъ регуляторъ рыночныхъ цѣнъ, Тукъ, однако, на вопросъ — « What is it, which does affect prices? » — отвѣчаетъ: «The cost of production limiting the supply on the one hand, and the pecuniary means of the consumer limiting the demand on the other». См. Hist. of prices. IV v. p. 462.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Исторія цѣнъ въ доказательствѣ динамическаго закона стоимости.

1. Выравниваніе среднихъ цѣнъ — фактъ безразличный для трудовой теоріи стоимости. Исторія цѣнъ, неудовлетворяющая серьезнымъ научнымъ требованіямъ, не констатируетъ факта выравниванія среднихъ цѣнъ. Ар. Юнгъ, Эденъ, Тукъ, Ньюмарчъ, Роджерсъ.

2. Движеніе цѣнъ сырья и фабрикатовъ. Ляспейръ и Ст. Джевонсъ.

1.

Полный анализъ стоимости также немыслимъ безъ анализа цѣны, какъ анализъ цѣны безъ анализа денегъ и кредита. Опредѣляя деньги, какъ золото и серебро, мы называемъ цѣной мѣновую стоимость, выраженную въ деньгахъ. Въ-силу особенныхъ логическихъ и историческихъ условій, мѣновая стоимость денегъ или цѣна товаровъ представляетъ такъ много особеннаго, что нуждается въ отдѣльной рубрикѣ изслѣдованія. Но прежде чѣмъ перейдти къ этой послѣдней, нелишне сказать нѣсколько словъ объ «исторіи цѣнъ», по скольку она можетъ служить доказательствомъ защищаемой здѣсь теоріи трудовой стоимости.

Трудно опредѣлить съ точностью, что собственно хотѣли доказать исторіей среднихъ цѣнъ; но очень часто приходится встрѣчать мнѣніе, что среднія цѣны за большіе промежутки времени выравниваются и что причина этого явленія кроется въ динамическомъ законѣ стоимости. Допуская, что деньги, подобно всѣмъ остальнымъ товарамъ, въ общей сложности обмѣниваются пропорціонально затраченному на ихъ производство труду,

полагали, что количества воплощеннаго въ деньгахъ и товарахъ труда должны быть одинаковыми изъ вѣка въ вѣкъ и что количества эти должны непремѣнно выразиться въ однѣхъ и тѣхъ-же среднихъ цѣнахъ; если уравновѣсить ихъ временныя колебанія, то при нѣсколько болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что предположеніе это основано на явномъ заблужденіи. Количество труда, потребнаго на производство извѣстнаго товара, не есть величина постоянная, неизмѣнная, а напротивъ — измѣняющаяся и притомъ неравномѣрно. Измѣненіе ея зависитъ непосредственно отъ измѣненія производительной силы труда, которая, въ свою очередь, опредѣляется многими условіями физическаго и соціальнаго характера. Законъ развитія производительной силы труда — это основной законъ экономическаго прогресса; въ немъ вся суть экономической политики. Предположивъ равномѣрное, прогрессивное или регрессивное развитіе производительной силы труда, т. е. одновременное движеніе ея въ одинаковой мѣрѣ во всѣхъ отрасляхъ производства, слѣдовало бы ожидать уравненія среднихъ цѣнъ. Но извѣстно, что ея развитіе и движеніе различно не только въ различныхъ областяхъ производства, но часто даже — въ одной и той-же его области. Слѣдовательно, косвенное подтвержденіе трудовой стоимости исторіей среднихъ цѣнъ невозможно à priori. Не трудно доказать эту невозможность и à posteriori, чтобы разъ на-всегда покончить съ этимъ глубоко вкоренившимся и сильно распространеннымъ заблужденіемъ.

Вопросъ о выравниваніи среднихъ цѣнъ поднятъ весьма давно. Но особенное вниманіе обратили на него Тукъ, Ньюмарчъ и Роджерсъ. Уже въ 1 томѣ своей «Исторіи цѣнъ», p. 84, Тукъ высказалъ мнѣніе, что среднія хлѣбныя цѣны за каждый столѣтній періодъ выравниваются, такъ-какъ разнообразіе временъ года (the inequalities of the seasons), вліяющее на производительность жатвы, обыкновенно уравновѣшивается въ этотъ пе-

ріодъ времени. М. Шевалье считаетъ этотъ періодъ времени черезчуръ длиннымъ, 10-ти же и 15-лѣтній — немного коротким (un peu court)[1]. Кто изъ нихъ правъ, рѣшить трудно, а пожалуй и невозможно. Быть можетъ, не только въ 100-лѣтній, но и въ 10 — 15-лѣтній періодъ времени отступленія въ одну и въ другую сторону отъ средняго урожая взаимно покроются. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что покрытіе это и дѣйствительно произойдетъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что и среднія цѣны хлѣба выравняются, такъ-какъ онѣ опредѣляются урожаемъ не исключительно, а совмѣстно съ другими факторами. Общественно необходимое рабочее время — величина, постоянно и неравномѣрно измѣняющаяся во всѣхъ отрасляхъ производства безъ исключенія. Но вообще есть нѣкоторое основаніе допустить, что производительность труда нѣсколько постояннѣе въ добывающей промышленности, чѣмъ въ обрабатывающей. Это даетъ намъ тѣмъ бо́льшее право остановиться исключительно на хлѣбныхъ цѣнахъ, среднія которыхъ должны бы, такимъ образомъ, совпадать по преимуществу; притомъ же, извѣстно, что болѣе или менѣе достовѣрныя историческія изслѣдованія цѣнъ Ад. Смита, Ар. Юнга, Эдена, Тука, Роджерса и другихъ касаются почти исключительно хлѣбныхъ цѣнъ. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ приводятъ эти изслѣдованія съ разсматриваемой нами точки зрѣнія.

Таблица цѣнъ хлѣба, заимствованная Ад. Смитомъ изъ «Chronicon pretiosum» Флитвуда, даетъ среднія изъ 12 помѣтокъ въ различные годы за весьма неравномѣрные періоды времени. Цѣна квартера обозначена въ деньгахъ смитовскаго времени.

Въ	1	періодъ	отъ	1202	до	1286	г.	средняя	цѣна	равняется	2 ф. 19 ш. $1^1/_4$ п.
»	2	»	»	1287	—	1338	»	»	»	»	1 » 18 « 8 »
»	3	»	»	1339	—	1416	»	»	»	»	1 » 5 » $9^1/_3$ »
»	4	»	»	1423	—	1451	»	»	»	»	1 » 1 » $3^1/_3$ »
»	5	»	»	1453	—	1497	»	»	»	»	0 » 14 » 1 »
»	6	»	»	1499	—	1560	»	»	»	»	0 » 10 » 5 »
»	7	»	»	1561	—	1601	»	»	»	»	2 » 4 » $9^1/_3$ »

[1] См. La Monnaie, III. v. 1866. p. 124—125.

Допуская крайній предѣлъ субъективизма въ оцѣнкѣ приведенныхъ данныхъ, трудно допустить, чтобы кто-либо нашелъ эти среднія уравненными или хотя бы близкими къ уравненію.

То-же самое приходится сказать и относительно среднихъ цѣнъ Гарнье, приложенныхъ имъ къ переводу «Wealth of Nations». Среднія цѣны сетье выведены изъ 100 помѣтокъ, въ различные годы каждая, тоже за неравномѣрные періоды времени. Цѣни обозначены въ деньгахъ времени перевода.

Въ	1	періодъ	отъ	1202	до	1510	средняя цѣна равняется	7	фр.	60	сант.
»	2	»	»	1511	—	1625	» » »	18	»	10	»
»	3	»	»	1626	—	1705	» » »	21	»	0	»
»	4	»	»	1706	—	1785	» » »	16	»	60	»

Значительно ближе къ уравненію среднія цѣны виндзорскаго рынка, приведенныя тоже Ад. Смитомъ за время отъ 1595 по 1764 годъ,— онѣ совпадаютъ, по-крайней-мѣрѣ, въ фунтахъ стерлинговъ. Помѣтки сдѣланы каждогодно въ два опредѣленныхъ дня и изъ нихъ выведена годичная средняя.

Въ	1	періодъ	отъ	1595	до	1620	средняя цѣна квартера равна	2	ф.	1	ш.	$6^{9}/_{13}$ п.
»	2	»	»	1621	»	1636	» » » »	2	»	10	»	0 »
»	3	»	»	1637	»	1700	» » » »	2	»	11	»	$^{1}/_{2}$ »
»	4	»	»	1701	»	1764	» » » »	2	»	0	»	$6^{19}/_{32}$ »*

Такое единственное въ своемъ родѣ совпаденіе среднихъ цѣнъ получилось при сведеніи монетной единицы къ той ея величинѣ, какая существовала ко времени Ад. Смита. Невозможность же точнаго сведенія едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію,— въ противномъ случаѣ, пришлось бы допустить точную единицу мѣры стоимости для всѣхъ временъ и мѣстъ; но еще Ж.-Б. Сей замѣтилъ, что попытка отыскать таковую будетъ столь-же безплодна, какъ и попытка опредѣлить квадратуру круга.

Таблицы Тука и Ньюмарча также мало доказательны и совсѣмъ не оправдываютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Даже

---

* См. *Ad. Smith*, Recherches, 1843, Paris. I t. pp. 325—7, 331—332.

среднія цѣны за каждыя 100 лѣтъ съ 1200 по 1810 г., обозначая среднюю 1804—1810 г. въ 20 и выражая остальныя въ соотвѣтствующей пропорціи, далеко не совпадаютъ[1].

Съ 1200 по 1299 средняя цѣна квартера равна $5^1/_2$
» 1300 — 1399 » » » » $6^1/_4$
» 1400 — 1499 » » » » 3
» 1500 — 1599 » » » » 6
» 1600 — 1699 » » » » $9^1/_4$
» 1700 — 1799 » » » » $9^1/_4$
» 1701 — 1766 » » » » $7^3/_4$
» 1767 — 1789 » » » » 11
» 1790 — 1803 » » » » 13
» 1767 — 1803 » » » » 12
» 1804 — 1810 » » » » 20.

Вотъ еще таблица среднихъ цѣнъ Гарнье, вывѣренная Тукомъ. Среднія за 10 лѣтъ сведены здѣсь къ среднимъ за 100 лѣтъ[2].

Съ 1401 по 1500 г. средняя сетье равняется 6 фр. 50 сант.
» 1501 — 1600 » » » 16 » 35 »
» 1601 — 1700 » » » 24 » 85 »
» 1701 — 1800 » » » 17 » 65 »
» 1801 — 1855 » » » 12 » 45 »

Слѣдующая таблица по среднимъ за 50, 30 и 20 лѣтъ также безнадежна, какъ и предъидущая[3]:

Съ 1401 по 1500 средняя квартера равна 0 ф. 6 ш. 7 п.
» 1501 — 1600 » » » 0 » 15 » 5 »
» 1601 — 1700 » » » 1 » 19 » 1 »
» 1701 — 1790 » » » 1 » 18 » 9 »
» 1791 — 1855 » » » 3 » 3 » 9 »

---

[1] См. History of prices. VI v. p. 391.
[2] См. History of prices. VI v. App. II pp. 422—440.
[3] См. History of prices. VI v. p. 397—400.

Относительно всѣхъ этихъ таблицъ необходимо замѣтить, что качество ихъ весьма сомнительнаго достоинства. До 1580 г. имѣются лишь случайныя помѣтки; непрерывнаго ряда годичныхъ среднихъ цѣнъ нѣту вовсе, такъ-что среднія за большіе періоды этого времени не удовлетворяютъ необходимымъ условіямъ мало-мальски точныхъ данныхъ. Съ 1580 по 1770 г. есть нѣсколько различныхъ, совершенно самостоятельныхъ рядовъ ежегодныхъ помѣтокъ цѣнъ, и только съ 1770 г. появляются оффиціальныя ежедневныя помѣтки хлѣбныхъ цѣнъ сначала въ Англіи, а потомъ во Франціи, значительно позже впрочемъ.

У Тука приведены еще среднія за два столѣтія, XVII и XVIII-ое, которыя принадлежатъ Ар. Юнгу. Уравненіе этихъ среднихъ до пенсовъ — вещь достойная вниманія. Тукъ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ своему обычному пріему и не приводитъ помѣтокъ, изъ которыхъ получились среднія Юнга, а довольствуется лишь послѣдними, заключительными числами, чѣмъ и подрываетъ въ сильной степени ихъ значеніе; притомъ, среднія Юнга не-совсѣмъ согласуются съ другими данными Тука, хотя и близко подходятъ къ послѣдней изъ вышеприведенныхъ его таблицъ. По Юнгу средняя цѣна квартера въ Англіи равнялась[1]:

въ XVII ст. . . 1 ф. 18 ш. 2 п.
въ XVIII ст. . . 1 ф. 18 ш. 7 п.

Сравнивая ихъ съ средними Ад. Смита по записямъ виндзорскаго рынка, нельзя не замѣтить, что онѣ разнствуютъ значительно. Въ то-же время, онѣ совсѣмъ расходятся съ средними Юнга для предшествующихъ столѣтій, какъ видно изъ нижеслѣдующаго:

Средняя цѣна квартера въ XIII столѣтіи равняется 1 ф. 2 ш. 9 п.
» » » » XIV » » 1 » 6 » 0 »
» » » » XV » » 0 » 12 » 0 »
» » » » XVI » 1 » 3 » 8 »

[1] См. History of prices. I. v. p. 83.

Для провѣрки среднихъ Юнга можно воспользоваться еще таблицей Жакоба, составленною по способу виндзорской таблицы Ад. Смита, за время отъ 1583-го до 1829 г. съ тою, однако, существенною разницей, что годичная средняя выведена не изъ двухъ максимальныхъ цѣнъ квартера въ Ladyday и Michaelmas, а изъ максимальной и минимальной его цѣнъ. Цѣны эти помѣчались на оксфордскомъ рынкѣ, мѣра хлѣба — винчестерскій квартеръ въ 8 бушелей, т. е. тотъ-же, что и у Юнга[1].

Съ 1583 по 1600 средняя цѣна квартера равна 1 ф. 7 ш. 5 п.
» 1600 — 1700 » » » » 1 » 18 » 3 »
» 1700 — 1800 » » » » 1 » 11 » 7 »
» 1800 — 1829 » » » » 4 » 7 » 4 »

Среднія предшествующихъ столѣтій, составленныя изъ значительнаго числа помѣтокъ различныхъ годовъ, тоже не совпадаютъ съ средними Юнга. Такъ[2]:

Средняя цѣна квартера въ XII ст. равняется 1 ф. 1 ш. 0 п.
» » » » XIII » » 2 » 12 » 2 »
» » » » XIV » » 1 » 10 » 4 »
» » » » XV » » 0 » 17 » 9 »
» » » » XVI » » 1 » 5 » 2 »

Самая полная и безспорно наиболѣе достовѣрная исторія цѣнъ въ Англіи обязана своимъ существованіемъ Роджерсу; но его знаменитая «Исторія земледѣлія и цѣнъ въ Англіи» захватываетъ исторію цѣнъ за сравнительно непродолжительный періодъ времени, а именно — съ 1259-го по 1400 годъ. Правда, что годичная средняя составлена у него изъ всѣхъ помѣтокъ, какія удалось автору отыскать въ историческихъ документахъ; помѣтки эти идутъ изъ года въ годъ почти безъ пропусковъ, такъ-что полнота и точность среднихъ Роджерса не можетъ быть и срав-

[1] См. *W. Jacob*, An historical inquiry into the production and consumption of the precious metals. Philad. 1832. p. 407—9 Ap. 4.

[2] См. *Jacob*, l. c. p. 185—187.

ниваема съ другими изслѣдованіями этого рода. Несмотря на это или, лучше, именно по этому, его среднія за каждыя 10 и 50 лѣтъ также мало совпадаютъ, т. е. уравновѣшиваются въ своихъ колебаніяхъ, какъ и приведенныя выше. Въ нижеслѣдующей таблицѣ средняя цѣна за 10 лѣтъ (decennial averages) винчестерскаго квартера обозначена въ шиллингахъ и пенсахъ, а также и въ гранахъ чистаго серебра. Для большей наглядности приведена и прогрессія цѣнъ[1].

Періоды времени.	Цѣна въ шил. и пенсахъ.	Цѣна въ гранахъ.	Пропор. ц. въ шил.	Пропор. ц. въ гр.
1261—1270	4. $8^{5}/_{8}$	1167.89	100	100
1271—1280	5. $7^{3}/_{4}$	1397.34	133	120
1281—1290	5. $0^{7}/_{8}$	1255.55	120	108
1291—1300	6. $1^{1}/_{8}$	1508.2	143	129
1301—1310	5. $7^{1}/_{4}$	1387 03	131	119
1311—1320	7. $10^{1}/_{4}$	1944.91	184	167
1321—1330	6. $11^{5}/_{8}$	1725 76	165	148
1331—1340	4. $8^{3}/_{4}$	1170.47	100	100
1341—1350	5. $3^{1}/_{8}$	1302.95	124	112
1351—1360	6. $10^{5}/_{8}$	1705.14	163	146
1361—1370	7. $3^{1}/_{4}$	1798.53	171	154
1371—1380	6. $1^{1}/_{4}$	1510.78	143	129
1381—1390	5. 2	1278.75	122	109
1391—1400	5. 3	1300.37	124	111.

Средняя цѣна за всѣ 140 лѣтъ равняется 5 шилл. $10^{3}/_{4}$ п., а за каждыя 50 лѣтъ — 5 ш. 5 п., 6 ш. 4 п. и 4 ш. 9 п. Прогрессія ихъ выразится въ числахъ 100, 117, 87.

Останавливаясь, быть можетъ, дольше чѣмъ слѣдуетъ на исторіи среднихъ цѣнъ для того только, чтобы доказать, что среднія даже за такіе продолжительные періоды времени, какъ 50,

[1] См. *Rogers*, A. History of agriculture and prices. 1866. I v. p. 245—246.

100 лѣтъ, далеко не выравниваются, я повторяю еще разъ, что фактъ выравниванія среднихъ цѣнъ не только безразличенъ для теоріи трудовой стоимости, но и невозможенъ съ ея точки зрѣнія. Причина невозможности указана выше: неравномѣрное, хотя и прогрессивное, движеніе во времени и въ пространствѣ производительной силы труда. Кромѣ того, не надо упускать изъ виду, что исторіи цѣнъ пока еще нѣтъ. Нѣтъ даже исторіи хлѣбныхъ цѣнъ, не смотря на труды Роджерса, Тука и другихъ; ихъ среднія не суть среднія Англіи, Франціи, какъ часто утверждаютъ, а только извѣстныхъ мѣстностей — Виндзора, Оксфорда и т. д., что̀ далеко не одно и то-же. Извѣстно, что цѣны зависятъ и отъ мѣстныхъ условій, въ-особенности же цѣны такихъ громоздкихъ товаровъ, какъ хлѣбъ, да еще въ то время, когда о желѣзныхъ дорогахъ не было и помину. Въ до-желѣзнодорожній періодъ цѣны хлѣба отдѣльныхъ районовъ государства различались часто на сто, двѣсти и больше процентовъ.

2.

Несравненно важнѣе для трудовой стоимости параллельное движеніе цѣнъ обработанныхъ издѣлій, фабрикатовъ и сырья. Различаясь вообще относительнымъ количествомъ воплощаемаго въ нихъ труда, какъ фактора производства, обработанные и сырые продукты въ отношеніи историческаго движенія ихъ цѣнъ слѣдуютъ совершенно различнымъ, противоположнымъ направленіямъ. Полагая, какъ и прежде, что цѣны вообще слѣдуютъ за стоимостью, нельзя не признать, что цѣны продуктовъ сравнительно бо́льшаго труда, фабрикатовъ, должны съ теченіемъ времени падать сильнѣе цѣнъ продуктовъ сравнительно меньшаго труда, сырья, при томъ предположеніи, конечно, что производительная сила труда возрастаетъ непрерывно.

«Естественный результатъ развитія всеобщаго благосостоянія», говоритъ Ад. Смитъ, «выражается въ постепенномъ пониженіи

цѣны (le prix réel) всѣхъ мануфактурныхъ произведеній»[1]. Два фактора производства, природа и трудъ, участвуютъ въ различной степени въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ производствѣ сырыхъ продуктовъ участіе природы значительнѣе участія труда, въ производствѣ же фабрикатовъ — на-оборотъ. Но мертвая природа подлежитъ закону прогрессивнаго развитія въ несравненно меньшей степени, чѣмъ живой трудъ; а потому, чѣмъ больше трудъ связанъ природою, тѣмъ меньше способенъ онъ къ развитію своей производительной силы; или, другими словами, трудъ, затрачиваемый въ добывающей промышленности, будетъ вообще всегда воплощаться въ однихъ и тѣхъ-же количествахъ произведеній, а часто и въ меньшихъ даже, тогда-какъ въ обрабатывающей, постоянно возрастая въ своей производительной силѣ, онъ воплощается все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ количествахъ произведеній. Вслѣдствіе этого стоимость сырыхъ произведеній остается безъ перемѣны или же стремится къ постоянному повышенію, а стоимость фабрикатовъ — къ постоянному пониженію. За стоимостью слѣдуютъ, вообще говоря, и цѣны. Движеніе цѣнъ сырыхъ произведеній вверхъ, или вздорожаніе ихъ, и движеніе цѣнъ фабрикатовъ внизъ, или удешевленіе ихъ, есть, такимъ образомъ, прямой результатъ различнаго вліянія производительной силы труда, результатъ, обусловливающійся различіемъ условій его примѣненія въ производствѣ.

Нельзя сказать, что-бы попытки провѣрить статистически осуществленіе тенденціи сейчасъ изложеннаго экономическаго закона увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Кромѣ общихъ недостатковъ такой провѣрки, здѣсь есть еще и спеціальный. Нѣтъ возможности установить точную и опредѣленную границу между понятіемъ о сыромъ продуктѣ и фабрикатѣ. Необходимо допустить, поэтому, среднюю промежуточную инстанцію — полуфабрикатовъ, Stufenproducte, что въ значительной степени сту-

---

[1] См. Recherches, I v. p. 315.

шовываетъ выразительность получаемыхъ результатовъ изслѣдованія. Изъ работъ этого рода заслуживаютъ упоминанія работы Джевонса и Ляспейра. Послѣдній, одинъ изъ виднѣйшихъ современныхъ статистиковъ, начинаетъ съ признанія, что вопросъ этотъ, одинъ изъ очень несложныхъ — замѣтимъ, едва-ли можетъ быть рѣшенъ окончательно при помощи статистическихъ данныхъ въ современномъ ихъ состояніи. Задача, поставленная имъ, задумана очень просто и ограничивается стремленіемъ рѣшить вопросъ: «Welche Waaren werden im Verlaufe der Zeiten immer theurer?»[1]. Предварительно Laspeyres приводитъ итоги исторіи цѣнъ Роджерса, рѣзко противорѣчащіе выставленному имъ положенію à priori. Подраздѣляя всѣ произведенія на земледѣльческія, мануфактурныя и произведенія скотоводства и полагая цѣны ихъ за время отъ 1261 по 1300 г. равными 100, Роджерсъ выражаетъ ихъ движеніе въ слѣдующихъ числахъ.

Въ періодъ.	Продукты: земледѣлія	скотоводства.	Фабрикаты.
Отъ 1261 по 1300	. . . 100	 100	. . . 100.
» 1301 — 1350	. . . 112	 121	. . . 121.
» 1351 — 1400	. . . 109	 133	. . . 229.

Приводя этотъ результатъ вычисленій за 140-лѣтній періодъ времени, Ляспейресъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ; а между тѣмъ, очевидно, что онѣ здѣсь необходимы и легко возможны. Неговоря объ условномъ научномъ значеніи данныхъ Роджерса, такое странное на первый взглядъ движеніе цѣнъ мануфактур-

[1] См. Tübing. Ztsft. 1872. I Heft. S. 1 — 90. Законъ движенія цѣнъ выраженъ авторомъ слѣдующ. образомъ: «Je mehr ein Gut s. g. Naturproduct oder Rohproduct ist, um so mehr haben Productions-Kosten die Tendenz zu steigen oder um so weniger die Tendenz zu fallen, je mehr aber ein Gut s. g. Kunstproduct oder verarbeites Product ist, um so mehr haben die Productions-Kosten die Tendenz zu sinken oder um so weniger die Tendenz zu steigen».

ныхъ и сырыхъ произведеній объясняется характерными условіями средневѣкового труда, когда его раздѣленіе было только въ зародышѣ, машины были почти совсѣмъ неизвѣстны, привилегіи гильдій и цеховъ и ихъ неустройство сильно угнетали его производительную силу[1].

Пользуясь «обзоромъ торговли Гамбурга», въ которомъ ежегодно помѣчались рыночныя цѣны 330 различнаго рода товаровъ, Ляспейресъ прослѣдилъ ихъ движеніе съ 1851 по 1865 г., полагая цѣны 1846—1850 гг. равными 100. Дѣля всѣ произведенія на одиннадцать группъ, онъ приводитъ среднюю, максимумъ и минимумъ каждой изъ нихъ; такъ, 1-я группа произведеній южно-европейскаго земледѣлія, числомъ 24 (вина, изюмъ, шафранъ и т. д.), даетъ среднюю 133,7, максимумъ для португальскихъ винъ 234 и минимумъ для изюма 80. Совмѣщая всѣ выводы Ляспейра въ одной таблицѣ, получимъ:

Произведенія.	Средняя.	Мин.	Макс.	Отнош. мин. къ макс.
I. Юж.-европ. землед.$_{23}$	133,7	80	234	100 : 293
II. Ср.-европ. землед.$_{41}$	127,8	94	198	100 : 211
III. Охоты и рыболов.$_{19}$	127,3	62	188	100 : 304
IV. Лѣсоводства$_{17}$	127,2	85	218	100 : 257
V. Скотоводства$_{29}$	124,1	83	171	100 : 206
VI. Колоніал. съѣдобн.$_{41}$	121,8	60	235	100 : 392
VII. Колон. несъѣдобн.$_{44}$	114,3	63	204	100 : 324
VIII. Ткани$_{12}$	112,2	90	150	100 : 167
IX. Различн. мануф.$_{40}$	119,9	59	197	100 : 334
X. Химич. фабр.$_{22}$	106,4	63	129	100 : 205
XI. Горнозавод. пром.$_{24}$	104,1	54	144	100 : 267.

[1] См. *Jacob*, l. c. p. 262: «But in that day when machinery was unknown, and the division of labour was not carried to the present minute, the making a piece of cloth occupied more months than it does now days».

Достаточно взглянуть на эту таблицу, чтобы сразу признать, что цифры ея далеко не категоричны. Среднія цѣны всѣхъ произведеній за 15 лѣтъ повысились. Повышеніе первыхъ 5 группъ, собственно сырыхъ произведеній, значительнѣе повышенія 7 остальныхъ. Минимумъ IX-ой группы значительно ниже минимума 5 первыхъ группъ. Максимумъ VIII, IX и X группъ собственно фабрикатовъ тоже нѣсколько ниже максимума предшествующихъ группъ. Но вотъ и все, чѣмъ можно воспользоваться изъ этой таблицы для предположеннаго движенія цѣнъ. Не надо, впрочемъ, забывать, что разсматриваемый періодъ времени слишкомъ непродолжителенъ, да притомъ — это періодъ европейскихъ войнъ.

Движеніе цѣнъ по пятилѣтіямъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Группы	$18^{46}/_{50}$	$18^{51}/_{55}$	$18^{56}/_{60}$	$18^{61}/_{65}$	$18^{51}/_{65}$
I.	100	121	143	136	133,7
II.	100	122	133	128	127,8
III.	100	116	135	131	127,3
IV.	100	109	113	160	127,2
V.	100	113	137	125	124,1
VI.	100	110	125	129	121,8
VII.	100	105	115	123	114,3
VIII.	100	102	107	124	112,2
IX.	100	111	117	102	109,9
X.	100	107	111	101	106,4
XI.	100	107	108	97	104,1
I—XI	100	111,2	122,1	123,3	118,98

Нѣсколько осязательнѣе результатъ, полученный Джевонсомъ въ его изслѣдованіи «On the variation of prices and the value of the currency since 1782»[1]. Число товаровъ у него хотя и меньше, всего 40, но время продолжительнѣе. Полагая цѣны 1782—1790 гг. равными 100, таблица Джевонса, исправленная Ляспейресомъ, показываетъ движеніе цѣнъ за 10-лѣтніе періоды:

[1] См. Journal of statist. science, 1865, II part. p. 293—320.

	1782 1790	1791 1800	1801 1810	1811 1820	1821 1830	1831 1840	1841 1850	1851 1860
1. Лѣсъ	100	141,1	312,1	265,2	159,1	160,8	128,4	108,8
2. Хлѣбъ	100	133,9	156,7	153,7	124,9	124,0	117,2	122,5
3. Пшеница	100	131,9	165,1	159,1	123,4	118,2	110,9	113,4
4. Масла	100	123,3	145,2	124,1	90,8	93,6	99,4	112,5
5. Металлы	100	123,6	159,5	121,6	108,1	95,9	85,5	103,4
6. Желѣзо	100	131,2	147,1	110,0	105,9	86,9	62,6	59,3
7. Ткани	100	116,4	153,7	131,9	95,2	94,9	74,2	83,0
8. Хлопокъ	100	125,2	115,2	103,5	53,9	51,1	33,8	34,7
9. Аптекар. товары	100	121,8	144,4	111,6	92,4	59,2	41,0	41,3
10. Вест.-инд. колон. тов.	100	112,1	92,9	94,4	72,9	68,6	52,9	50,9
11. Остъ-инд. кол. тов.	100	104,5	86,2	83,5	67,3	58,8	43,6	38,1
1—11 всѣ 40 товаровъ	100	122,8	147,0	138,3	97,7	91,4	79,9	84,8

Непомѣрное возвышеніе цѣнъ въ періодѣ отъ 1791-го до 1820 г. объясняется большими европейскими войнами. Вообще же цѣны 1782—1790 г. первыхъ шести группъ, сырыхъ произведеній, повысились къ 1830 г., а остальныхъ пяти, фабрикатовъ, понизились къ этому времени. Къ 1850 г. цѣны первыхъ и вторыхъ понизились почти безъ исключенія. Но къ 1860 г. цѣны сырья, за исключеніемъ лѣса и желѣза, повысились снова, а фабрикатовъ или понизились или остались почти безъ перемѣны. Цѣны 1860 г., безспорно, подверглись вліянію открытія калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ. Вліяніе это выразилось въ болѣе слабомъ повышеніи цѣнъ сырыхъ продуктовъ и въ болѣе слабомъ пониженіи цѣнъ фабрикатовъ[1].

---

[1] См. *St. Jevons*, l. c. p. 308: «The Gold discoveries have caused this rise of price. They have also neutralized the fall of prices which might have been expected from the continuous progress of invention and production, but of which the amount is necessarily unknown».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе, еще одно — послѣднее слово объ этической санкціи динамическаго закона стоимости. Политическая экономія игнорировала, какъ извѣстно, нравственный моментъ общественно-хозяйственныхъ явленій, изъявъ хозяйственную дѣятельность человѣка изъ компетенціи нравственно-правового режима. Между этикой и политическою экономіей не допускалась даже возможность коллизіи. Только подъ вліяніемъ соціалистической критики, экономисты обратили вниманіе на этотъ существенный пробѣлъ, и Дж.-Ст. Милль первый заявилъ протестъ противъ узко-эгоистическаго интереса, легшаго, будто бы по праву, въ основу всей экономической дѣятельности человѣка. «Не то, говоритъ онъ, что-бы какой-нибудь политико-экономъ былъ на-столько нелѣпъ, что считалъ бы людей имѣющими такую (т. е. узко-эгоистическую) натуру; нѣтъ, но таковъ именно путь, которымъ необходимо должна идти наука»[1]. Протестъ его, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, выразился лишь въ отрицаніи самаго факта. Новая реально-психологическая школа послѣдовала его примѣру и не пошла дальше наивнаго или лицемѣрнаго обвиненія въ жестокости экономической науки, вмѣсто того, чтобы обвинить въ таковой людей и жизнь. А что жизнь ничуть не отраднѣе той картины, которую изобразила искусная рука экономистовъ-классиковъ, объ

[1] См. Логика. II т. стр. 479.

этомъ можетъ свидѣтельствовать микроскопическая доза наблюдательности. Чтобы убѣдиться въ стяжательной натурѣ человѣка, экономисту не надо идти на биржу, гдѣ, объегоривая другъ друга, каждый сознаетъ, что «volenti non fit injuria». Нѣтъ, не на биржѣ, а на рабочемъ рынкѣ, въ мастерской, на фабрикѣ онъ можетъ и долженъ подмѣтить эту рѣзко-выдающуюся черту дѣятельности современнаго человѣка, не нуждаясь въ построеніи фикціи тамъ, гдѣ черезчуръ много реальнаго.

Но сознательная дѣятельность человѣка должна, конечно, прежде всего санкціонироваться нравственнымъ закономъ. Все прежде всего должно подлежать его регламентаціи, и только въ его предѣлахъ можетъ спеціализироваться человѣческая дѣятельность для тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей. Это — основной законъ жизни общества. Анализируя генезисъ трудовой стоимости, необходимо придти къ заключенію, что единственный источникъ ея происхожденія — этическаго характера, нравственный принципъ — suum cuique. Процессъ ея образованія въ жизни и ея научнаго открытія обязанъ исключительно нравственному сознанію. И Петти, и Смитъ и Рикардо въ анализѣ трудовой стоимости исходили изъ начала, что таковъ долженъ быть законъ стоимости, и только много времени спустя Марксу удалось доказать, что законъ этотъ таковъ и на самомъ дѣлѣ[1]. Противъ него была по-видимому презумпція по аналогіи. Вообще законы экономическихъ отношеній не таковы, какими они должны были бы быть согласно этической санкціи. Но презумпція эта

---

[1] Предвосхищеніе научныхъ истинъ — фактъ общеизвѣстный въ исторіи наукъ. Гукъ и до него Борелли знали законъ тяготѣнія раньше, чѣмъ Ньютонъ доказалъ его со всею требуемою точностью. См. *Біо,* Біографія Ньютона. Уэвелль въ своей «Исторіи индуктивныхъ и дедуктивныхъ наукъ» приводитъ много примѣровъ этого рода.

падаетъ сама собой — разъ извѣстно, что законъ стоимости ликвидируетъ дѣла и счеты равносильныхъ сторонъ, стоящихъ во главѣ производственныхъ предпріятій. Въ сферѣ неравносильныхъ отношеній, труда и капитала, форма проявленія трудовой стоимости нарушается сообразно требованіямъ болѣе сильнаго. Сила предшествуетъ праву; гдѣ сила, тамъ, слѣдовательно, и право. Трудовая стоимость и есть право, полное осуществленіе котораго зависитъ отъ болѣе равномѣрнаго распространенія силы во всѣхъ слояхъ общества. Интересы большинства, съ которыми въ настоящее время ведутъ лишь шапочное знакомство, потребуютъ непремѣнно полнаго ея осуществленія. Это послѣднее соображеніе необходимо имѣть въ виду, чтобы избѣжать той ошибки, какой не избѣжалъ знаменитый Родбертусъ, считая трудовую стоимость не фактомъ, а величественною соціально-экономическою идеей[1].

---

[1] Если отнесть это мнѣніе Родбертуса къ закону стоимости, предложенному имъ въ его «Normalarbeitstag», то, конечно, ошибки здѣсь нѣтъ никакой. Не ошибается и Петерсъ, констатируя отсутствіе примѣненія въ жизни нормированія рабочей платы по выработанному имъ принципу Родбертуса (см. его 3 тома Hülfstafeln) и возлагая въ этомъ отношеніи надежды на будущее. «Obgleich die deutsche Staatspolitik (пишетъ онъ въ частномъ письмѣ) einen Neubau der gewerblichen Verhältnisse auf Grund des Innungswesens vornimmt, so ist doch der Smithianismus im Laufe der Zeit so tief in's praktische Leben gedrungen, dass es sehr schwer hält, eine demselben entgegenstehende Auffassung der staatswirthschaftlichen Verhältnisse auf dem Boden der Praxis Geltung zu verschaffen. Wie lange dauert es doch oft, ehe ein Principienwechsel auf wissenschaftlichem Gebiet sich vollzieht, und doch muss er sich in der fraglichen Sache erst auf diesem Gebiete vollzogen haben, bevor er im praktischen Leben allgemein stattfinden kann».

Фактъ или идея, трудовая стоимость во всякомъ случаѣ полна будущности. Положенная въ основу соціально-экономическихъ отношеній, она пересоздастъ эти отношенія, обновитъ ихъ, обновляя и пересоздавая нынѣ существующій принципъ распредѣленія. Тогда появится иная политическая экономія, исчезнетъ желѣзный законъ заработной платы, исчезнетъ рента, землевладѣльческая и капиталистическая, исчезнетъ, однимъ словомъ, экономическое рабство и эксплуатація.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДНФ А.

II.

ДЕНЬГИ.

Въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія цѣны читатель найдетъ вполнѣ законченный очеркъ теоріи денегъ. Строго придерживаясь научной терминологіи, послѣднія можно опредѣлить, какъ драгоцѣнные металлы, золото и серебро. Все, что входитъ въ понятіе денегъ, что составляетъ ихъ внутреннее содержаніе и существенный смыслъ, объемлется цѣликомъ понятіемъ и сущностью золота и серебра вмѣстѣ и порознь: деньги золото, деньги серебро или деньги — золото и серебро.

Старый, какъ міръ, вопросъ о деньгахъ далеко не принадлежитъ къ числу сданныхъ въ архивъ. Въ его разработкѣ нѣтъ даже опредѣленно и твердо установленныхъ ученій, къ которымъ можно было бы пристать, en se nommant. Оксфордскій профессоръ Bonamy Price не безъ основанія сказалъ, что «every man contradicts every other man about money, about what money is and what it is not, what it can and what it cannot do». «In no other subject, продолжаетъ онъ далѣе, which occupies the thoughts of men does anything approaching the same disorder exist»[1].

[1] См. Practical Polit. Economy, 1879, p. 360.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Деньги. Функціи денегъ. Сущность ихъ функціонныхъ отправленій.

Какъ modus мѣновой цѣнности, цѣна есть не что иное, какъ денежное выраженіе общественно-необходимаго рабочаго времени, воплощеннаго въ товарѣ. Ассоціированная съ понятіемъ денегъ, теорія цѣны немыслима безъ анализа этихъ послѣднихъ и составляетъ его внутреннее содержаніе. Генезисъ денегъ предложенъ впервые Марксомъ. Изъ анализа различныхъ формъ стоимости товара, какъ продукта производства на сторону, слѣдуетъ само собою выясненіе происхожденія и значенія идеи денегъ. Простая, полная или развернутая и всеобщая формы стоимости завершаются ея денежною формой. Деньги, такимъ образомъ, представляютъ особую форму стоимости товаровъ[1].

Обмѣниваясь пропорціонально количествамъ воплощеннаго въ нихъ труда, товары могутъ фиксировать свои стоимости относительно стоимости одного какого бы то ни было товара. Избранный совершенно произвольно, товаръ этотъ превратился бы въ деньги.

Исторія представляетъ массу примѣровъ того, что различные товары въ различное время и у различныхъ народовъ исполняли роль денегъ; чаще, однако, останавливались на товарахъ болѣе

---

[1] См. *Маркс*ъ, Капиталъ, гл. I и приложеніе.

высокой стоимости: мѣха въ древней Россіи, хлѣбъ, скотъ (pecunia отъ pecus) у дикихъ племенъ нашего времени служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ[1]. Актомъ 1723 года въ Мериландѣ табакъ признанъ законною монетой, хотя его стоимость сведена была на англійскія деньги, по пенсу за фунтъ[2].

Главная роль денегъ, какъ измѣрителя стоимости, требуетъ непремѣнно, чтобы сами онѣ имѣли стоимость, такъ-же точно, какъ мѣры протяженія, емкости, вѣса должны имѣть длину, емкость и вѣсъ[3]. Этимъ, можно сказать, открывается денежный вопросъ. Каждый товаръ можетъ быть въ роли денегъ, и деньги - непремѣнно товаръ. Считать ихъ только знакомъ стоимости, простыми жетонами, какъ дѣлали и дѣлаютъ весьма многіе, — это значитъ погрѣшать противъ здраваго смысла и очевидности[4].

---

[1] См. *Сонцовъ*, Деньги и пулы древней Руси, 1862. Казна называлась «скотницей». Въ церковныхъ рукописяхъ того времени употреблялось слово «кунолюбіе» вмѣсто сребролюбіе; см. *Лебедевъ*, О деньгахъ. 1876.

[2] См. *K. Marx*, Zur Kritik der Polit. Oekon. 1859. S. 51.

[3] См. *Roscher*, Grundsätze. 15 Auf. S. 270: «Ein Maszstab der Tauschwerthe, das Geld muss selber Tauschwerth haben: wie ein Längemass selber Länge haben muss».

[4] См. *Macleod*, Theory and Practice of Banking, 1855, I v. p. 25: «Whatever material the currency may consist of, it represents transferable debt and nothing else». Монтескье не въ потвержденіе символическаго значенія денегъ, а въ доказательство отсутствія ихъ внутренней стоимости приводитъ «макуту» африканцевъ. «Macute c'est une signe purement idéal fondé sur le degré d'éstime, qu'ils mettent dans leur ésprit à chaque marchandise». См. Ésprit des lois, l. XXII, гл. 8. Символическое значеніе счетной денежной единицы, money of account, не подлежитъ сомнѣнію. Монтескье вѣрно понималъ природу и причину происхожденія счетныхъ денегъ. J. Stewart (Polit. Econ. I v.

Главнѣйшимъ источникомъ этого кардинальнаго заблужденія служитъ полное игнорированіе всесторонняго, цѣльнаго представленія о деньгахъ, выражающагося въ суммѣ всѣхъ ихъ функцій. Одностороннее обращеніе вниманія на одну изъ этихъ функцій затемняло всѣ остальныя и въ результатѣ приводило къ ложному представленію о цѣломъ. Къ этому промаху, какъ къ центру тяжести, сводится вся исторія ложныхъ ученій о деньгахъ. Теоретическому преобладанію извѣстной функціи соотвѣтствовало иногда практическое ея преобладаніе, которое, въ такомъ случаѣ, характеризовало въ нѣкоторой степени цѣлую экономическую эпоху. Правильное и точное разграниченіе всѣхъ функцій должно поэтому имѣть рѣшающее значеніе во всѣхъ выводахъ по теоріи денежнаго обращенія.

---

p. 526) первый затемнилъ идею ихъ, доказывая, что «a florin banco has a more determinate value than a pound of fine gold or silver; this bank money stands invariable like a rock in the sea». Этотъ взглядъ проводится у Garnier въ его «Histoire de la monnaie», 1819, и даже у Ricardo въ «Proposals», sect. II. Здѣсь упущено изъ виду, что «moneys of account have their foundation in real coins or weights». См. *Colwell*, Ways of Payement, 1859, Money of account. pp. 31—100: Счетная денежная единица служитъ отличительною чертой перваго періода развитія банковъ, такъ-называемаго періода джиробанковъ. См. *Hübner*, Die Banken; *Kautsch*, Das Bank- und Börsenwesen, p. 10, и друг. Теорія «money of account» въ послѣднее время возродилась съ особенною силой у представителей абсолютистической теоріи бумажныхъ денегъ, предлагающихъ демонетизацію золота и серебра. Въ дебатахъ 1819 года, по поводу возстановленія платежей Банкомъ Англіи, «abstract currency», какъ извѣстно, нашла многихъ защитниковъ. Лордъ Castlereagh, опредѣляя значеніе и сущность денежной единицы, назвалъ ее «a sense of value»! Несмотря на дѣльную рѣчь Canning'a, предо-

Изъ вышесказаннаго легко вывести опредѣленіе денегъ. Деньги — это товаръ, вся особенность котораго состоитъ въ томъ, что къ нему, какъ всеобщему знаменателю, сводится стоимость всѣхъ остальныхъ товаровъ, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и устанавливается взаимное отношеніе стоимостей этихъ послѣднихъ[1]. Съ незапамятныхъ временъ, однако, у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новыхъ, для роли денегъ были избраны драгоцѣнные металлы, золото и серебро. По своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ послѣдніе, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовали предоставленной имъ роли; больше того, своими естественными качествами они дополнили рудиментарное представленіе о деньгахъ, перенесли на нихъ свою собственную природу, пока, наконецъ, не слились съ ними окончательно. «Если, говоритъ Марксъ, золото

стерегавшаго собраніе отъ увлеченій («no dream, beware of abstractions!») и доказывавшаго полную несостоятельность «of abstract currency», лишившей фунтъ стерлинговъ всѣхъ свойствъ матеріи «and pursued it, under the name of the ideal unit, into the regions of nonentity and nonsense». Пиль на предложенный ему вопросъ, что такое a pound standard, отвѣчалъ: «I find it difficult to explain it, but every gentleman in England knows it». Его поддержалъ Smith, прибавивъ отъ себя, что «It is something which has existed in this country for eight hundred years — three hundred years before the introduction of gold». См. *Sumner*, The english Bank Restriction, 1874, pp. 274—275, 291.

[1] См. *Marx*, Zur Kritik, S. 26: «Die besondere Waare, die so adäquates Dasein des Tauschwerths aller Waaren darstellt, oder der Tauschwerth der Waaren als eine besondere, ausschliesliche Waare, ist Geld». См. *Turgot*, Sur la formation et la distribution des richesses. § XLI: «Toute marchandise a les deux propriétés essentielles de la monnaie, de mesurer et de représenter toute valeur; et dans ce sens toute marchandise est monnaie».

и серебро по своей природѣ не деньги, то деньги по своей природѣ — золото и серебро»[1].

Основная функція денегъ — функція измѣренія имѣетъ громадное значеніе въ хозяйственной жизни. Какъ основаніе экономическаго счета, она даетъ возможность измѣрять числомъ и мѣрою имущественныя отношенія людей. Извѣстно, впрочемъ, что деньги въ роли масштаба стоимости не удовлетворяютъ необходимымъ требованіямъ точной и постоянной мѣры. Стоимость ихъ, какъ и всѣхъ другихъ товаровъ, подвержена постояннымъ колебаніямъ. Колебанія эти, болѣе значительныя во времени и едва замѣтныя въ пространствѣ, сильно умаляютъ экономическое достоинство измѣрительной функціи денегъ. Но до сихъ поръ, по-крайней-мѣрѣ, экономическій геній народовъ не могъ отыскать болѣе удовлетворительной мѣры стоимости, чѣмъ та, какую представляютъ собою золото и серебро[2].

Опредѣляя величину стоимости всѣхъ товаровъ, деньги, въ свою очередь, выражаютъ свою стоимость въ товарныхъ цѣнахъ. Любой прейсъ-курантъ, какъ указатель цѣнъ, служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и указателемъ стоимости денегъ. Такъ-какъ, кромѣ того, стоимость золота можетъ быть выражена въ серебрѣ, а серебра въ золотѣ, то, слѣдовательно, деньги могутъ имѣть и цѣну.

Хотя деньги, будучи мѣриломъ стоимости, должны непремѣнно сами имѣть стоимость, тѣмъ не менѣе функцію измѣренія онѣ выполняютъ только идеально. При оцѣнкѣ на золото или серебро, не надо ни того, ни другого. Количественный моментъ совершенно безразличенъ въ этомъ случаѣ, и одинъ

---

[1] См. Zur Kritik. S. 135.

[2] Только не въ монетной формѣ. Неудобство монетной формы денегъ для функціи измѣренія указано еще г. Ливерпулемъ, см. Coins of the Realm. pp. 10—12.

рубль такъ-же хорошо и съ такимъ-же удобствомъ можетъ измѣрять безконечно большую массу стоимостей, какъ и цѣлый милліардъ рублей. Деньги — воображаемая мѣра, въ отличіе отъ реальной — аршина, фунта, присутствіе которыхъ необходимо при каждомъ актѣ измѣренія. Но это фиктивное, символическое участіе денегъ ничуть не мѣшаетъ цѣнамъ опредѣляться и зависѣть исключительно отъ реальнаго денежнаго матеріала[1].

Измѣряя стоимости, деньги въ то-же время служатъ орудіемъ обращенія ихъ. Переходъ отъ непосредственной мѣны въ куплѣ-продажѣ есть, какъ извѣстно, крупнѣйшій фактъ въ исторіи экономической культуры, фактъ полный жизненности и до сихъ поръ. Значеніе денегъ въ процессѣ обращенія цѣнностей — избитое мѣсто въ экономической наукѣ. Сводясь къ его ускоренію, функція обращенія, какъ спеціальное отправленіе денегъ, есть лишь сбереженіе времени, конечный результатъ, къ которому приводятъ всѣ усовершенствованія передвиженія, въ томъ числѣ и желѣзныя дороги. Въ болѣе развитомъ кредитномъ хозяйствѣ деньги выполняютъ свою функцію обращенія идеально. По-крайнѣй-мѣрѣ это можно сказать относительно значительнаго большинства случаевъ. При переходѣ товаровъ изъ рукъ въ руки, деньги in-persona, какъ эквивалентъ, не требуются. На ихъ мѣсто выступаютъ кредитные знаки — векселя, чеки, кредитъ по книгѣ, а деньги функціонируютъ лишь въ роли орудія измѣренія. Развитіе кредита, достигшее въ наше время такихъ громадныхъ размѣровъ, обязано въ извѣстной степени своимъ существованіемъ возможности совершеннаго выдѣленія и обособ-

[1] Идеальный характеръ функціи измѣренія впервые указанъ Марксомъ (Капиталъ, 45—46). Не смотря на первостепенную важность этой точки зрѣнія, она почему-то неособенно привилась. Въ исчерпывающихъ работахъ Книсса и Кауфмана, напр., о ней нѣтъ и помину.

ленія функціи обращенія. Бумажныя деньги, размѣнныя и неразмѣнныя, аналогичны по происхожденію съ фактомъ обращенія неполновѣсной монеты. Какъ тамъ бумага, такъ здѣсь металлъ служатъ лишь знаками, представителями денегъ. Но если бумажныя деньги всецѣло обязаны своимъ существованіемъ выдѣленію изъ металлической сущности денегъ ихъ функціи обращенія, то далеко нельзя сказать того-же самаго относительно кредитныхъ знаковъ. Результатъ условій самаго производства, несовпаденія, напр., по времени и мѣсту различныхъ отраслей народно-хозяйственнаго труда, кредитныя цѣнности не могутъ считаться простою эманаціей ни функціи обращенія, ни платежной функціи денегъ, какъ полагаетъ Марксъ. Нѣтъ даже основанія различать одну функцію отъ другой, такъ-какъ платежъ есть необходимая составная часть каждаго акта обращенія, хотя въ одномъ случаѣ первый слѣдуетъ непосредственно за вторымъ, а въ другомъ — откладывается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Третья и послѣдняя функція денегъ — функція сбереженія. Какъ матеріалъ, наиболѣе противостоящій разрушительнымъ силамъ природы, золото и серебро наиболѣе пригодны для цѣлей сбереженія. Этому благопріятствуетъ еще и то обстоятельство, что въ сравнительно маломъ объемѣ драгоцѣнные металлы содержатъ большую стоимость. Оставляя въ-сторонѣ вопросъ о томъ — богатство ли деньги или нѣтъ, вопросъ, предрѣшенный уже въ самомъ ихъ опредѣленіи, слѣдуетъ помнить, что деньги обладаютъ покупательною силой par excellence. Рыночная конъюнктура слабѣе всего вліяетъ на ихъ стоимость; полезность ихъ общепризнана и общеизвѣстна, что и дѣлаетъ ихъ наиболѣе удобною формой богатства, какъ наиболѣе свободною, а потому и наиболѣе желанною. Ихъ количествомъ измѣряется обыкновенно богатство ихъ владѣльца, его экономическая сила. Представляя собою отвлеченное богатство, abstract wealth, деньги

сосредоточиваютъ въ себѣ весь экономическій міръ, но не въ безтѣлесной, а въ осязательной формѣ, въ формѣ живой отвлеченности [1]. Однихъ этихъ основаній вполнѣ достаточно, чтобы понять смыслъ и значеніе безконечнаго стремленія къ накопленію богатствъ въ видѣ денегъ. И хотя стоимость послѣднихъ измѣняется, то увеличиваясь, то уменьшаясь, тѣмъ не менѣе очевидно, что количественное увеличеніе накопленія сопровождается непремѣнно увеличеніемъ стоимости накопленія. При какихъ бы то ни было пертурбаціяхъ стоимости денегъ, во всякомъ случаѣ въ данный моментъ времени бо́льшая сумма рублей, франковъ имѣетъ бо́льшую покупательную силу, чѣмъ меньшая сумма ихъ.

О сокровищахъ и богатствахъ, закапываемыхъ въ землю, особенно въ Азіи и Африкѣ, повѣствуютъ очень многіе экономисты, — высчитываютъ даже болѣе или менѣе вѣроятные размѣры ихъ; но на важное значеніе свободныхъ запасовъ денегъ, hoards, въ общей системѣ денежнаго обращенія впервые обратилъ должное вниманіе Фуллъртонъ [2].

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что деньги функціонируютъ двоякимъ образомъ: или своею матеріальною, металлическою сущностью, реально, или же только идеально, когда матеріальное участіе ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ совсѣмъ лишне или можетъ быть замѣнено ничего нестоющими знаками ихъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ матеріальное ихъ существованіе, in substantia, необходимо безусловно, съ тою только разницей, что для символической роли денегъ количественный моментъ важенъ лишь по-стольку, по-скольку онъ

---

[1] См. Кауфманъ, l. c. стр. 589.

[2] См. его Regulation of currencies, 1845, p. 140: «Drains universally operate not on the currency in circulation, but on the currency in reserve—on the hoards».

опредѣляетъ качественный моментъ ихъ. Изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами функцій денегъ, функція измѣренія выполняется символически, а функція сбереженія матеріально; функція же обращенія — и символически и матеріально, смотря по тому, производится ли платежъ немедленно или откладывается на извѣстный срокъ, порождая въ такомъ случаѣ кредитныя обязательства, а также и по тому, происходитъ ли уплата деньгами или бумажными деньгами и банковыми билетами[1].

Изъ самаго опредѣленія цѣны, какъ стоимости, выраженной въ деньгахъ, слѣдуетъ законъ относительнаго движенія цѣны и стоимости товаровъ. Всеобщее паденіе или повышеніе цѣнъ обусловливается всеобщимъ уменьшеніемъ или увеличеніемъ стоимости товаровъ, если стоимость денегъ остается безъ перемѣны или увеличивается и уменьшается не прямо пропорціонально уменьшенію и увеличенію стоимости товаровъ. Уменьшеніе или увеличеніе стоимости денегъ, когда стоимость товаровъ остается безъ перемѣны, повышаетъ или понижаетъ цѣны въ обратно-пропорціональномъ отношеніи. Одновременное и пропорціональное уменьшеніе или увеличеніе стоимости денегъ и товаровъ остается безъ всякаго вліянія на измѣненіе цѣнъ.

---

[1] Опредѣленіе денегъ чрезъ интегрированіе ихъ функцій встрѣчается впервые у *Torrens*'а, Sir R. Peel's Act of 1844. 1858, p. 2 и 3: «Money is employed as a measure of value, as a medium of exchange, and as a ultimate equivalent by the tender and acceptance of which obligations are legally discharged».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Стоимость денегъ; динамическій и статическій законы стоимости денегъ.

Ученіе о стоимости денегъ, не смотря на невѣроятную массу затраченныхъ усилій, нельзя считать установившимся и до-сихъ-поръ. Достаточно указать на полемику, недавно завязавшуюся на страницахъ англійскаго журнала «The contemporary Review» между Эм. де-Лавеле и Бонами-Прайсомъ, чтобы убѣдиться, до какой степени сбивчивы и шатки въ этомъ отношеніи воззрѣнія Лавеле, одного изъ извѣстнѣйшихъ экономистовъ нашего времени[1]. Исписаны сотни томовъ, собраны груды статистическаго матеріала, а положеніе дѣлъ, между-тѣмъ, таково, что лучшею его характеристикой можетъ служить извѣстное изреченіе: «Quot homines, tot sententiæ». И это въ томъ отдѣлѣ политической экономіи, который Дж.-Ст. Милль считалъ вполнѣ завершившимся и недопускающимъ разногласій. Наводя на грустныя размышленія о безсиліи мысли въ области соціологическихъ изслѣдованій, фактъ этотъ, быть можетъ, достоинъ вниманія психолога. Экономисту же слѣдуетъ помнить, что ложны

[1] См. Contemp. Review, 1881, November и December, *Laveleye*, Commonplace fallacies concerning money, и въ 1882, February, *B.-Price*, How money does its work. A reply to M. de Laveleye.

экономическія теоріи, а не экономическіе законы въ томъ смыслѣ, конечно, что послѣдніе существуютъ непремѣнно для даннаго времени и мѣста и должны подлежать его изслѣдованію, каковы бы ни были естественные методологическіе недостатки этого изслѣдованія.

Нѣтъ никакого основанія допускать, что общій законъ стоимости, динамическій и статическій, не имѣетъ примѣненія къ стоимости денегъ. Пока исключеніе изъ общаго правила недоказано, то правило или законъ, какъ извѣстно, остается въ полной силѣ. Деньги, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, производятся, т. е. появляются на свѣтъ при посредствѣ труда и при этомъ появленіи стоимость ихъ уже опредѣлена. Она равняется количеству труда, затраченнаго на ихъ производство. Покупательная сила денегъ пропорціональна этому труду и въ общемъ отъ него только зависитъ и имъ только опредѣляется. Золото и серебро изъ мѣстъ добычи направляются обыкновенно въ перворазрядные банки Америки и Европы въ-видѣ римессъ за ввезенные товары. Тутъ уже, съ перваго момента ихъ безконечнаго странствованія и послѣдней заключительной стадіи ихъ производства, золото и серебро оканчиваютъ вполнѣ процессъ образованія своей стоимости. Внутренняя или потребительная стоимость драгоцѣнныхъ металловъ, какъ необходимое условіе стоимости мѣновой, состоитъ въ пригодности ихъ для многоразличныхъ промышленныхъ цѣлей и домашняго обихода, съ одной стороны, и для роли денегъ — съ другой. Внутренняя стоимость драгоцѣнныхъ металловъ, какъ денегъ, состоитъ въ томъ, что она воплощаетъ въ себѣ, матеріализируетъ, такъ-сказать, отвлеченный человѣческій трудъ для цѣлей измѣренія, обращенія и сбереженія богатствъ.

Въ опроверженіе динамическаго закона стоимости денегъ указывали на исключительныя условія производства драгоцѣнныхъ металловъ. Дѣйствительно, эксплуатація золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ не есть обыкновенное промышленное предпріятіе, въ

которомъ шансы успѣха, т. е. размѣры предпринимательской прибыли, могли бы быть высчитаны напередъ съ извѣстною точностью. Оно скорѣе походитъ на спекуляцію, своего рода игру, a kind of gambling, и притомъ игру азартную, безъ всякаго соразмѣренія риска. Не только о постоянствѣ, но и о продолжительности предпріятія здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Сегодня богатый, чрезъ нѣсколько недѣль рудникъ можетъ оказаться совершенно истощеннымъ. Исторія разработки калифорнійскихъ и австралійскихъ золотыхъ розсыпей, ужасы которой такъ живо переданы Паттерсономъ[1], дала полное основаніе Лавеле вспомнить въ данномъ случаѣ объ игорномъ домѣ въ Монако. Но выводъ, какой онъ дѣлаетъ изъ этого удачнаго сравненія, совсѣмъ неудаченъ или, правильнѣе, совсѣмъ несостоятеленъ. Основываясь на показаніи очень авторитетнаго лица, что средняя стоимость каждой добытой унціи золота равняется цѣнѣ двухъ унцій его, Лавеле заключаетъ отсюда, что стоимость денегъ совсѣмъ не зависитъ отъ издержекъ производства. «Каждый франкъ, продолжаетъ онъ далѣе, добытый всѣми золотопромышленниками, стоитъ имъ болѣе одного франка»[2]. Показаніе, приведенное Ла-

[1] См. *Patterson*, The economy of capital or gold and trade. 1865. Описывая деморализацію, какъ неизбѣжный спутникъ спекуляціи, Паттерсонъ замѣчаетъ: «that the exorbitant prices given for gold show how much barbarism still lurks under the cloak of civilisation» (p. 4); хотя «the City of gold, of money-dealers, a sanctuary of Plutus, where men think only of profits, and yet accomplish more gold than all our philanthropists» (p. 123). См. также *Hittel*, The resources of California. 1868. p. 343. The Gold-mining enterprises is the business too uncertain as to its profits».

[2] См. Contemp. Review. 1881. Dec. p. 901—6. Настаивая на необходимости различать стоимость отъ цѣны драгоцѣнныхъ металловъ, онъ доказываетъ, что «the price of the precious me-

ве ле,— общеизвѣстный фактъ и можетъ подлежать спору развѣ относительно числовыхъ обозначеній. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что число 2 въ данномъ случаѣ совершенно произвольно. Нерѣдко стоимость добытой унціи золота равна, должно быть, цѣнѣ ста и болѣе унцій его, а средняя стоимость въ извѣстный короткій промежутокъ времени извѣстнаго ограниченнаго района можетъ не совпадать съ цѣною болѣе чѣмъ въ два раза. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы стоимость золота, такъ-же какъ и серебра, не опредѣлялась количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда или, слѣдуя установившейся формѣ выраженія, издержками производства. Вся особенность процесса образованія ихъ стоимости состоитъ лишь въ томъ, что общественно-необходимое рабочее время въ этомъ случаѣ величина совершенно неизвѣстная и замѣняется поэтому среднимъ рабочимъ временемъ за продолжительные періоды времени. О стоимости «воспроизведенія» не можетъ быть и рѣчи, потому что общее усовершенствованіе условій труда и временныя измѣненія, сопровождающія открытіе новыхъ рудниковъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не могутъ значительно поколебать стоимости громаднаго существующаго уже запаса благородныхъ металловъ. Ничто не гарантируетъ отъ производственныхъ ухудшеній въ ближайшемъ будущемъ.

Оставляя въ-сторонѣ воззрѣнія древнихъ на затронутый вопросъ, можно съ увѣренностію сказать, что начиная съ Петти[1] динамическій законъ стоимости денегъ, въ только-что изложен-

---

tals is determined by the Mints». Противорѣча себѣ на каждомъ шагу, онъ къ-концу-концовъ соглашается, что «the cost of production of the precious metals can only influence their value in the long run, and that inso much as it has the power to limit or increase the amount produced».

[1] См. *Roscher*, Gischichte der engl. Volkw. S. 80 u. ff.

номъ видѣ, принятъ всѣми экономистами-классиками отъ Смита до Маркса и почти всѣми всѣхъ другихъ направленій и оттѣнковъ, только косвенно и implicite — такъ сказать[1].

Впрочемъ, еще до Петти, епископъ Н. Орезмъ въ XIV ст. въ трактатѣ «De mutationibus monetarum» и знаменитый Н. Коперникъ въ XVI ст. въ своемъ «Monetæ cudendæ ratio» оба обнаруживаютъ ясное пониманіе динамическаго закона стоимости

---

[1] Историческія изслѣдованія о деньгахъ до-того неудовлетворительны, что до-сихъ-поръ не рѣшенъ вопросъ — существовали ли когда-нибудь деньги въ точномъ смыслѣ слова не въ металлической формѣ, или, другими словами, были ли скотъ, рабы, мѣха и т. д. деньгами, или только суррогатами денегъ. Живыя деньги, living money, въ саксонскій періодъ обращались въ Англіи на-ряду съ металлическими. См. *Jacob*, Precious metals. 1832. p. 169: «In those parts of Britain where coins were very scarce, almost all debts were paid and purchases made with living money. У писателей не экономистовъ свѣдѣнія о деньгахъ обыкновенно очень скудны. Въ «Описательной соціологіи» Спенсера факты для Англіи взяты исключительно изъ Маклеода. Есть основаніе думать, что исторія вездѣ застала уже металлическія деньги. См. *Aug. Boeckh*, Écon. politique des Athéniens. 1828. ch. I—III. *Mar. Fontane*, Les Egyptes. 1882. p. 258 и ff. По J. Lubbock'y (The Nineteenth Century. 1879. Nov. p. 789—90), китайскія pu-coins и tao-coins существовали уже за 2250 лѣтъ до Р. Х. Невѣрно поэтому, что греки «were inventors of the use of money, какъ полагаетъ Lenormant (Cont. Review. 1879. Febr. p. 504). Если монетное дѣло начинается въ Россіи съ Димитрія Донского (см. *гр.* Д. *Толстой*, Исторія финанс. учрежденій Россіи. 1848, стр. 193), когда перестали имѣть хожденіе кожаныя деньги, то металлическія деньги извѣстны уже въ Новгородѣ въ VIII стол. и раньше.

денегъ[1]. Но если Смитъ, Рикардо, Дестютъ-де-Траси и даже Сей признаютъ открыто этотъ законъ[2], то мнимые противники его дѣлаютъ то-же самое, сами того не замѣчая[3].

---

[1] См. N. Oresme et Copernic, par *Wolowski*, 1864. p. CV: «Verumtamen, говоритъ Орезмъ, ista proportio (между золотомъ и серебромъ) debet sequi naturalem habitudinem auri ad argentum in pretiositate et secundum hoc instituenda est hujusmodi proportio. См. *Roscher*, Ein grosser Nationalökonom des XIV-ten Jahrhunderts. Tübing. Zsft, 1863. I u. II Heft.

[2] См. *Ad. Smith*, l. c. I. v. p. 41: Стоимость драгоцѣнныхъ металловъ «dépend toujours de la fécondité ou de la stérilité des mines exploitées dans le temps où se font les échanges». См. *Ricardo*, Principles, ch. XXVII: «Gold is about fifteen times dearer than silver solely because fifteen times the quantity of labour is necessary to procure a given quantity of it». *Dest. de-Tracy*, Traité d'écon. pol., 1825. p. 140: «Les métaux précieux sont une marchandise comme une autre, en ce qu'ils ont la valeur nécessaire qui résulte du travail qu'a coûté leur extraction et leur transport». *J.-B. Say*, Cours complet. I v. Des Monnaies: «D'après Humboldt on tire des entrailles de la terre 45 fois moins d'or que d'argent. Comme l'or ne vaut qu'environ 15 fois et demi plus que l'argent, vous voyez que leur valeur respective ne vient pas des quantités respectives que l'on obtient des exploitations, mais de leur frais production combinés avec les besoins des consomateurs». У Сея, какъ и у другихъ эклектиковъ, можно найдти много противорѣчій по этому вопросу, которыя ничѣмъ нельзя примирить. См. *J. Wilson*, Capital, currency and banking, 1859 p. 149: «The intrinsic value of gold and silver, like all other commodities, is regulated solely by the labour expended in procuring it». См. *Patterson*, l. c. p. 21: Золото оцѣнивается «owing the great amount of labour required for its production».

[3] См. напр. *Roscher*, Grundlagen. I B. § 126. Впрочемъ,

Едва-ли есть въ экономической наукѣ болѣе общепризнанное и безспорное положеніе чѣмъ то, которое доказываетъ, что распредѣленіе драгоцѣнныхъ металловъ, ихъ теченіе отъ мѣстъ добычи направляется по степени производительной силы труда отдѣльныхъ странъ [1]. Каждая страна запасается деньгами или при помощи разработки собственныхъ рудниковъ или же посредствомъ международной торговли. Въ первомъ случаѣ стоимость денегъ опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда или, какъ обыкновенно говорятъ, издержками производства; во второмъ—стоимостью тѣхъ товаровъ, взамѣнъ которыхъ получены деньги. Изъ странъ, соперничающихъ на всемірномъ денежномъ рынкѣ, наинизшею стоимостью денегъ будетъ отличаться та, предметы вывоза которой стоютъ наименьшихъ издержекъ производства или, что все равно, гдѣ производительность труда наибольше [2]. Зависитъ ли послѣдняя отъ культурно-историческихъ условій, какъ въ Англіи, или отъ условій почвы и

у него «das Angebot richtet sich auf die Länge hauptsächlich nach den Productionskosten» (S. 282). *Миллъ*, Основанія. Кн. III 4.

[1] См. *Tooke*'s, History of prices. VI. p. 210: Калифорнійское золото распредѣлилось «in proportion to the soil and resources of each country in the production of Exportable Goods in demand in the Gold Regions».

[2] Объясненіе кажущагося противорѣчія по сравненію, напр., англійскихъ цѣнъ съ русскими можно найдти въ прекрасной статьѣ Rodbertus-Jagetzow'a. Hildebrand's Jahrbücher, 1871, I B. I Heft: «Die Preise der Fabrikate, ungeachtet des gefallenen Sachwerths des Geldes, doch gleichfalls gesunken sind und noch niedriger als anderswo stehen, wo der Sachwerth des Geldes etwas höher ist, die Preise der landwirthschaftlichen Producte und namentlich des Getreides aber noch in weit höherem Maasse gestiegen sind, als der Sachwerth des Geldes gefallen ist». (S. 343).

климата, какъ въ Индіи и Китаѣ, или же отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, какъ въ Соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки, во всѣхъ этихъ случаяхъ ею главнымъ образомъ направляются большія теченія драгоцѣнныхъ металловъ[1]. Другими словами, теченія эти направляются туда, гдѣ покупательная сила денегъ наибольше или стоимость товаровъ наименьше. Сущность дѣла нисколько, конечно, не измѣнится и въ томъ случаѣ, когда страна запасается деньгами изъ вторыхъ или третьихъ рукъ.

Такъ-какъ стоимость однихъ и тѣхъ-же товаровъ въ различныхъ странахъ бываетъ различна, то и покупательная сила денегъ на всемірномъ рынкѣ не опредѣляется исключительно ихъ собственною стоимостью, т. е., говоря иначе, нѣтъ одной всеобщей и повсемѣстной величины покупательной силы денегъ, что несомнѣнно доказывается существованіемъ въ различныхъ странахъ различныхъ цѣнъ однихъ и тѣхъ-же товаровъ. Вслѣдствіе этого очень часто несравненно выгоднѣе получать деньги не прямо изъ мѣстъ разработки рудниковъ, а чрезъ посредство тѣхъ странъ, гдѣ можно продать наидороже предметы собственнаго вывоза. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые идутъ еще далѣе, утверждая, что постоянный приливъ и отливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ одной страны въ другую продолжается до тѣхъ поръ, пока покупательная сила денегъ не выравняется совсѣмъ, чего, однако, какъ извѣстно, никогда не бываетъ.

Законъ распредѣленія золота и серебра регулируется, слѣдовательно, главнымъ образомъ динамическимъ закономъ стоимости. Сколько извѣстно, никто не предложилъ до сихъ поръ болѣе ра-

---

[1] См. *Senior*, Three lectures on the cost of obtaining money. 1—30. Passim. *Ricardo*, l. c. VII ch. On foreign trade. «The value of all foreign goods is measured by the quantity of the produce of our land and labour, which is given in exchange for them».

ціональнаго объясненія этого крупнаго экономическаго явленія. Теорія международнаго платежнаго баланса съ этой стороны остается въ полной своей силѣ. Но динамическій законъ стоимости лежитъ въ основаніи только лишь динамическаго закона распредѣленія драгоцѣнныхъ металловъ. Статическій законъ послѣдняго опредѣляется многими другими причинами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, банковымъ и кредитнымъ операціямъ вообще. Повышеніе рыночнаго ссуднаго и въ-особенности учетнаго процента, государственные, внутреннie и внѣшніе займы, выпуски бумажныхъ денегъ — всѣ эти манипуляціи не остаются безъ вліянія на передвиженіе денегъ изъ страны въ страну. Но если повышеніе дисконта считается надежнѣйшимъ средствомъ пріостановить отливъ металла за-границу и вызвать даже обратное теченіе его, то въ то-же время слѣдуетъ помнить, что средство это нельзя считать совершенно произвольнымъ въ рукахъ орудующихъ имъ, что властъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи заключена въ довольно тѣсныя рамки. Слѣдуетъ помнить, что денежное обращеніе вообще — не болѣе, какъ отраженное товарное движеніе[1]. Банкиръ, по мнѣнію Вильсона, есть лишь пассивный агентъ во всѣхъ совершаемыхъ имъ банковыхъ операціяхъ[2].

---

[1] См. *Миллъ*, Основанія. Кн. III. гл. XXI. *Ricardo*, l. c. ch. VII: «The money of each country is aportioned to it in such quantities only as may be necessary to regulate a profitable trade of barter». *Torrens*, l. c. p. 27: «The precious metals are so distributed throughout commercial countries, that each country commands a store proportionale to its relative wealth».

[2] См. *Wilson*, l. c. p. 12: «The banker is mere passive agent»; *de-Laveleye*, Le Marché monétaire, 1865, p. 183: «Les banques ne peuvent pas fixer à leur gré le taux de l'intérêt. Quand la banque hausse ou baisse le taux de l'escompte, elle ne crée rien, elle n'invente rien, mais elle reflète exacte-

На-ряду съ динамическимъ закономъ стоимости денегъ, составляющимъ основной принципъ всей системы денежнаго обращенія, необходимое условіе нормальнаго развитія денежной политики, дѣйствуетъ и статическій законъ, обусловливающійся наличными соціально-экономическими факторами даннаго времени и мѣста. Законъ этотъ есть лишь незначительное измѣненіе статическаго закона стоимости вообще.

Сосредоточиваясь на отношеніи спроса къ предложенію, статическій законъ стоимости денегъ, вслѣдствіе исключительныхъ условій, имѣетъ, однако, нѣсколько болѣе опредѣленное очертаніе, болѣе рельефную форму. Впрочемъ, совершенно неосновательно считать спросъ и предложеніе денегъ величинами постоянными или измѣняющимися такъ мало, что измѣненіе это не можетъ имѣть никакого практическаго значенія. Если спросомъ считать не одно желаніе имѣть, но желаніе имѣть соединенное со средствами купить, словомъ—если дѣло идетъ о реальномъ спросѣ, то не можетъ быть и рѣчи о безграничномъ спросѣ на деньги[1]. Что же касается предложенія денегъ, то, дѣйствительно, его можно считать величиной почти постоянной,

---

ment les conséquences de l'offre et de la demande des métaux précieux, elle suit l'impulsion de faits irrésistibles»; *Ad Wagner*, Beiträge zur Lehre von den Banken, 1857. S. 143: «Der Bankier steht dem Publicum rein passiv gegenüber».

[1] См. *Destutt-de-Tracy*, l. c. p. 141. *Torrens*, l. c. p. 45: «The demand for currency is insatiable». Ненасытная жажда денегъ — общественный фактъ. Но этотъ производно-, а не примитивно-психологическій фактъ получаетъ экономическое значеніе только тогда, когда онъ осуществляется экономически. «Les pouvoirs et les rois s'agitent, l'argent les mene». «Nous voyons la société, tournant autour d'une pièce d'or, comme l'Univers autour du soleil».

неизмѣняющейся. Процентъ наращенія драгоцѣнныхъ металловъ обыкновенно незначителенъ, т. е. ежегодно добываемое количество ихъ невелико по сравненію со всѣмъ существующимъ ихъ количествомъ, и отношеніе между этими двумя величинами съ каждымъ годомъ уменьшается все болѣе и болѣе[1]. Но если и допустить, что предлагаемое изъ года въ годъ количество драгоцѣнныхъ металловъ почти одно и то-же, то допущеніе это будетъ вѣрно по отношенію къ всемірному рынку, но ничуть не по отношенію къ рынку каждой отдѣльной страны. Въ Англіи въ извѣстномъ году обращается, положимъ, $^1/_{10}$ часть всего существующаго въ мірѣ количества драгоцѣнныхъ металловъ; если даже количество послѣднихъ останется безъ перемѣны, то часть, обращающаяся въ Англіи, можетъ все-таки подвергнуться сильнымъ измѣненіямъ: она можетъ увеличиться или уменьшиться въ нѣсколько разъ.

Важнѣйшая особенность въ области отношеній спроса и предложенія денегъ, опредѣляющая статическую стоимость ихъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Предложеніе денегъ увеличивается или уменьшается не только съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества ихъ, но въ равной мѣрѣ съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ быстроты ихъ обращенія. Подъ быстротой обращенія денегъ слѣдуетъ понимать количество оборотовъ, продажъ и покупокъ, совершаемыхъ денежною единицей или монетой въ извѣстный моментъ времени. Сумма оборотовъ одного дня въ 100 рублей при быстротѣ обращенія рубля, равной 1, потребуетъ количества денегъ, равнаго 100 рублямъ, а при быстротѣ

[1] См. *N. Spallart*, Uebersichten. 1878 Jahrgang. S. 146. Къ 1876 г. общее количество драгоцѣнныхъ металловъ во всемъ мірѣ исчисляется имъ въ 47 милліардовъ марокъ, а добыто въ 1876 г. всего 660 мил. марокъ, что составляетъ $1^1/_3\,^0/_0$ существующаго количества.

обращенія, равной 5, всего 20 рублей или, полагая количество обращающихся въ данное время денегъ равнымъ x, сумму оборотовъ — s и быстроту обращенія — v, получимъ $x = {}^{s}/_{v}$ или $s = x \,.\, v$, т. е. при данномъ количествѣ оборотовъ или, что все равно, при данной суммѣ цѣнъ товаровъ, количество обращающихся денегъ обратно пропорціонально быстротѣ ихъ обращенія. Статическая стоимость денегъ вытекаетъ изъ этого положенія, какъ простое логическое слѣдствіе. Выражается она совершенно условно и можетъ быть принята только въ этомъ условномъ видѣ. Также условны и ограниченны, конечно, сила и сфера ея фактическаго проявленія сравнительно съ силой и сферой проявленія динамической стоимости денегъ. Стоимость денегъ колеблется въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ предложенію ихъ при томъ-же спросѣ на деньги, т. е. при томъ же предложеніи товаровъ и услугъ, которые должны быть проданы на деньги. Но стоимость денегъ колеблется въ прямомъ отношеніи къ спросу только тогда, когда скорость обращенія ихъ остается безъ перемѣны; въ противномъ же случаѣ, пропорціональное ускореніе обращенія нейтрализуетъ вліяніе спроса на стоимость денегъ, если-бы даже количество послѣднихъ и оставалось безъ перемѣны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Количественная теорія стоимости денегъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе различныхъ теорій стоимости денегъ, мы остановимся только на болѣе извѣстныхъ въ порядкѣ ихъ историческаго возникновенія, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ нихъ пользуются правомъ гражданства и по настоящее время.

Наиболѣе древняя изъ нихъ, пользовавшаяся особеннымъ покровительствомъ у средневѣковыхъ юристовъ, не получила должнаго имени до сихъ поръ. Соотвѣтственно главному опредѣляющему моменту и практической тенденціи, ее слѣдовало бы назвать теоріей произвола и насилія[1]. Полагая, что стоимость денегъ зависитъ исключительно отъ доброй воли государственной власти, которой въ дѣйствительности принадлежитъ лишь право установленія и опредѣленія денежной единицы, ея названія, пробы и вѣса (монетная регалія), ученіе это, собственно говоря, отрицало въ сущности какую бы то ни было внутреннюю, реальную стоимость денегъ. Положенное въ основу средневѣковой финансовой политики, ученіе это было источникомъ неслы-

---

[1] Къ этой теоріи подходитъ ученіе *Посошкова*, которое оповѣстилъ Dana Hortun подъ именемъ — «The fiat theory». См. The intern. monetary Conference 1881 г. p. 496—7: It is not the copper that is valuable to us, it is the name of our Czar».

ханныхъ насилій и грабежа[1]. Увеличивая и уменьшая, сообразно требуемымъ обстоятельствамъ, установленный закономъ вѣсъ и пробу денежной единицы, правительства вынуждали такимъ образомъ своихъ дебиторовъ платить сверхъ слѣдуемаго, а своимъ кредиторамъ не платили должнаго. На-канунѣ платежей или полученій немедленно принимались за испытанное средство перемѣны денежной единицы. Въ одномъ 1348 г. такихъ перемѣнъ во Франціи послѣдовало одиннадцать, въ слѣдующемъ 1349 г. девять, въ 1381 г.—восемнадцать, въ 1353 г.—тринадцать и въ 1355 г.—снова восемнадцать[2].

Не смотря на всѣ эти продѣлки, стоимость денегъ не поддавалась, конечно, такимъ безъискусственнымъ манипуляціямъ. Если правительство и могло безъ всякаго затрудненія опредѣлить сегодня фунтъ стерлинговъ въ одну унцію золота, а черезъ нѣсколько недѣль въ двѣ унціи, то отсюда еще очень далеко до возможности сдѣлать физически невозможное, соединить знакомъ равенства двѣ неравныя величины. Если-бы съ измѣненіемъ денежной единицы измѣнялась стоимость денегъ, то слѣдовало бы удивляться, почему правительство не прибѣгнетъ къ столь легкому средству, чтобы однимъ почеркомъ пера обогатить сразу своихъ подданныхъ[3].

Теорія эта до-того нелѣпа, что о ней не слѣдовало бы и упоминать, если-бы въ послѣднее время она не возродилась,

---

[1] См. *Pablo-de-Pebrer*, Histoire financière et statistique générale de l'Empire Britannique, 1839. *М. Алексѣенко*, Государственный кредитъ, 1872.

[2] См. *Wolowski*, Oresme et Copernic. p. XXVII: «L'épuisement des finances.... amenait sans cesse l'altération des espèces, en faisant tantôt affaiblir et tantôt accroitre le titre des monnaies, suivant que la couronne avait en vue la dépense ou la recette».

[3] См. *Marx*, Zur Kritik, «Theorien der Masseinheit des Geldes».

опять не всплыла наружу, хотя и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ. Въ упомянутой уже выше работѣ, Лавеле, какъ это ни невѣроятно, очень близко подходитъ къ этой отжившей теоріи. Отличая цѣну отъ стоимости драгоцѣнныхъ металловъ на томъ основаніи, что «the market price of gold» есть выраженіе, постоянно употребляемое, особенно въ Англіи, онъ доказываетъ, что цѣна драгоцѣнныхъ металловъ опредѣляется монетнымъ дворомъ (is determined by the Mints). Прежде всего, необходимо помнить, что цѣна драгоцѣнныхъ металловъ вещь весьма условная. Можно говорить лишь о цѣнѣ золота на серебро и цѣнѣ серебра на золото[1]. Притомъ, выраженія эти — чисто случайныя и никого не должны вводить въ заблужденіе. На примѣрѣ самого Лавеле легко убѣдиться, что это далеко не простой споръ о словахъ. Очевидно, что когда онъ говоритъ о покупкѣ монетнымъ дворомъ золота по цѣнѣ 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п. за унцію, то здѣсь дѣло идетъ объ установленной закономъ денежной единицѣ и — только. Покупщикомъ металла является въ данномъ случаѣ не монетный дворъ, а тотъ, кто представляетъ металлъ къ чекану. При всей сбивчивости и запутанности всегда отчетливой аргументаціи автора, до очевидности ясно, что pro domo sua у него нѣтъ различія между цѣной и стоимостью драгоцѣнныхъ металловъ, когда онъ утверждаетъ, что уменьшеніе издержекъ производства, случившееся будто бы послѣ открытія калифорнійскихъ рудниковъ, не могло понизить цѣны золота, такъ-какъ англійскій банкъ не переставалъ выдавать за унцію его тѣ-же 3 ф. 17 ш. $10^1/_2$ п. Защи-

---

[1] См. *Tooke*'s, History. I v. p. 122: «In a perfect state of the coin, provided the exportation and melting of it be allowed, there cannot, it is evident, be an excess in the market price above the mint price of the metal, as measured in coin».

щая вмѣстѣ съ тѣмъ и теорію спроса и предложенія и считая спросъ на деньги безграничнымъ, Лавеле снова совершаетъ крупный логическій промахъ, благодаря полной несостоятельности излюбленнаго имъ базарнаго термина «цѣна денегъ». Если спросъ на деньги безграниченъ, то стоимость ихъ въ такомъ случаѣ тоже должна быть безконечно велика, а это вѣдь и есть reductio ad absurdum[1].

Едва-ли не наиболѣе распространена среди ученыхъ и практиковъ количественная теорія стоимости денегъ. Теряясь во мракѣ временъ[2], она съ особенною силой выступила на сцену въ началѣ XVIII ст., и вотъ въ исходѣ XIX еще далека отъ старческой немочи. Вандерлинтъ въ сочиненіи «Money answers all things», заглавіе котораго пластически выражаетъ основную идею всего ученія («деньги отвѣчаютъ всѣмъ вещамъ»), Юмъ, Локкъ и Монтескье признаютъ деньги только знакомъ стоимости, лишеннымъ внутренней реальной стоимости. «The intrinsic value, regarded in these metals (т. е. въ золотѣ и серебрѣ), говоритъ Локкъ, is nothing but quantity». Никакихъ доказательствъ никогда не приводили въ защиту этой теоріи; она просто дедуцировалась изъ закона спроса и предложенія. И конечно, какъ выводъ изъ ложной посылки, количественная теорія ложна à priori безъ дальнѣйшихъ околичностей. И наоборотъ, доказанная несостоятельность ея будетъ служить косвеннымъ опроверженіемъ закона спроса и предложенія, принимаемаго въ его безусловномъ значеніи.

---

[1] См. Cont. Review, 1881 p. 908: «The free coinage of a monetary metal, at a price fixed by the Mint, constitutes an unlimited demand for that metal».

[2] Такъ, еще римскій юристъ Павелъ говоритъ о деньгахъ, что ихъ «usum dominiumque non tam ex substantia praebet, quam ex quantitate». Dig. XVIII.

Фактическій матеріалъ, на которомъ хотѣли обосновать эту теорію, весьма небогатъ. Весь онъ, можно сказать, сводится къ факту повышенія цѣнъ послѣ открытія Америки. Такъ-какъ открытіе послѣдней сопровождалось увеличеніемъ количества золота и серебра, а послѣ увеличенія золота и серебра послѣдовало общее повышеніе товарныхъ цѣнъ, то отсюда заключали, что увеличеніе количества денегъ уменьшаетъ ихъ стоимость, или что стоимость денегъ опредѣляется ихъ количествомъ. Очевидно, что это — обыкновенная логическая ошибка, извѣстная подъ именемъ «post hoc ergo propter hoc».

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что самый фактъ повышенія цѣнъ послѣ открытія американскихъ рудниковъ — во всякомъ случаѣ спорный, нуждается, кромѣ того, какъ сейчасъ увидимъ, въ значительныхъ оговоркахъ. Но если и принять его на-вѣру въ томъ видѣ, въ какомъ обыкновенно желаютъ его представить, то все же дѣло оспариваемой теоріи отъ этого ничуть не выигрываетъ. Прежде всего, болѣе чѣмъ вѣроятно, что увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ сопровождалось одновременнымъ уменьшеніемъ издержекъ производства ихъ, т. е. уменьшеніемъ затраченнаго на ихъ производство труда. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду общеизвѣстныхъ фактовъ грабежа или почти даровото пріобрѣтенія золота у туземцевъ Америки первыми пришлецами изъ Европы. Все найденное уже добытымъ золото перешло въ Европу за-даромъ[1]. Вновь открытые пріиски, по свидѣтельству историковъ, были неслыханной прежде производительности; т. е. добыча извѣстнаго количества металла стоила несравненно меньшаго труда. Особенно это можно сказать относительно рудниковъ Потози, открытыхъ въ 1546 году[2]. Повышеніе товарныхъ цѣнъ

[1] См. *W. Jacob*, Precious metals. Phil. 1832. p. 226 и сл.

[2] W. Jacob (l. c. p. 234) говоритъ о рудникахъ Cerro de Potosi: «the mountain was perforated on all sides, and the

можно было бы отнести на-счетъ увеличенія количества денегъ, если-бы предварительно удалось доказать, что стоимость послѣднихъ оставалась прежней[1]. Но этого мало; слѣдовало бы доказать еще, что и стоимость товаровъ, цѣна которыхъ повысилась, не принимала въ этомъ повышеніи самостоятельнаго участія, т. е. оставалась безъ перемѣны.

Что касается дѣйствительнаго повышенія цѣнъ послѣ 1492 года, то, по вычисленію Тука, въ первыя 80 лѣтъ, до 1570 г., общее повышеніе ихъ было очень незначительно, не смотря на то, что количество золота и серебра за это время почти удвоилось. Спустя 70 лѣтъ, съ 1570-го по 1640 г., товарныя цѣны повысились всего на 200%, тогда какъ количество драгоцѣнныхъ металловъ въ Европѣ и Америкѣ съ 1492 г. увеличилось на 600%[2]. Самъ Тукъ замѣчаетъ по этому поводу, что отвлеченная аргументація, доказывающая постоянную зависимость общаго состоянія цѣнъ отъ количества денегъ, есть выдающійся примѣръ ложности выводовъ, получаемыхъ отъ примѣненія геометрическаго метода изслѣдованія въ рѣшеніи политико-экономическихъ проблемъ[3]. Якобъ, считающій, впрочемъ, изслѣдованіе

---

produce in a few of the first years exceeded whatever has been recorded of the richest mines in the world»; см. также *Al. Humboldt*, Essai sur la Nouvelle Espagne, 1827, v. III.

[1] Tooke (History I v. p. 125) замѣчаетъ по этому поводу, что «of variations in the value of the standard itself there is no infallible criterion».

[2] См. *Tooke*'s History, VI v. p. 195—6. App. II, а также *Colwell*, Ways and Means of Payement, p. 558—565, гдѣ приведены изслѣдованія Ar. Young'a, послужившія основаніемъ вычисленіямъ Тука.

[3] Но такой взглядъ не предохранилъ Тука отъ подобныхъ же ошибокъ. Достаточно припомнить здѣсь его «Principle of

колебаній цѣнъ того времени «a far more Herculean task» (p. 241) и, подобно Туку, придерживающійся абсолютной теоріи спроса и предложенія (p. 257), утверждаетъ, что первоначальное увеличеніе количества денегъ произвело болѣе сильный эффектъ, а именно—въ четыре или пять разъ увеличившееся количество ихъ повысило и цѣны въ столько-же разъ; но въ послѣдующіе затѣмъ періоды увеличивавшееся количество денегъ оказывало значительно меньшее вліяніе (much less effect), такъ-какъ ему приходилось вліять на все бо́льшій и бо́льшій запасъ накопленныхъ уже денегъ[1]. Нечего и говорить, что приведенные

---

limitation» (I v. p. 121), соединенный, безспорно, съ количественною теоріей денегъ тѣсными узами родства и называемый имъ «the keystone to all reasoning on the subject of currency». Если денежное обращеніе, ограничивающееся исключительно золотомъ, равно 20 мил. ф. ст., изъ которыхъ каждый уменьшенъ на $^1/_{20}$ или на 5% своей стоимости, то, согласно «principle of limitation», при прочихъ равныхъ условіяхъ, товарныя цѣны останутся безъ перемѣны, такъ-какъ отношеніе количествъ товаровъ къ численному итогу денегъ (to the numerical amount of coin) останется прежнимъ. $^{19}/_{20}$ фунта въ монетѣ, in gold coin, будутъ въ такомъ случаѣ покупать на рынкѣ цѣлый фунтъ не чеканеннаго золота, a whole pound of uncoined gold. Хотя, какъ извѣстно, Тукъ въ 1 томѣ своей «Исторіи цѣнъ» началъ съ того, что̀ опровергъ, какъ и самъ сознается (IV v. p. XI, XII), въ 6-мъ, но pr. of limitation проводится имъ на протяженіи всего сочиненія. Въ передачѣ Asher'a, Gesch. und Best. der Preise (I B. S. 62) «pr. of lim.» совсѣмъ не различается отъ количественной теоріи денегъ.

[1] См. Jacob, l. c., «because they acted upon the larger portions which had previously been accumuladet». См. возраженія M. Chevalier (La Monnaie. III. v. p. 372—373) противъ Якоба.

результаты историческихъ изысканій далеко не доказываютъ непосредственной зависимости между движеніемъ цѣнъ и большими даже колебаніями въ количествѣ добываемыхъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Если-бы количествомъ денегъ опредѣлялась стоимость, то существующее отношеніе стоимости золота къ стоимости серебра, какъ 1 къ 15—16, должно бы измѣниться отношеніемъ 1 къ 30, согласно общепринятому вычисленію ихъ взаимныхъ количественныхъ отношеній до 1851 г.[1].

---

[1] По Гумбольдту, отношеніе это до 30 гг. настоящаго столѣтія равнялось 1 къ 45. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ оно оказывается невѣрнымъ. По Neumann-Spallart'y (Uebersichten, 1881 Jahrgang. S. 250—251), производство золота и серебра въ тысячахъ килограммовъ и милліонахъ марокъ равно:

Годы.	Золото	Серебро	Стоим. зол.	Стоим. сер.	Отн. кол. зол. къ сер.
1493—1850 . . .	4697.0 кгр.	149 508.0 кгр.	13 104.5 мар.	26 911.4 мар.	1 : 30.
1851—1881 . , .	5606.4 »	43.504.0 »	15.641.9 »	7 830.7 »	1 : 6.
Всего:					
1493—1881 .	10.303.4 »	193.012.0 »	28.746.4 »	34.742.1 »	1 : 19.

(См. The International monetary Conference of 1881. Cincinnati. p. 56—57).

Впрочемъ, Тарасенко-Отрѣшковъ (О золотѣ и серебрѣ, 1856, I ч.) вычисляетъ количества золота и серебра отъ сотворенія міра до 1855 года.

Золота 932.871 3/4 пуда и серебра 14.930.324 пуда, такъ что въ 15-ть разъ почти меньшее количество золота стоитъ почти въ 15-ть разъ дороже серебра. Зетбергъ (Faucher's Vierteljahrs. 1865. III B. S. 52) замѣчаетъ по поводу сочиненія Отрѣшкова: «die statistischen Angaben in diesem Werke sind meistens lediglich Konjecturen».

Отношеніе это не измѣнилось и послѣ 1851 года, когда количество добываемаго золота значительно увеличилось, и до 1863 г. напр. составляло по вѣсу среднимъ числомъ въ годъ $^1/_5$ часть добываемаго ежегодно серебра[1]. Съ 1800 по 1848 г. количество существовавшаго въ Европѣ и Америкѣ золота увеличилось на 58% и это увеличеніе осталось безъ вліянія на относительную стоимость золота къ серебру[2].

---

[1] *Soetbeer*, l. c., p. 51. Средняя годичная добыча серебра 2 мил. фунтовъ, и золота 400 тыс. фунтовъ.

[2] См. Tooke's History. VI v. p. 232.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общественно-потребительная стоимость денегъ. Количественный размѣръ денегъ, требуемый народнымъ хозяйствомъ. Поворотъ къ меркантилизму.

Опредѣливъ законъ стоимости денегъ, лежащій въ основаніи всѣхъ явленій денежнаго обращенія, мы увидимъ ниже, что дальнѣйшее его проявленіе въ области кредита и банковъ позволяетъ отчасти разсматривать эту область какъ простую эманацію, логическое развитіе этого закона. Но предварительно слѣдуетъ покончить, хотя-бы въ нѣсколькихъ словахъ, съ нѣкоторыми менѣе сложными вопросами, касающимися денегъ и, между прочимъ, съ ихъ монетною формой.

Какъ реакція противъ меркантилистическаго заблужденія, считавшаго деньги единственнымъ богатствомъ, установилось противоположное ученіе, что деньги только орудіе передвиженія богатства, неимѣющее никакой потребительной стоимости, что деньги не богатство. Смитъ и Дж.-Милль категорически высказались въ такомъ-же смыслѣ. Обыкновенно всѣ доводы въ защиту этого мнѣнія сводятся къ тому, что деньги не могутъ быть употребляемы въ пищу, что съ милліонами денегъ можно умереть съ голоду въ пустынѣ. Но въ такомъ случаѣ ни одинъ предметъ потребленія самъ по себѣ въ-отдѣльности не можетъ считаться богатствомъ. Имѣя хлѣбъ, человѣкъ уми-

раетъ безъ воды, имѣя то и другое, онъ умираетъ безъ одежды. Сравнивая деньги съ дорогой, рельсами, масломъ, которымъ смазываютъ колеса экипажа для уменьшенія тренія, тѣмъ самымъ признаютъ ихъ вещью годной для извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей, богатствомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и орудія труда, машины и т. д. Въ выраженіи деньги — товаръ заключается уже рѣшеніе этого вопроса, такъ-какъ товаромъ можетъ быть предметъ, имѣющій потребительную стоимость, а богатство есть сумма потребительныхъ стоимостей, хотя, однако, не всѣ потребительныя стоимости — товары.

Исправляя недосмотръ классической школы, не слѣдуетъ останавливаться на этомъ. Деньги не только товаръ, но и особенный товаръ, отличающійся специфическими качествами, весьма рѣзко выдѣляющими его изъ общей массы товаровъ и налагающими на него отличительный соціально-экономическій отпечатокъ. Конечно, рѣчь идетъ здѣсь не о потребительныхъ качествахъ, различныхъ для каждаго рода и вида товаровъ, а о чисто-экономическихъ. Въ экономическомъ отношеніи деньги противополагаются всѣмъ остальнымъ товарамъ.

Поворотъ къ меркантилизму въ этомъ отношеніи оправдывается весьма вѣскими соображеніями. Не говоря о томъ, что деньги представляютъ собою наисвободнѣйшую форму богатства, его матеріально-отвлеченную форму, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ необходимое условіе капиталистическаго режима. Деньги — первая и важнѣйшая форма проявленія капитала[1]; въ ней и чрезъ ея посредство онъ достигъ своего апогея, тѣхъ предѣловъ, дальше которыхъ ужъ некуда идти. Составляя одно изъ важнѣйшихъ средствъ капитализаціи и особенно сосредоточенія въ однѣхъ

[1] *Macleod*, Theory and Practice of Banking. II v. p. LIV. «It is true, that capital is not exactly synonymous with money; but money is its symbol and representative».

рукахъ «скандальныхъ богатствъ», деньги очень сильно способствовали развитію капиталистическаго строя производства и распредѣленія. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ послѣдній не имъ исключительно обязанъ своимъ существованіемъ. По своей идеѣ, деньги могли слѣдовать и иному историческому ходу развитія, если не предполагать провиденціальнаго предопредѣленія ихъ судьбы. Миссія, выпавшая на ихъ долю, обусловливалась, конечно, тѣми нравственно-правовыми и соціально-политическими принципами, какіе сопутствовали и сопутствуютъ по-нынѣ ея выполненію. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ очевидно, что деньги—не только богатство, но и капиталъ, и притомъ та форма его, въ которой онъ наиполнѣе отвѣчаетъ своему историческому назначенію[1]. Воплощая въ себѣ отвлеченный человѣческій трудъ, деньги служатъ наиудобнѣйшею формой, въ которой выливается

---

[1] Опредѣленіе капитала, какъ стоимости, участвующей въ производствѣ, не полно. Тутъ упущена очень важная сторона его характеристики — тенденція къ безграничному самовозрастанію, обязанная исключительно денежной его формѣ. Говоря о средневѣковомъ феодалѣ, Лассаль (System des erworb. Rechte) объясняетъ систему его экономической эксплуатаціи недостаткомъ средствъ капитализаціи. Пользовался феодалъ своими доходами въ натурѣ, потребляя ихъ немедленно или сохраняя для ближайшаго будущаго потребленія; но «er kann nicht sie (Genussmittel) weiter durch sich selbst vermehren lassen». Въ городской промышленности заработанный мастеромъ талеръ былъ мертвымъ талеромъ, «ein Thaler, der nicht heckt». Сообразно этому, Лассаль даетъ слѣдующее опредѣленіе капитала: «Das Arbeitsinstrument, welches selbständig geworden, und mit dem Arbeiter die Rollen vertauscht hat, den lebendigen Arbeiter zum todten Arbeitsinstrument herabgesetzt, und sich selbst, das todte Arbeitsinstrument zum lebendigen Zeugungsorgane entwickelt hat,— das ist das Capital». См. Capital und Arbeit. S. 203.

прибавочная стоимость. Въ-силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, сопряженныхъ съ соціально-политическими прерогативами, деньги являются не только орудіемъ или факторомъ производства капиталистическаго строя, но и его завѣтною цѣлью и постояннымъ стремленіемъ. Само собой понятно, что во многихъ случаяхъ деньги функціонируютъ и не въ роли капитала[1].

Если деньги — богатство, то, казалось бы, вопросъ объ абсолютномъ количествѣ ихъ, о пользѣ или вредѣ увеличенія или уменьшенія ихъ количества для народнаго хозяйства не долженъ бы представлять особенныхъ трудностей. Но это было бы такъ, если-бы законы хозяйственной жизни подчинялись указаніямъ разума, слѣдовали его предписаніямъ, а не являлись бы результатомъ борьбы и компромисса частныхъ некоординированныхъ интересовъ, слѣпою игрой случайныхъ обстоятельствъ. Не особенно трудно подъискать достаточныя основанія, найдти законъ причинности этихъ явленій. Но задача осложняется, когда принципіальное рѣшеніе вопроса, нуждающееся непремѣнно въ нравственномъ основаніи, какъ въ наивысшей санкціи, должно считаться съ существующимъ фактомъ, возведеннымъ въ принципъ, и вводить его въ цѣпь своихъ умозаключеній. Абсолютное увеличеніе богатствъ экономическихъ, стоющихъ труда, а не даровыхъ, безъ отношенія къ той или иной системѣ распредѣленія фактъ немыслимый, физически невозможный. О немъ, слѣдовательно, нечего и говорить.

Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія только такое пріумноженіе богатствъ можетъ считаться существеннымъ и желательнымъ, въ пользованіи которымъ принимаютъ одинаковое участіе всѣ и каждый, или большинство или хотя и меньшинство, но не во вредъ другимъ[2]. Распредѣлительный моментъ въ обсужденіи

---

[1] *Кауфманъ*, l. c. стр. 75 — 76.

[2] *Sismondi*, Nouv. principes I. 1819. I. v. p. 53: «Il n'y a accroissement de richesses qu'autant qu'il y a accroissement de jouissances nationales».

этого вопроса играетъ первостепенную роль. Кромѣ того, не менѣе важное значеніе имѣетъ общественно-потребительная стоимость богатствъ. Если частное хозяйство современнаго типа сосредоточиваетъ главнѣйшимъ образомъ свое вниманіе на стоимости мѣновой, то народное, на-оборотъ, на потребительной стоимости. Народное хозяйство имѣетъ цѣлью удовлетвореніе народныхъ нуждъ. Отсюда самъ собою слѣдуетъ принципъ соразмѣренія всѣхъ отраслей народнаго труда. Производство ненужныхъ или излишнихъ вещей, которыя не находятъ сбыта не только потому, что у большинства нѣтъ средствъ купить ихъ, а потому, что онѣ никому ненужны — явная потеря для народнаго хозяйства. Понятно, что рѣчь идетъ здѣсь не только о внутреннемъ, но и о внѣшнемъ сбытѣ, вывозѣ или отпускѣ за границу.

Примѣняя эту точку зрѣнія къ вопросу о необходимомъ для народнаго хозяйства количествѣ денегъ, легко замѣтить, что она должна претерпѣть развѣ только кажущееся измѣненіе. Общественно-потребительная стоимость денегъ во всѣхъ ихъ функціяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, такова, что практически, по крайней мѣрѣ, она не можетъ быть опредѣлена количественно. Нѣтъ того количественнаго предѣла, за которымъ можно было бы сказать — деньги теряютъ свою общественно-потребительную стоимость. Говоря другими словами, потребность въ деньгахъ практически безгранична. Это положеніе одинаково вѣрно какъ съ общественно-, такъ и съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Съ деньгами не можетъ случиться того, что называютъ экономисты запруженіемъ или пресыщеніемъ рынка (glut, over-production, over-trade). Ни индивидуальное, ни общественное хозяйство не знаютъ предѣловъ насыщенія деньгами[1]. Примѣръ Испаніи, ука-

---

[1] Въ этомъ отношеніи ядро меркантилистическаго ученія заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Зиберъ, «Теорія цѣнности Д. Рикардо», неудачно констатируетъ ошибку меркантилизма въ по-

зываемый иногда какъ доводъ пресыщенія рынка деньгами, пресыщенія, повергшаго страну въ нищету и причинившаго даже ея политическое паденіе (послѣ открытія Америки), едва-ли заслуживаетъ того, чтобы на немъ останавливаться[1]. Исторія, какъ извѣстно, указала болѣе существенныя причины внутренняго разложенія и застоя этой нѣкогда могущественной и сильной державы. Изъ фактовъ болѣе близкихъ къ намъ, о которыхъ имѣются вполнѣ достовѣрныя данныя, засвидѣтельствованныя такими авторитетными въ этомъ дѣлѣ лицами, какъ Тукъ и Ньюмарчъ, мы знаемъ, что открытіе калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ, сопровождавшееся громаднымъ увеличеніемъ количества драгоцѣнныхъ металловъ на всѣхъ европейскихъ рынкахъ, не только не произвело предсказываемаго катаклизма, но, напротивъ, отозвалось очень благопріятно на общемъ состояніи европейской промышленности и торговли.

Первымъ очевиднымъ послѣдствіемъ увеличенія количествъ денегъ послѣ 1850 г., было твердое пониженіе учетнаго и ссуднаго процентовъ, что, конечно, должно было уменьшить издержки производства, увеличивая, такимъ образомъ, барыши всѣхъ кредитующихся производителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое состояніе денежнаго рынка, пробуждая и усиливая предпринимательскую дѣятельность, увеличило спросъ на рабочія руки, спросъ на трудъ вообще[2].

реnесеніи частно-хозяйственнаго взгляда на деньги въ сферу народнаго хозяйства.

[1] *Macleod*, Banking, I. v. p. 66—67.

[2] См. Tooke-Newmarch, History, VI. v. Учетный процентъ съ 3% въ январѣ 1851 г. упалъ до 2% въ апрѣлѣ 1852 г. въ банкѣ Англіи и до 1½% на рынкѣ во все продолженіе 1852 года (p. 200). Такое-же вліяніе на экономическое положеніе Англіи имѣлъ и приливъ золота на ея денежный рынокъ

Экономическая литература не представляетъ сколько-нибудь серьезнаго случая, когда можно было бы констатировать, что переполненіе рынка деньгами дѣйствительно произвело замѣшательство, вызвало катастрофу въ томъ или другомъ народномъ хозяйствѣ. Принципъ хозяйственности, состоящій въ возможно полномъ удовлетвореніи общественныхъ потребностей возможно меньшею затратой общественнаго труда, не можетъ служить опроверженіемъ доказываемаго положенія, такъ-какъ возможно-полное удовлетвореніе общественной потребности въ деньгахъ достигается возможно большимъ количествомъ ихъ. Переполненіе каналовъ металлическаго обращенія—фактъ извѣстный въ учебникахъ, но не въ жизни. Даже въ исключительныхъ случаяхъ насильственнаго субсидированія денежнаго рынка такого переполненія не было[1]. Мы знаемъ только, что потребность въ средствахъ обра-

---

изъ Россіи въ 1843—45 г. Считая увеличеніе количества денегъ на $^1/_3$, Тукъ доказалъ, что цѣны повысились далеко не въ такой же мѣрѣ—«the range of general prices has not been influenced materially so far by these large additions to the metallic money», рабочая плата увеличилась въ 15—20% и избѣгнутъ вѣроятный кризисъ (p. 171—178). Во Франціи, по ихъ вычисленіямъ, результаты прилива денегъ были столь-же благопріятны Levasseur («La question de l'or», 1858) отрицаетъ пониженіе учетнаго процента во Франціи, хотя изъ приводимыхъ имъ данныхъ пониженіе это очевидно (p. 172—173). Деньги по его вычисленіямъ потеряли въ 1856 году 29% прежней своей стоимости (p. 192—193), а рабочая плата повысилась всего на 14%, слѣдовательно положеніе рабочихъ ухудшилось, «malgré l'augmentation de son salaire par la baisse des métaux précieux» (p. 224).

[1] Причина кризиса въ Германіи, вызваннаго 5-милліардною контрибуціей (см. *Glagau*, «Der Börsen- und Gründungs-Schwindel in Berlin», 1876), какъ и вообще причина всѣхъ дру-

щенія по-крайней-мѣрѣ въ странахъ, наиболѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи, далеко больше того запаса денегъ, какой обыкновенно имѣется въ нихъ. По вычисленіямъ Фулляртона, $^{9}/_{10}$ всѣхъ оборотовъ Великобританіи совершается безъ участія денегъ, хотя одновременно, несмотря на колоссальное развитіе кредита, количество денегъ въ ней увеличивается постоянно, изъ года въ годъ[1].

Хроническіе промышленные и торговые кризисы сопровождались дѣйствительно въ начальной стадіи своего развитія болѣе или менѣе очевиднымъ изобиліемъ металла на денежномъ рынкѣ, сравнительнымъ переполненіемъ банковыхъ резервовъ[2]. Но считать это иногда только сопутствующее обстоятельство дѣйствительною причиной кризиса, по меньшей мѣрѣ, наивно. Самъ Максъ Виртъ, насчитавшій такое множество причинъ кризиса, въ числѣ которыхъ на-равнѣ съ неурожаями, войной, революціей и

гихъ кризисовъ, кроется несравненно глубже. «Krisis, говоритъ Родбертусъ (Tübing, Zsft, 1878. S. 206) ist Missverhältniss der Kaufkraft zur Productivkraft, aber nie wie Say und Ricardo meinen, weil Mangel an Kaufkraft Mangel an Productivkraft sei, und auch nicht wie Malthus und Sismondi meinen, weil dle Productivkraft die Kaufkraft an sich überflügeln könne, sondern weil die Kaufkraft hinter der Productivkraft deshalb zurückbleibt, weil die Theilnahme an deren Resultaten nicht geregelt ist».

[1] См. *Кауфманъ*, l. c. стр. 98: Къ 1780 г. въ Англіи обращалось 26 мил. ф. ст., къ 1798 — 40 мил., къ 1844 г., по Ньюмарчу, обращалось всего 46 мил., а къ 1857 — 75 мил. Съ 1871 г., по Economist'у, общая сумма металлическаго обращенія возрасла до 103,6 милл., что даетъ за время отъ 1798 — 1871 гг., т. е. за 73 года, 159% увеличенія. Среднее годичное увеличеніе равняется, такимъ образомъ, $2^{1}/_{5}\%$.

[2] См. *Max. Wirth*, Geschichte der Handelskrisen. 1874.

ухудшеніемъ валюты фигурируютъ также открытіе новыхъ копей, металлическихъ и каменно-угольныхъ, изобрѣтенія, измѣненія въ путяхъ сообщенія, проложеніе желѣзныхъ дорогъ, прорытіе суэзскаго канала, соглашается, что «um die Diagnose der Krisen machen zu können muss man einen Blick auf das innere Getriebe des Processes der Gütererzeugung werfen »[1]. Во всякомъ случаѣ, начало кризиса, изобилующее деньгами, есть въ то-же время пора разцвѣта промышленности и торговли. Фактическая разработка условій кризиса не даетъ ни одного случая, когда можно было бы констатировать фактъ общественнаго вреда отъ изобилія денегъ.

За-то обратные случаи не могутъ подлежать спору. Даже поверхностное знакомство съ исторіей кризисовъ убѣждаетъ вполнѣ, что недостатокъ денегъ, истощеніе металлическаго обращенія не только симптомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое яркое, осязательное, такъ сказать, явленіе, въ которое легко укладывается само представленіе о кризисѣ, его ближайтая непосредственная причина, опредѣляющаяся, въ свою очередь, несоотвѣтствіемъ между производительною и покупательною силой рабочаго сословія[2].

Разсматривая спеціальныя условія большинства извѣстныхъ кризисовъ, торговыхъ и промышленныхъ, считающіяся обыкновенно породившими ихъ причинами, будетъ ли это желѣзнодорожная горячка, какъ въ Англіи въ 1836 г., неурожай 1847 г.,

---

[1] См. Handbuch des Bankwesens. 1874. S. 55. Die Krisen. S. 54 — 61.

[2] По вычисленію Флеровскаго («Положеніе рабочаго класса въ Россіи», 1869. стр. 12), ежедневное употребленіе одной рюмки вина всѣмъ населеніемъ Россіи увеличило бы размѣръ внутренней промышленности Россіи на сумму, равную всему ея ввозу, а ежедневное употребленіе $^1/_{18}$ ф. мяса — на сумму, равную всему отпуску хлѣбной торговли.

въ который Англія уплатила за ввезенный хлѣбъ до 900 мил. франковъ, всеобщій кризисъ 1857 г., приписываемый очень часто вновь открытымъ калифорнійскимъ и австралійскимъ рудникамъ[1], хлопчато-бумажный кризисъ въ Англіи 1866 года или вѣнскій крахъ 1873 г. во всѣхъ этихъ случаяхъ выставляемыя причины послужили, быть можетъ, поводомъ, внѣшнимъ импульсомъ къ чрезмѣрной спекуляціи или чрезмѣрному производству, но дѣйствительная ближайшая причина таилась собственно въ томъ, что, съ одной стороны, не кому было продать, а съ другой — не на что было купить[2].

---

[1] По докладу коммиссіи, разсматривавшей и обсуждавшей причины кризиса 1857—58 гг., въ числѣ послѣднихъ оказались еще болѣе интересныя, чѣмъ открытіе калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ, а именно: «An unprecedented extension of our foreign trade» и «A most remarkable development, of the economy afforded by the practice of banking for the use and distribution of capital». Report of the Banc Acts Committee. 1858. г. пар. 9.

[2] Лавеле (Marché monétaire) очень удачно обобщилъ внѣшнюю непосредственную причину кризисовъ въ усиленномъ вывозѣ монеты, вслѣдствіе неблагопріятнаго торговаго баланса. «Punch» очень мѣтко иллюстрируетъ положеніе дѣлъ въ Англіи въ 1847 году полнымъ отсутствіемъ денегъ даже для ежедневнаго обихода. Прикащикъ, спрошенный о цѣнѣ товара, отвѣчаетъ: «une cuiller et demie d'argent». Дама, ничего не имѣя въ кошелькѣ, говоритъ слугѣ: donnez moi donc mon panier d'argenterie». Проф. Гаттенбергеръ (Производительность торг. банк. кредита. 1870. стр. 136) считаетъ ошибкой Лавеле, что онъ общее выраженіе весьма многихъ причинъ — вывозъ денегъ принимаетъ за общую причину всѣхъ кризисовъ. Въ этомъ именно, намъ кажется, вся заслуга всей его работы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Монета. Неудобство и невыгоды монетной формы денегъ.

Съ вопросомъ о количествѣ денегъ, количествѣ, необходимомъ для народнаго хозяйства, логически связанъ вопросъ о возможномъ количествѣ денегъ (золота и серебра) вообще, о монетныхъ системахъ, о демонетизаціи и т. д.

Послѣ 1850 года, когда годичное производство золота достигло до 200 мил. рубл. сер. слишкомъ, Мишель Шевалье во Франціи, Кобденъ и Остенъ въ Англіи подняли вопросъ, надѣлавшій очень много шуму, о неизбѣжномъ запруженіи денежнаго рынка золотомъ[1]. Предсказанія эти, однако, не оправдались. Выше мы видѣли изъ тщательныхъ изслѣдованій Ньюмарча, какое вліяніе произвело новое золото на экономическое состояніе Англіи и Франціи.

Съ 1867 года добыча золота значительно сократилась, до 130 мил. рубл. ежегодно. Англійскій «Economist», а за нимъ Паттерсонъ, Беджготъ, Гиффенъ и другіе не менѣе извѣстные экономисты[2] принадлежатъ къ числу уцѣлѣвшихъ монометаллистовъ.

---

[1] *M. Chevalier*, La baisse probable de l'or, 1859.

[2] См. *R. Giffen*, Essays in Finance, 1880: «The depreciation of Gold since 1848». «The case against bimetallism», «Notes on the depreciation of silver».

Со времени монетной реформы 1871—1872 гг., замѣнившей въ Германіи серебро золотомъ, а также все болѣе и болѣе увеличивающагося отлива золота изъ Европы въ Америку, достигшаго въ 1878—1881 гг. до 100 мил. рубл. ежегодно, доводы Economist'a, съ каждымъ днемъ становясь очевиднѣе, вызвали цѣлый рядъ монетныхъ конференцій[1], которыя, впрочемъ, не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ и не прекратили «den Kampf um die Währung».

Если-бы золото и серебро, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, значительно пали въ своей стоимости, т. е. если-бы производство ихъ стало требовать значительно меньшаго труда, то, по всему вѣроятію, они потеряли бы одно изъ важнѣйшихъ качествъ, дѣлающихъ ихъ пригодными для роли денегъ — содержать въ маломъ объемѣ большую стоимость.

Но есть серьезныя основанія считать такое предположеніе мало вѣроятнымъ, если не совсѣмъ неправдоподобнымъ. Обстоятельная работа Зюсса, «Die Zukunft des Goldes», 1877, основываясь на геологическихъ изысканіяхъ, доказываетъ полную несостоятельность высказанныхъ по этому поводу опасеній, въ томъ числѣ и М. Шевалье, отъ которыхъ онъ неотказался и въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія «La Monnaie» 1866 г. (pp. 734—760). Доказательство Зюсса основывается на томъ соображеніи, что золото, удѣльный вѣсъ котораго равняется 19.253, принадлежитъ къ группѣ наиболѣе тяжелыхъ металловъ (иридій, платина, серебро). А потому, по закону всеобщаго тяготѣнія, золото, въ періодъ образованія земной коры, должно было помѣститься ближе къ центру земли, и по всему вѣроятію на болѣе или менѣе значительной глубинѣ, въ нѣдрахъ земли, его несрав-

---

[1] Американская монетная коммиссія 1877 г., американская монетная конференція 1878 г. въ Парижѣ и международная монетная конференція въ Парижѣ 1881 года.

ненно больше, чѣмъ на поверхности или въ верхнихъ слояхъ ея, куда оно могло попасть совершенно случайно, вслѣдствіе земныхъ переворотовъ. А разъ это такъ, то слѣдуетъ ожидать, что производство золота будетъ уменьшаться все больше и больше, пока, наконецъ, современемъ добыча его не сократится до-того, что его не будетъ хватать для нуждъ денежнаго обращенія, на что уже указываютъ и теперь очень многіе [1]. Удѣльный вѣсъ серебра значительно ниже — 10,47, но, тѣмъ не менѣе, достаточно высокъ, чтобы не опасаться чрезмѣрнаго паденія его стоимости.

Хотя золото и серебро обращаются и въ слиткахъ, особенно въ международныхъ оборотахъ, но обыкновенная форма ихъ обращенія — монетная. «Bullion, сказалъ Ад. Смитъ, is the money of the great mercantile commonwealth». Монетная форма денегъ вытекаетъ непосредственно изъ функціи обращенія ихъ. Извѣстная опредѣленная стоимость заключается всегда въ соотвѣтственномъ количествѣ металла опредѣленной пробы. Опредѣленіе монетнаго масштаба, т. е. вѣса и пробы, poids et titre, для денежной единицы извѣстнаго наименованія, форма чекана, словомъ — все монетное дѣло вѣдается обыкновенно правительствомъ. Устанавливая денежную единицу (legal tender, étalon) для измѣренія стоимостей и объединенія счета, правительственная власть исполняетъ чисто формальную, внѣшнюю сторону дѣла. Монета, по вѣрному опредѣленію М. Шевалье, есть тотъ-же слитокъ металла, котораго вѣсъ и проба засвидѣтельствованы общественною властью [2]. Чеканъ, проба, вѣсъ и проч. все это — область техники монетнаго дѣла. Въ-виду интересовъ международнаго общенія, можно, пожалуй, согласиться, что присоединеніе «къ латинскому монетному союзу», какъ и вообще переходъ къ метрической и децимальной системѣ, весьма желателенъ.

---

[1] См. *Em. de-Laveleye*, «The Future of Gold», 1881.

[2] См. La Monnaie, p. 39: «Les pièces de monnaie sont des lingots dont le poids et le titre sont certifiés».

Функція измѣренія, а отчасти и обращенія не требуютъ, какъ мы знаемъ, матеріальнаго участія денегъ, что доказывается не только обращеніемъ потертыхъ и испорченныхъ монетъ, а и другими болѣе вѣскими фактами[1].

Извѣстно, что въ важнѣйшихъ торговыхъ центрахъ, какъ въ Амстердамѣ, Гамбургѣ, Венеціи и Генуѣ, существовала счетная монета, «la monnaie de compte», носившая различныя названія (марко-банко въ Гамбургѣ) и которая, однако, никогда не чеканилась. Фиктивная, но опредѣленнаго вѣса и пробы, она, тѣмъ не менѣе, отлично исполняла предназначенную ей роль. Доставленная въ банкъ масса металла, какого бы то ни было чекана или просто въ слиткахъ, дѣлилась на счетную единицу и частное показывало ея дѣйствительную стоимость[2]. Кромѣ того, цѣлый рядъ кредитныхъ оборотовъ совершался и совершается безъ всякаго участія монеты in substantia. Обращеніе монетъ, дѣйствительная стоимость которыхъ ниже номинальной, доказываетъ, въ свою очередь, что и въ незначительныхъ оборотахъ монета обращается тоже какъ жетонъ, какъ простой знакъ стоимости, а потому можетъ и должна быть вытѣснена съ пользою ничего нестоющими суррогатами денегъ. Соображеніе это важно потому, что и въ крупныхъ оборотахъ монета, т. е. деньги въ монетной формѣ, теряетъ свое прежнее значеніе и въ скоромъ времени, можно надѣяться, совсѣмъ его потеряетъ. Зная, какъ безуспѣшны всѣ средства противъ естественной порчи монеты, отъ тренія, и умышленной — отъ обрѣзыванія, легко понять, почему слиточная форма денегъ удержалась на-ряду съ монетной. Облегченіе счета, при условіи замѣны денегъ суррогатами въ мелкихъ оборотахъ, едва-ли достигается монетою. Въ крупныхъ сдѣлкахъ, при большихъ полученіяхъ, приходится прибѣгать къ взвѣшиванію

[1] Мистическая теорія о «money of account» есть слѣдствіе непониманія этого факта.

[2] *M. Chevalier*, l. c., pp. 292—293.

денегъ, что̀ равносильно, конечно, совершенному пренебреженію ихъ монетною формой. Банкъ Англіи, да и вообще большіе банки съ давнихъ поръ взвѣшиваютъ монету при ея полученіи и выдачѣ. Съ 1844 г. введена банкомъ Англіи особая усовершенствованная система взвѣшиванія, позволяющая при шести машинахъ взвѣшивать въ одинъ день отъ 60 до 70.000 штукъ монеты, причемъ негодныя, неполновѣсныя монеты отбрасываются въ-сторону, помѣченныя или перерѣзанныя на двѣ части, и банкъ требуетъ по нимъ соотвѣтственной доплаты. Нидерландскій банкъ, во избѣжаніе пріема неполновѣсной монеты, прибѣгъ къ выпуску монетныхъ билетовъ, billet-monnaie. Закономъ опредѣляется срокъ обращенія монеты, въ продолженіи котораго курсъ ея считается обязательнымъ, принудительнымъ. Сверхсрочная монета принудительнаго курса не имѣетъ. Никто не обязанъ принимать ее въ уплату; она выходитъ изъ обращенія. Ей остается, въ такомъ случаѣ, направиться въ банкъ и, доплативъ недостающую сумму, обмѣняться на монетные билеты. Изъ банка она должна обязательно снова попасть на монетный дворъ. Монетные билеты уничтожаются по мѣрѣ выпуска монеты новаго чекана [1].

Всѣ эти манипуляціи наталкиваютъ на мысль, что монетная форма денегъ не совсѣмъ удобна и что лучше было бы ее совсѣмъ оставить, предпочитая деньги въ слиткахъ деньгамъ въ монетѣ. Неговоря объ умышленной порчѣ монеты и частой переплавкѣ ея, издержки чекана правительственнаго или частныхъ лицъ, пропажа монеты и ея изнашиваніе, потеря процентовъ на сумму ненужно обращающихся въ данное время монетъ — все это составляетъ довольно значительную потерю для народнаго хозяйства. По вычисленіямъ Курсель-Сенеля [2], болѣе распространенное употребленіе чековъ въ Парижѣ дало бы 17½ мил. фр. сбереженія по всѣмъ этимъ статьямъ расхода. Пола-

[1] *M. Chevalier*, l. c. p. 281.

[2] Journal des économistes, 2 sér. 43 v. p. 211.

гая всю сумму обращающихся въ Англіи монетъ въ 131½ мил. ф. ст., Джевонсъ[1] вычисляетъ ежегодную потерю по тѣмъ-же статьямъ въ 4.352.000 ф. ст. Н. Спаллярть[2], высчитывая во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ запасъ золотой монеты въ 4,720.000 кгр., а серебряной въ 46.700.000 кгр., опредѣляетъ ежегодную потерю черезъ треніе и мелкія потери для золота въ 940 кгр. и для серебра 46.000 кгр. Или, другими словами, металлическое обращеніе обходится цивилизованному міру въ 11 мил. марокъ ежегодно, которыя пропадаютъ совершенно безслѣдно, разсѣеваясь въ пространствѣ въ-видѣ пыли или оставаясь на пальцахъ милліоновъ рукъ. Единственное и едва-ли соединенное съ какими-нибудь неудобствами средство противъ такой значительной непроизводительной потери — замѣна монеты слитками и бумажными ея представителями, размѣнными, конечно, по предъявленію въ суммѣ, не меньшей стоимости слитка[3]. Нѣсколько приблизилась къ этой идеѣ монетная конференція въ Парижѣ 1872 г., высказавшись за вѣсовое обозначеніе монетъ: « système du gramme d'or »[4].

---

[1] См. Geld und Geldverkehr. S. 168—169.

[2] См. Uebersichten, 1880. S. 275.

[3] См. *Colwell*, The Ways and Means of Payment, 1859. Phil. p. 134—5: «Coins are only required in the retail trade. In large transactions ingots are more convenient than coin, because weighing is less troublesome than counting; because there is less danger of counterfeits; and because there is no complication between the legal and the market price». «This being arranged, both gold and silver, in bars assayed and stamped at the mint, should be a legal tender, at the market price, in payment of all debts».

[4] См. Enquête sur la question monétaire, Paris, 1872. II v. p. 391 и сл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Монетныя системы.

1. Монометаллизмъ. Биметаллизмъ. Геологическая теорія Зюсса. Система фактическаго биметаллизма при условіи соглашенія первостепенныхъ государствъ.
2. Состояніе денежнаго рынка въ Европѣ и сѣвер. Америкѣ. Соед. Штаты. Австро-Венгрія. Италія. Германія.
3. Размѣнная или билонная монета.
4. Вексельный курсъ.

1.

Исторія монетнаго дѣла въ Европѣ, поучительнѣйшая въ соціально-политическомъ отношеніи, въ экономическомъ не представляетъ особеннаго интереса. Правительствамъ удавалось очень часто измѣнять денежную единицу, ухудшать монету и даже поддѣлывать ее, нанося этимъ громадный вредъ своимъ подданнымъ; но власть ихъ была безсильна измѣнять по произволу дѣйствительную стоимость металла.

Важнѣе вопросъ о денежныхъ системахъ, практическое рѣшеніе котораго поставлено теперь на очередь. Особенно важенъ этотъ вопросъ для насъ. Возможно обстоятельное выясненіе его до возстановленія металлической валюты, что, конечно, составляетъ лишь вопросъ времени, даетъ возможность свободнаго выбора лучшей системы безъ всякихъ жертвъ, соединенныхъ обыкновенно съ ея перемѣной [1], такъ-какъ фактически введеніе новой системы не будетъ у насъ въ то-же время перемѣною старой.

---

[1] *Hertzka*, Währung und Handel, 1876. II B. v. cap.: «Schwierigkeiten des Währungswechsels».

Не смотря на обширную литературную разработку, мнѣнія, высказываемыя относительно годности или предпочтительности той или другой денежной системы, до-того разнообразны, что трудно разсчитывать на ихъ примиреніе. Джевонсъ считаетъ этотъ вопросъ недопускающимъ точнаго, категорическаго рѣшенія, essentialy an indeterminate problem, такъ-какъ въ составъ его входятъ величины совершенно неизвѣстныя. Неизвѣстенъ, говоритъ онъ, ни размѣръ спроса на металлъ, зависящій отъ общаго движенія промышленности, а также и отъ денежной политики другихъ государствъ, а главное, неизвѣстно будущее его предложеніе the future supplies are matter of doubt[1].

Предварительное рѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ, признанныхъ Джевонсомъ недопускающими рѣшенія, должно лечь въ основу разсматриваемаго вопроса о денежныхъ системахъ. Это его короллярій. И если дѣйствительно невозможно опредѣлить количественно, числомъ и мѣрой размѣры будущаго спроса и предложенія драгоцѣнныхъ металловъ, то совсѣмъ не трудно опредѣлить ихъ общее движеніе, тенденцію спроса и предложенія, предполагая, конечно, однѣ и тѣ-же хозяйственныя условія народной жизни.

Уже выше констатированъ фактъ постояннаго увеличенія количества металлическихъ денегъ въ Англіи, гдѣ, казалось бы, развитіе кредитной и банковой системъ давало бы право ожидать противнаго. То-же самое можно сказать и относительно другихъ странъ, не приводя даже статистическихъ выкладокъ. Ежегодный процентъ наращенія металлическаго запаса (3%) служитъ тому очевиднымъ доказательствомъ. Потребность всѣхъ видовъ хозяйствъ въ деньгахъ не можетъ подлежать практическому ограниченію; нѣтъ экономическихъ основаній для такого ограниченія. Все бо́льшее и бо́льшее развитіе кредитныхъ средствъ

[1] Contemp. Review, 1881. May, p. 750.

обращенія потребуетъ все бо́льшаго и бо́льшаго металлическаго запаса для разрѣшенія кредитныхъ операцій. Не каждая кредитная сдѣлка требуетъ наличности; многія изъ нихъ покрываются взаимно, погашаются безъ всякаго участія денегъ, балансируются. Но бо́льшая по размѣрамъ ликвидація кредитныхъ операцій требуетъ обыкновенно и бо́льшаго размѣра денегъ, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ[1]. При томъ и самый размѣръ кредита зависитъ въ значительной степени отъ размѣра денегъ[2]. Необходимость конвертированія кредитныхъ знаковъ въ металлъ можетъ оспариваться развѣ сторонниками системы Дж. Ло. Стоимость кредитныхъ цѣнностей — стоимость права; самостоятельной стоимости онѣ не имѣютъ. Этимъ только и можно объяснить, почему, несмотря на колоссальное развитіе кредитныхъ орудій обращенія, увеличивается, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорого стоющій запасъ денегъ. Слѣдовательно, тенденція спроса на драгоцѣнный металлъ можетъ быть опредѣлена съ необходимою для даннаго случая точностью. Она выражается въ постоянномъ его увеличеніи по мѣрѣ экономическаго развитія страны; вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, торговли, кредита и банковъ, спросъ на драгоцѣнный металлъ усиливается непремѣнно, хотя и неизвѣстно въ какомъ именно отношеніи. Этому выводу ничуть не противорѣчитъ, конечно, фактъ меньшаго отношенія денегъ къ общей суммѣ богатствъ въ болѣе богатыхъ странахъ, а также и къ общей суммѣ всѣхъ оборотовъ ихъ. Объясняется этотъ фактъ различной степенью скорости обращенія денегъ и большимъ развитіемъ бумажно-кредитныхъ замѣстителей ихъ[3].

---

[1] *Гамбаровъ*, Банковый актъ 1844 г., 1875. стр. 15—16.

[2] *Macleod*, Banking, II. v. p. 365—366. «Bullion is the only true regulator of the amount of paper currency».

[3] Max Wirth (Gesch. der Handelskrisen) даетъ слѣдующую схему этихъ отношеній:

Что касается возможнаго предложенія благородныхъ металловъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, вѣроятныхъ результатовъ дальнѣйшей разработки уже извѣстныхъ рудниковъ и вѣроятнаго открытія новыхъ, то само собой понятно, что всѣ эти вопросы, какъ чисто геологическіе, не могутъ подлежать компетенціи экономистовъ.

Въ этомъ отношеніи постановка разсматриваемаго вопроса на геологическую почву, сдѣланная недавно Зюссомъ (1877) и значительно ранѣе Тарасенко-Отрѣшковымъ (1856), заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Обстоятельныя геолого-статистическія изслѣдованія приводятъ Зюсса, какъ мы видѣли, къ выводу, что добыча золота должна уменьшаться и уже теперь уменьшается съ каждымъ годомъ, и что, слѣдовательно, предложеніе его, по всему вѣроятію, будетъ становиться все меньше и меньше.

Относительно серебра Зюссъ придерживается противоположнаго мнѣнія[1]. Но едва-ли можно согласиться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Удѣльный вѣсъ серебра позволяетъ въ извѣстной мѣ-

---

Общая сумма денегъ составляетъ—

	общей суммы богатствъ:	общей суммы оборотовъ:
Въ Англіи.	1%	5%
— Германіи.	2%	10%
— Голл., Швейц. и Бельгіи	2%	10%
— Франціи	5%	15%.

[1] *Suess*, Die Zukunft des Goldes, S. 362. Безграничное обезцѣненіе серебра предсказывалось еще St. Clair Duport'омъ, къ которому и примкнулъ Зюссъ: «Mann kennt aber den Zeitpunkt nicht, in welchem der Silberzufluss sich in so hohem Grade mehren wird, auch nicht den des definitiven Rückganges der Goldproduction. Aller Wahrscheinlichkeit nach liegt uns der erstere noch näher».

рѣ примѣнить къ нему всѣ соображенія о будущемъ производствѣ золота. И если есть основаніе предполагать постоянное ухудшеніе условій производства золота, то, съ другой стороны, нѣтъ основаній предполагать, что будущій размѣръ предложенія серебра, по-скольку онъ зависитъ отъ условій производства, достигнетъ того предѣла, который могъ бы угрожать серебру демонетизаціей. Мнѣніе Зюсса основывается, главнымъ образомъ, на фактѣ возрастанія ежегодной добычи серебра за послѣднее время, которому онъ отводитъ значительное, чуть-ли не первое мѣсто въ ряду причинъ, повліявшихъ на обезцѣненіе серебра, обнаружившееся при первыхъ попыткахъ Германіи ввести у себя золотую валюту. Но если-бы и удалось доказать паденіе стоимости серебра[1], то этимъ далеко еще не рѣшается вопросъ о тенденціи будущаго его предложенія въ смыслѣ Зюсса, отступившаго въ данномъ случаѣ отъ единственнаго возможнаго здѣсь геологическаго основанія[2].

Какъ бы ни были шатки и гадательны сейчасъ приведенныя основанія, послужившія къ предвидѣнію будущаго спроса и пред-

---

[1] См. ниже стр. 165.

[2] Депреціація серебра не доказываетъ еще паденія стоимости его. Patterson («Journal of statistical society», 1880. March), основываясь на изслѣдованіи таблицъ цѣнъ Economist'a и на данныхъ американской коммиссіи 1876 г., отрицаетъ паденіе стоимости серебра, полагая, что въ данномъ случаѣ «the wish was father to the thought». Точно такъ-же обезцѣненіе серебра не даетъ еще права дѣлать заключеніе о будущей стоимости его. «In point of fact all standards do change in value from period to period». «Gold itself has undergone extensive changes during the present century. The present fluctuation in silver does not go beyond the limits of an ordinary change caused by the varying state of credit». См. *Giffen*, «Depreciation of silver» въ Essays. p. 200.

ложенія драгоцѣнныхъ металловъ, тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ чего-нибудь лучшаго, они необходимо должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса о золотой или серебряной валютѣ и возможной комбинаціи ихъ — вопроса о монетныхъ системахъ.

Изъ существующихъ монетныхъ системъ извѣстны три: золотая (Goldwährung), серебряная (Silberwährung) и двойная (Doppelwährung, double étalon), когда одновременно обращаются золото и серебро, какъ совершенно равноправныя и одинаково законныя денежныя единицы[1]. Кромѣ существующихъ, есть еще и предлагаемыя системы, число которыхъ сильно увеличилось въ послѣднее время. Такъ, кромѣ монометаллизма и биметаллизма, Крессеръ предложилъ на послѣдней монетной конференціи — дуометаллизмъ[2]. Чернуски совѣтовалъ слить золото и серебро вмѣстѣ и изъ называемой имъ смѣси «electron» чеканить монету, стоимость которой, по его мнѣнію, будетъ значительно устойчивѣе. Тернеръ предложилъ биметаллизмъ съ золотою денежною единицей — «bimetallisme à étalon unique d'or».

Основная идея денегъ, идея измѣренія стоимостей, требуетъ возможнаго постоянства, возможной устойчивости денежной единицы. И золото и серебро, избранныя чуть-ли не съ первыхъ дней исторической жизни, оказались наиболѣе пригодными для

---

[1] Первая господствуетъ въ Англіи, Германіи, Даніи, Голландіи, Португаліи, Швеціи и Норвегіи; вторая — въ Россіи, Австріи, Сербіи, Индіи, Китаѣ и Сіамѣ; третья — во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Швейцаріи, Греціи, Румыніи, Турціи, Финляндіи, въ соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, въ Персіи и Японіи.

[2] Le droit d'option de la valeur métallique de la monnaie, la liberté de stipulation et d'agio. — См. Journal des économistes. 1882. Janvier «L'or et l'argent».

этой цѣли. Но оба эти металла далеко непостоянны въ своей стоимости. Стоимость ихъ колеблется безпрерывно, хотя и значительно слабѣе стоимости всѣхъ остальныхъ произведеній человѣческаго труда. Колебанія эти болѣе сильны и менѣе часты во времени и, на-оборотъ, болѣе часты и менѣе сильны въ пространствѣ. Послѣднее обстоятельство очень часто забываютъ, доказывая, что одновременное обращеніе золота и серебра, учащая колебанія стоимости ихъ, въ то-же время, уменьшаетъ размѣры этихъ колебаній, дѣлаетъ ихъ менѣе сильными, менѣе замѣтными [1]. Двойную монетную систему нельзя поэтому считать парашютомъ, уравнительнымъ маятникомъ колебаній стоимости денежной единицы, какъ думали за-долго до Воловскаго Ад. Мюллеръ и Сисмонди. И безъ-того частыя и очень незначительныя колебанія она учащаетъ еще болѣе и едва-ли уменьшаетъ размѣръ ихъ до практически замѣтныхъ результатовъ. Считая, такимъ образомъ, этотъ наиболѣе вѣскій аргументъ со стороны защитниковъ биме-

---

[1] Повышеніе стоимости золота увеличиваетъ спросъ на серебро для цѣлей болѣе дешевой уплаты, и на-оборотъ—повышеніе серебра увеличиваетъ для той-же цѣли спросъ на золото, такъ что вздорожаніе одного изъ металловъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ причина его немедленнаго удешевленія, и на-оборотъ. См. *Wolowski*, L'or et l'argent, 1870, p. 49: «Ce qui serait plus vrai, ce serait de dire qu'avec les deux métaux les variations peuvent être plus frequentes, mais qu'elles se trouvent forcément beaucoup plus faibles on se rapprochant d'une stabilité parfaite autant que la possibilité matérielle le permet, tandis qu'avec un seul métal les écarts deviendraient peut-être un peu plus rares, mais ils se produiraient d'une façon plus vive, en risquant d'altérer l'expression des transactions conclues pour un terme quelque peu éloigné. La stabilité des engagements ne pourrait qu'y perdre». См. Enquête—1872. I. v. Wolowski.

таллизма совсѣмъ неудачнымъ, должно признать, что монометаллизмъ предпочтительнѣе въ отношеніи большей устойчивости денежной единицы. Колебаній, при одномъ металлѣ, меньше на сумму колебаній другого металла. И въ этомъ — важнѣйшее преимущество монометаллизма, на которое указывали еще Петти, Локкъ и лордъ Ливерпуль[1].

Другое не менѣе важное преимущество однометаллизма, на которое впервые указалъ Л. Ливерпуль въ своемъ извѣстномъ сочиненіи — «The Coins of the Realm», 1805, состоитъ въ томъ экономическомъ явленіи, которое извѣстно подъ именемъ закона Гришама, Gresham law, law of alternation. Въ-силу этого основного закона денежнаго обращенія, потертая, обезцѣненная, болѣе дешевая монета вытѣсняетъ изъ обращенія монету полновѣсную, болѣе дорогую[2]. Въ его основаніи лежитъ большая посылка всѣхъ экономическихъ умозаключеній, опредѣляющаяся руководящимъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности человѣка — взять возможно больше и дать возможно меньше. Будучи въ состояніи произвести уплату депреціировавшеюся монетой, никто не захочетъ лишать себя этой выгоды. Поднявшійся въ цѣнѣ металлъ исчезнетъ изъ обращенія и направится за-границу или къ плавильному тиглю. Въ Англіи, наприм., до перечеканки сильно испорченной монеты 1774 г. (the great recoinage), выходившая изъ чекана монета тотчасъ-же исчезала и ее не видѣли болѣе въ обращеніи. То-же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, когда отношеніе стоимости двухъ металловъ, устанавливаемое закономъ, ниже или выше, не

---

[1] Джевонсъ изображаетъ компенсацію колебаній стоимости діаграммой, которая до-того понравилась Лавеле, что онъ считаетъ ее доказательствомъ, which defies all dispute.

[2] *Macleod*, Elements, p. 476: «The good and bad money cannot circulate together». *St. Jevons*, Geld und Geldverkehr, S. 83—84: «Schlechtes Geld vertreibt gutes Geld».

совпадаетъ, однимъ словомъ, съ отношеніемъ, устанавливающимся на рынкѣ, или когда приняты различныя отношенія въ различныхъ государствахъ. Металлъ будетъ притекать къ той странѣ, въ которой его оцѣнка выше. Отношеніе между золотомъ и серебромъ во Франціи по закону 1785 г. равняется 1 : 15,5; въ соединенныхъ Штатахъ С. Америки отношеніе это по закону 1786 г. равнялось 1 : 15, а по закону 1834 г. оно измѣнено въ отношеніе 1 : 16, какимъ остается и по настоящее время. Вслѣдствіе чего въ Соединенныхъ Штатахъ до 1834 г. значительно преобладало серебро, а послѣ этого года и теперь преобладаетъ золото. Слѣдовательно, въ-силу закона Грешама, не только не могутъ существовать одновременно двѣ биметаллическія системы съ различнымъ опредѣленіемъ отношеній стоимости между золотомъ и серебромъ, но не можетъ существовать и одной биметаллической системы съ постояннымъ законнымъ опредѣленіемъ отношенія, такъ-какъ послѣднее будетъ постоянно отступать отъ рыночнаго и, смотря потому, въ чью пользу окажется это отступленіе, въ обращеніи останется или одно золото или одно серебро. Фактически, такимъ образомъ, биметаллизмъ съ фиксированнымъ отношеніемъ стоимости двухъ металловъ невозможенъ, и тамъ, гдѣ онъ установленъ закономъ, существуетъ на самомъ дѣлѣ не двуметаллическая, а перемѣнно-металлическая система, Alternativwährung вмѣсто Doppelwährung[1].

---

[1] Биметаллисты считаютъ необходимымъ опровергнуть существованіе этого факта, несогласное будто-бы съ основнымъ принципомъ ихъ ученія. На послѣдней монетной конференціи въ Парижѣ Dana Harton въ доказательство одновременнаго обращенія золота и серебра во Франціи съ 1726 по 1785 годъ вздумалъ было сослаться на Колонна и Годена, утверждавшихъ, что «in the 50 years that followed 1726, France enjoyed a simultaneous and sufficient circulation of both gold and silver». См. Intern. monét. conférence 1881, pp. 385 — 386.

Нѣкоторыя другія преимущества биметаллизма, выставляемыя его защитниками, такъ-же несостоятельны, какъ и сейчасъ разсмотрѣнныя. Джевонсъ указываетъ, наприм., какъ на фактъ, имѣющій серьезное значеніе въ данномъ вопросѣ, на болѣе равномѣрную по суммѣ стоимости добычу изъ года въ годъ двухъ металловъ вмѣстѣ, чѣмъ каждаго порознь. Не говоря о томъ, что теоретическое и практическое значеніе этого факта совсѣмъ невыяснено имъ, но и самый фактъ оказывается несуществующимъ. Приводимая Джевонсомъ таблица ежегоднаго производства золота и серебра и общей суммы ихъ стоимости съ 1849 по 1879 годъ служитъ лишь лишнимъ примѣромъ статистическаго субъективизма.

Если, такимъ образомъ, монометаллизмъ болѣе соотвѣтствуетъ основнымъ требованіямъ раціональнаго денежнаго обращенія, то, кажется, не можетъ быть сомнѣнія относительно выбора между золотомъ и серебромъ. Всѣ естественныя преимущества, заставившія избрать драгоцѣнные металлы для роли денегъ, при выборѣ между золотомъ и серебромъ, остаются на сторонѣ золота. Въ золотѣ всѣ эти преимущества оказываются въ несравненно болѣе высокой степени. Придерживаясь терминологіи Маркса, золото можно бы назвать квалифицированнымъ серебромъ. Достаточно припомнить здѣсь, что, при отношеніи стоимости золота къ серебру, какъ 1 : 16, равный по величинѣ кусокъ золота въ 32 раза дороже серебра. При значительныхъ уплатахъ поэтому употребленіе серебра до-того неудобно, что во Франціи, наприм., очень рѣдко въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ серебру. Это выходитъ изъ обычая[1].

---

[1] Enquête monétaire 1882 г. I v. см. показаніе Lalou, p. 187: «La partie prenante en est gênée. On ne considère plus aujourd'hui la pièce de 5 francs que comme une monnaie divisionnaire».

Итакъ, приведенныя до сихъ поръ соображенія рѣшаютъ вопросъ въ пользу одно-металлической золотой монетной системы. И если-бы при этомъ уменьшеніе предложенія золота въ будущемъ не было бы вѣроятнымъ или будущее его предложеніе оставалось совершенно неизвѣстнымъ, то и рѣшеніе вопроса въ пользу одно-золотой системы слѣдовало бы считать окончательнымъ и безповоротнымъ.

Но, какъ мы видѣли выше, весьма серьезныя основанія заставляютъ предполагать, что съ каждымъ годомъ производство золота будетъ уменьшаться, и такъ-какъ въ то-же время потребность въ немъ увеличивается, то отсюда слѣдуетъ, что однимъ золотомъ потребности денежнаго обращенія удовлетворены быть не могутъ. Количество его, не говоря о будущемъ, оказывается недостаточнымъ и въ настоящее время. Производство его затрудняется, требуя все большихъ и большихъ издержекъ. Доказывается это слѣдующими соображеніями.

Прежде всего — повышеніемъ средней его цѣны на серебро. Къ началу XVI ст. цѣна золота была всего въ 12-ть разъ больше цѣны серебра. Постоянно повышаясь, она достигла отношенія 1 : 15 въ періодъ наибольшаго производства золота, и въ наше время продолжаетъ повышаться все больше и больше, не останавливаясь даже на отношеніи 1 : 18 и 19. Съ 1500-го по 1848 г. среднюю годичную добычу золота вычисляютъ въ 11-ть, а серебра въ 23 мил. рублей. Съ 1848 по 1875 г. средняя годичная добыча золота достигаетъ громадной цифры 150, а серебра всего 72 мил. руб., т. е. въ то время, какъ производство золота увеличилось почти въ 15-ть разъ, производство серебра увеличилось всего въ 3 раза. Итакъ-какъ даже такое значительное увеличеніе производства золота не только не понизило его цѣны на серебро, а напротивъ, она еще повысилась, то очевидно, что повышеніе это слѣдуетъ отнести на-счетъ увеличенія стоимости золота или уменьшенія стоимости серебра. И въ первомъ и во

второмъ случаѣ это подтверждаетъ до нѣкоторой степени геологическую точку зрѣнія на условія производства драгоцѣнныхъ металловъ.

Презумпція увеличенія стоимости золота усиливается еще однимъ обстоятельствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ отлива сребра на Востокъ. Съ начала XVI ст. до 1848 года общее производство золота составляетъ сумму въ 3680 мил. и серебра въ 7950 мил. рублей, т. е. серебра на 4-ре милліарда больше, чѣмъ золота. Съ 1848-го по 1875 г. производство золота равняется 4200 мил. и серебра 2040 мил. рублей, т. е. золота на 2 милліарда рублей больше, чѣмъ серебра. Всего, слѣдовательно, съ 1500-го по 1875 г. добыто золота 7880 мил. и серебра около 10000 мил. рубл., т. е. серебра на 2120 мил. больше, чѣмъ золота. Можно было бы подумать, что этотъ излишекъ, увеличивая предложеніе серебра, и есть, главнымъ образомъ, причина его обезцѣненія относительно золота. Но тутъ-то и необходимо принять во вниманіе отливъ серебра на Востокъ, въ Остъ-Индію и Китай по преимуществу. Изъ 4-хъ милліардовъ разницы, какая оказалась между добытымъ серебромъ и золотомъ до 1848 г., $3^1/_2$ милліарда серебра вывезены были на Востокъ. Изъ 2040 мил. серебра за время отъ 1848-го по 1875 г. значительно большая часть его направилась то-же въ Азію, вслѣдствіе чего, конечно, въ оба эти періода увеличившееся предложеніе его болѣе чѣмъ уравновѣсилось увеличившимся спросомъ. Временное повышеніе цѣны серебра сейчасъ послѣ открытія калифорнійскихъ рудниковъ, надѣлавшее столько шуму и подавшее вопросъ о демонетизаціи золота, объясняется Тукомъ быстрымъ увеличеніемъ потребленія китайскаго чая и шелка въ Англіи и Америкѣ, уплата за которые производилась серебромъ [1]. Въ началѣ 50-хъ годовъ нѣкоторые экономисты, въ томъ числѣ и Макларенъ, доказывали, что самый фактъ усиленнаго вывоза

[1] *Tooke's* Hist. of prices. v. VI.

серебра въ Индію и Китай свидѣтельствуетъ неоспоримо, что стоимость золота понизилась[1]. И только потому, что стоимость золота пала ниже стоимости серебра, послѣднее появилось въ громадномъ количествѣ на европейскихъ рынкахъ, вслѣдствіе чего оно понизилось въ своей стоимости, утратило часть покупательной силы относительно товаровъ европейскаго производства и отправилось искать счастія въ Азію. Серебро, говоритъ Макларенъ, приняло нѣкоторое участіе въ паденіи стоимости золота[2]. Взглядъ этотъ не выдерживаетъ, конечно, критики и опровергается фактически, такъ-какъ отливъ серебра на Востокъ продолжается и по настоящее время, когда стоимость его относительно золота понизилась съ 15—16 до 18—19 и продолжаетъ понижаться и далѣе[3]. Не смотря на сравнительную волюминозность серебра, транспортировка его въ Азію доказываетъ, на-оборотъ, что стоимость золота повышается и повысилась бы, безъ сомнѣнія, еще болѣе, если-бы вывозъ золота принялъ болѣе широкіе размѣры.

Констатируя, такимъ образомъ, повышеніе стоимости золота относительно серебра и относя это повышеніе, въ предѣлахъ вѣроятности, конечно, на-счетъ ухудшенія условій производства золота, мы видимъ, что предсказанія геологовъ начинаютъ сбываться уже и теперь. Добыча золота въ Австраліи, наприм., уменьшается очень сильно. Въ 1876 г. она равнялась 59000 кгр., въ 1877 г.—52000, въ 1878—45000 и въ 1879 г.—39000 кгр.

---

[1] *Maclaren*, History of the currency, 1858, p. 341: «The export of silver to the East is, in fact, a strong evidence of a fall in the value of gold».

[2] *Maclaren*, l. c. «Silver goes to the East because it shares some part of the fall which has taken place in the value of gold».

[3] *N.-Spallart*, 1880 Jg. S. 285.

Въ соединенныхъ Штатахъ въ 1878 г.—77000, а въ 1879 г.—58500 кгр. Въ Россіи за эти-же два года—42000 и 40000 кгр.[1]. Слѣдовательно, золото не только повышается въ своей стоимости, но и количество его начинаетъ уменьшаться. И въ-виду этого и только этого факта однометаллическая золотая система должна быть отвергнута. Говоря словами Лаведе, система эта дискредитируется геологіей[2].

---

[1] Россія, впрочемъ, единственная страна, въ которой ежегодная добыча золота почти въ одномъ и томъ-же количествѣ продолжается уже много лѣтъ подъ-рядъ. Это какъ-бы противорѣчащее геологической теоріи явленіе объясняется очень удовлетворительно Блекомъ, представителемъ Калифорніи на парижской выставкѣ 1867 г. «Russia, говоритъ онъ, is the only country in which a nearly uniform production has been maintained through a series of years. This may perhaps be explained by the fact that the mines have not been free to all, and consequently comparatively few persons have been engaged in developing them. The climate, also, is unfavorable to rapid and continuous working, and the method of washing placer gravel by machinery in use there is necessarily slow and gives limited results, which cannot compare with those obtained by the gigantic system of sluicing practiced in California and Australia». См. *Blake*, The production of the precious Metals, 1869. S. 233. Въ этомъ обстоятельномъ сочиненіи есть двѣ главы: «Decrease in the production of gold» и «Probable rise in the value of gold», гдѣ положено основаніе теоріи Зюсса. См. также Intern. monetary Conference 1881. p. 458: «The extraction of gold is a thing which appears in one country disappears, arises in another, again disappears, and so on». Показаніе Dumas.

[2] The future of gold. p. 471: «The desire to make everywhere gold the only coinage, to the exclusion of silver, is pure

Не отрываясь отъ явленій дѣйствительной жизни, свидѣтельствующихъ о полной возможности обращенія одного золота въ государствахъ, какъ Англія и проч., нельзя считать золотой монометаллизмъ положительно негоднымъ, разрушающимъ народное и государственное благосостояніе. Такое утвержденіе опровергалось бы логикой фактовъ. Система эта должна быть оставлена не по причинѣ ея негодности въ настоящемъ, а изъ-за весьма вѣроятныхъ неудобствъ въ будущемъ. Неудобства эти обнаружатся тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше государствъ послѣдуетъ примѣру германской монетной реформы и, на-оборотъ, переходъ, хотя-бы нѣкоторыхъ изъ нихъ къ серебряной валютѣ, т. е. съуженіе золотого района до одного или нѣсколькихъ государствъ, отодвинулъ бы на очень долгое время заботу о размѣрахъ предложенія золота въ будущемъ.

Послѣднее соображеніе указываетъ на серьезное значеніе международнаго соглашенія относительно всего того, что касается монетнаго дѣла. Полное уясненіе этой стороны вопроса составляетъ существенную заслугу монетныхъ конференцій послѣдняго времени. Всѣ онѣ безъ исключенія предъявили требованіе объединенія или соглашенія, по-крайней-мѣрѣ, первостепенныхъ державъ, какъ условіе sine qua non раціональнаго монетнаго режима. Крупныя явленія европейской денежной политики за послѣднее десятилѣтіе вполнѣ оправдываютъ эти pia desideria. Извѣстно, что демонетизація серебра въ Германіи понудила государства латинскаго союза съ Франціей во главѣ прибѣгнуть въ 1874 г. къ ограниченію до того времени совершенно свободной его чеканки. Что изгнаніе серебра изъ обращенія имѣло и имѣетъ вліяніе на его обезцѣненіе, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Не только вслѣдствіе статическаго, но и динамическаго закона стои-

---

madness. Geology opposes it. There does not exist in the world gold enough for that purpose. The true money metal is silver».

мости денегъ, фактъ обезцѣненія объясняется очень просто. Съ одной стороны, увеличивается предложеніе и уменьшается въ тоже время спросъ, такъ-какъ демонетизація деградируетъ потребительную стоимость металла, съ другой — общія условія примѣненія научно-техническихъ усовершенствованій труда не встрѣчаютъ въ производствѣ серебра тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, какія встрѣчаются имъ въ производствѣ золота[1]. Предпринятое возстановленіе золотой валюты въ Италіи, если оно удастся, послужитъ, безспорно, причиною еще большаго обезцѣненія серебра. А если-бы Китай и Индія вздумали послѣдовать тому-же примѣру, то обезцѣненію его трудно было бы предвидѣть предѣлъ[2].

---

[1] *Suess*, l. c. «Verschiedenheit der Gold- und Silberproduction». S. 345 — 346.

[2] Suess (l. c. стр. 23 и слѣд.) объясняетъ сильное паденіе цѣны серебра въ 1876 г. (1 : 19): монетнымъ закономъ въ Германіи 1873 г., ограниченіемъ чекана серебра въ государствахъ латинскаго союза въ 1874 г., уменьшеніемъ вывоза его въ Индію, увеличеніемъ производства его въ Америкѣ и уменьшеніемъ производства золота. «Mehr aber noch als die Vereinigung so vieler ungünstiger Umstände scheint eine vorübergehende aber doch ziemlich allgemeine Erschütterung des Vertrauens in die Zukunft des Silbers gewirkt zu haben». Тѣ-же причины обезцѣненія указаны и ливерпульскимъ купеческимъ комитетомъ 1879 г. Послѣдствія обезцѣненія и демонетизаціи (disuse of silver) сводятся по мнѣнію комитета къ слѣдующему: 1) къ уменьшенію количества денегъ (world's money), что причинитъ непремѣнно большія замѣшательства во всемъ торговомъ мірѣ; 2) къ уменьшенію покупательной силы тѣхъ странъ, гдѣ обращается серебряная валюта, что eo ipso уменьшаетъ спросъ на товары великобританскаго производства; 3) къ большой потерѣ англійскихъ капиталистовъ, какъ владѣльцевъ фондовъ, акцій и облигацій, написан-

Каковы бы ни были причины обезцѣненія серебра, прямыя или косвенныя, уменьшеніе его стоимости или стоимости золота, во всякомъ случаѣ фактъ на-лицо и отрицать его нельзя. И такъ-какъ обезцѣненіе это, безъ всякаго сомнѣнія, является въ значительной степени слѣдствіемъ демонетизаціи серебра, то, принимая во вниманіе вѣроятное уменьшеніе производства золота въ будущемъ и постоянно увеличивающуюся потребность въ деньгахъ, необходимо сохранить и возстановить монетное достоинство серебра, признавъ его демонетизацію вредной и опасной.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что раціональна и одинаково необходима и золотая, и серебряная валюта. Притомъ, имѣя въ виду заграничные платежи, а также и возможныя пертурбаціи въ добычѣ благородныхъ металловъ, пертурбаціи, какія происходили на нашихъ глазахъ, слѣдуетъ допустить одновременное обращеніе обоихъ металловъ, одного главнаго, какъ постоянную закономъ опредѣленную денежную единицу, и другого обязательнаго въ пріемѣ въ уплату по существующему рыночному курсу. Обязательный пріемъ по курсу гарантируетъ въ данномъ случаѣ нормальное состояніе всего монетнаго режима, такъ-какъ, очевидно, въ обращеніи удержится тотъ металлъ, который наиболѣе будетъ соотвѣтствовать потребностямъ даннаго рынка и его выгодѣ и, кромѣ того, переходъ отъ одной монетной системы въ другой будетъ нѣсколько облегченъ извѣстнымъ запасомъ на рынкѣ того металла, къ которому захотятъ перейдти.

ныхъ на серебро. Въ этомъ отношеніи интересна монографія Seyd'a «Depreciation of labour and property which would follow the demonetization of silver», 1869. Годовой доходъ Англіи отъ заграничныхъ помѣщеній онъ считаетъ въ 40—50 мил. ф. стерл. См. *Williamson*, «The discrediting of silver», 1879.

Сообразно поставленному требованію, повсемѣстная монетная реформа потребуетъ наименьшихъ затратъ и наименьшихъ заботъ, такъ-какъ она ближе всего подходитъ къ современному ея положенію во всѣхъ государствахъ. Тамъ, гдѣ обращается одно золото, прійдется узаконить платежъ серебромъ по рыночному курсу и, наоборотъ, тамъ, гдѣ обращается серебро — узаконить золото на такихъ-же основаніяхъ, подъ условіемъ, однако, общаго соглашенія всѣхъ странъ, общемірового монетнаго союза, или союза, по-крайней-мѣрѣ, главнѣйшихъ государствъ [1].

---

[1] Расходясь съ принципами такъ-называемой «die vertragsmässige Doppelwährung» Arendt'a, я считаю ее совершенно ложной, такъ-какъ она основана на очевидно ложномъ ученіи, что цѣна золота и серебра опредѣляется исключительно закономъ, на полнѣйшемъ игнорированіи динамическаго закона стоимости денегъ. См. *Otto Arendt*, Die vertr. Doppelwährung. 1880. I B. S. 58 — 9. 122: «Die Werthschätzung zwischen Silber und Gold ist eben eine willkürliche, das Gesetz giebt ihr die Festigkeit». «Das Gesetz, indem es beide Metalle für den gleichen Zweck bestimmt fixirt ihren Werth zu einander und die Schätzung der Menschen fügt sich dem Gesetz». Вотъ то мѣсто въ работѣ Арендта, гдѣ высказана вся суть его ученія: «Unbedingt wird man uns zugeben müssen, dass ein rationelleres Münzsystem nicht möglich ist, sobald zwischen Silber und Gold keine Werthschwankung existirt. Sonst freilich würde die Harmonie leicht durch das Verdrängen desjenigen Metalls gestört werden können, welches auf dem Weltmarkt einen höheren Werth besitzt. Nun aber bietet der Bimetallismus die absolute Sicherheit gegen jede künftige Werthschwankung, eine Thatsache, die die einsichtigeren Anhänger der Goldwährung, selbst Soetbeer, auch zugestehen. Aus diesem Grunde sind wir nicht Anhänger der Doppelwährung schlechthin, die doch immer zu einer Alterna-

2.

Въ странахъ съ бумажными деньгами, какъ сѣверная Америка, Австро-Венгрія, Россія, Италія, переходъ къ той или другой металлической валютѣ долженъ обусловливаться, какъ сейчасъ увидимъ, нѣсколько иными соображеніями. И хотя переходъ этотъ, какъ было замѣчено выше, не сопряженъ съ обычными затрудненіями при переходѣ отъ одного металла къ другому, тѣмъ не менѣе не можетъ быть и рѣчи объ одномъ общемъ законѣ для разрѣшенія подобнаго рода практическихъ задачъ. Каждый подобный случай представляетъ на практикѣ очень много индивидуальнаго, много отличительныхъ ему одному свойственныхъ особенностей, которыя, главнымъ образомъ, и должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи отдѣльнаго частнаго случая. Очень легко сказать, что всѣ государства запада созрѣли для золото-монетной системы[1]. Мнѣніе это основано на непростительномъ заблужденіи, что будто-бы деньги изъ серебра дешевле денегъ изъ золота, такъ-же точно какъ серебряная посуда дешевле золотой. Забываютъ, конечно, что если золотая ложка въ 15 разъ дороже серебряной, то золотой рубль ни-чуть не дороже серебрянаго рубля. Мы знаемъ, что не такъ давно еще и Англія, въ рестринкціонный періодъ, и Франція, во время франко-прусской войны, безспорно наиболѣе зрѣлыя на-

---

tivwährung werden müsste, sondern der allgemeinen, d. h. verträgsmässigen Doppelwährung, die durch einen Weltmünzbund sanctionirt ist». См. гл. Theoretische Deduction des Bimetallismus. S. 157.

[1] *Hertzka*, l. c. S. VI: « Alle Staaten abendländischer Cultur sind für die Goldwährung reif».

ціи не только въ экономическомъ, но и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, не владѣли достаточнымъ запасомъ не только золота, но и серебра, и вынуждены были пріостанавливать размѣнъ и вводить принудительный курсъ бумажныхъ денегъ. Сравнительная степень богатствъ или бѣдности отдѣльныхъ государствъ не можетъ поэтому служить критеріемъ при рѣшеніи вопроса о введеніи золотой или серебряной валюты[1].

Довольно отчетливо иллюстрируется высказанное положеніе на примѣрѣ нѣкоторыхъ государствъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, возстановившихъ и невозстановившихъ у себя металлическую валюту.

Финансовое положеніе соединенныхъ Штатовъ сѣв. Америки, послѣ междоусобной войны 1861—65 гг., оказалось совершенно разстроеннымъ. Громадные расходы, вызванные войною, покрывались внутренними и внѣшними займами и выпусками бумажныхъ денегъ. Въ 1864—65 г. обыкновенные доходы дали всего 330 мил., тогда какъ расходы потребовали 1898 мил.; для ихъ покрытія поэтому сдѣланъ былъ новый заемъ въ 1472 мил., и государственный долгъ возросъ, такимъ образомъ, до 2683 мил. долларовъ. Количество бумажныхъ денегъ (legal-tender notes, green-backs), находившихся въ обращеніи, равнялось 700 мил. Случайности войны измѣняли лажъ на золото отъ 107% до 185%. Съ 1864 г. онъ держался на высотѣ 107% и только на короткое время поднялся до 130% въ день опубликованія предложенныхъ и выработанныхъ секретаремъ казначейства, Че-

---

[1] На послѣдней конференціи Broch утверждалъ, что золото должно быть монетой болѣе просвѣщенныхъ странъ. Cernuschi спросилъ по этому поводу: «Was not the Germany of Goethe and Schiller equal, in point of civilisation, to that of Mr. Bamberger and Mr. Soetbeer?». См. Intern. Mon. Conference, 1881. p. 153.

земъ, законовъ, имѣвшихъ цѣлью совершенное его уничтоженіе[1]. Несмотря на такое безвыходное, казалось бы, положеніе, въ нѣсколько лѣтъ экономическое и финансовое состояніе дѣлъ измѣнилось до-того, что уже въ 1873 г., въ-виду изобилія серебра и его депреціаціи, оставлена была существовавшая съ 1792 г. биметаллическая система, и законной денежной единицей объявленъ золотой долларъ. Этимъ годомъ заканчивалось десятилѣтіе, въ которое торговый и платежный балансъ былъ противъ соединенныхъ Штатовъ. Ввозъ превышалъ вывозъ среднимъ ежегоднымъ числомъ въ 104 мил. Начиная съ 1873 г. и до 1881 года вывозъ превышаетъ ввозъ на 1181 мил., что составляетъ 170 мил. въ годъ. Почти неизмѣняющееся количество бумажныхъ денегъ, государственныхъ и банковыхъ билетовъ, стоитъ теперь al pari, а въ кассахъ банковъ и государственнаго казначейства металлическій резервъ достигъ 320 мил. По исполненію росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1880—81 год. оказалось 100 мил. излишка, а по росписи 1881—82 г. ожидался излишекъ въ 130 мил. Министръ финансовъ заявилъ, что государственное казначейство не знаетъ, что дѣлать съ излишками доходовъ, накопляющимися въ его кассахъ[2]. Фактически размѣнъ бумажныхъ денегъ возстановленъ. Уменьшившійся въ 1876—77 гг. металлическій резервъ и сильное паденіе цѣны серебра заставили американцевъ возвратиться къ биметаллизму. Bland-Bill'емъ 1878 г. установлено отношеніе стоимости золота къ серебру, какъ 1 : 15,988, и принята обязательная чеканка серебра на сумму отъ 2 до 4 мил. долл. ежемѣсячно. Несмотря на то, что до 1881 г. отчеканено 80 мил. серебра,

---

[1] *Hock*, die Finanzen und die Finanzgeschichte der Ver. Staaten von America. 1867.

[2] Journal des économistes, 1882, Janvier. «La situation financière et économique des Etats-Unis, par *Limet*.

въ обращеніи фактически господствуетъ золото[1]. Обратное теченіе золота изъ Европы въ Америку приняло громадные размѣры; металлическіе резервы европейскихъ банковъ значительно истощились, учетный процентъ сильно повысился и продолжаетъ стоять также высоко и до сихъ поръ, угрожая кризисомъ всей Европѣ[2].

До послѣдняго времени соед. Штаты принадлежали къ числу наиболѣе задолжонныхъ странъ. Уплата процентовъ и погашенія была, главнымъ образомъ, причиною невыгодности ихъ международнаго разсчетнаго баланса. Совсѣмъ не то теперь. Конверсія долговъ значительно уменьшила общую сумму уплачивавшихся прежде процентовъ; фонды, акціи и облигаціи направляются обратно по ту сторону океана, и лондонскій «Economist» обращаетъ вниманіе на фактъ исчезновенія американскихъ купоновъ на европейскихъ рынкахъ, которые, слѣдовательно, теряютъ свое прежнее компенсаціонное значеніе въ платежномъ международномъ балансѣ[3].

И такъ, безъ всякихъ финансовыхъ мѣропріятій, путемъ внутренняго экономическаго развитія, соедин. Штаты перешли отъ бумажнаго обращенія къ металлическому. Причемъ, не смотря на «Bland Bill» 1878 г., узаконившій биметаллизмъ, фактически восторжествовало, какъ мы видѣли, золото. Если-бы «Bland Bill» былъ дѣйствительно дѣломъ рукъ собственниковъ невадскихъ рудниковъ, какъ старались увѣрить монометаллисты[4], то, быть можетъ, серебро удержалось бы въ соедин. Штатахъ въ значительно бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ настоящее время. Ограниченіе свободной чеканки серебра maximum—4 мил. и mini-

---

[1] *N. Spallart*, 1880 Jg. S. 290—291.

[2] «Reichsgeld. Ein Beitrag zur Währungsfrage» 1880. S. 3—4; работу эту приписываютъ Дехенду, директору Reichsbank'a.

[3] *Otto Arendt*, l. c. I B. S. 211.

[4] *Cernuschi*, «Le Bland Bill. 1878». Paris. 1879.

mum — 2 мил. дол. въ мѣсяцъ, имѣло, конечно, цѣлью воспрепятствовать его дальнѣйшему обезцѣненію; но продолжавшаяся продажа германскаго серебра оказалась болѣе сильнымъ факторомъ обезцѣненія и цѣна серебра продолжаетъ поэтому падать. Въ маѣ 1879 г. пріостановлена продажа серебра; цѣна его съ 50 пенсовъ за унцію поднялась немедленно до 52, 53, а въ ноябрѣ того-же года даже до 54 пенсовъ[1]. Съ этого-же года начинается сильный приливъ золота въ соедин. Штаты: ввозъ его достигаетъ 79 мил. дол., тогда-какъ до этого времени, начиная съ 1871 г., вывозъ всегда превышалъ ввозъ на очень большую сумму[2]. Къ 1881 г. золота въ слиткахъ и монетѣ считалось въ обращеніи 454 мил., а серебра всего 158 мил. дол. Одновременно съ золотомъ, слѣдовательно, обращается и серебро, но золото преобладаетъ значительно[3].

Выше была указана причина преимущественнаго движенія золота въ соедин. Штаты. Франція, какъ извѣстно, издавна служитъ главнымъ рынкомъ сбыта серебра. Серебряной монеты въ ней хотя и меньше, чѣмъ золотой[4], но все же количество обращающагося въ одной Франціи серебра больше, чѣмъ въ Англіи, Германіи, Италіи, Австро-Венгріи и Нидерландахъ вмѣстѣ, — почти треть всего его количества, обращающагося въ Европѣ, (8550 мил. фр.). Отношеніе стоимости золота и серебра — 1:15,5, опредѣленное французскимъ закономъ 1865 г., сравнительно съ отношеніемъ, установленнымъ Bland-Bill'емъ — 1:15,998, дѣлаетъ Францію,

---

[1] *Otto Arendt*, l. c. I B. S. 103—107.

[2] *N. Spallart*, 1879 Jg. и 1880. S. 253.

[3] Intern. monetary conference 1881. *Dana Horton*, «Statement of the monetary circulation of the United States» p. 387—390.

[4] По вычисленіямъ Зетбера въ 1880 г. золота въ слиткахъ и монетѣ обращалось 4866 мил., а серебра 3143 мил. фр.

caeteris paribus, болѣе выгоднымъ мѣстомъ сбыта серебра. Этотъ фактъ, надо полагать, послужилъ главнѣйшею причиной того, что по преимуществу золото, а не серебро, отливало изъ Европы въ сѣвер. Америку. Съ 1867 по 1870 г. среднее отношеніе стоимости золота къ серебру равнялось — $^{1}/_{15,5}$. По лондонскому биржевому курсу цѣна одной унціи серебра въ пенсахъ равнялась [1]:

Средняя цѣна за время отъ	1831	по	1840	— 59,1 пен.	—	15,75
» » » »	1841	»	1850	— 59,9 »	—	15,83
» » » »	1851	»	1860	— 61,6 »	—	15,36
» » » »	1861	»	1870	— 60,15 »	—	15,48
Въ			1871 г.	— 60,9 »	—	15,57
		»	1872	» — 60,4 »	—	15,65
		»	1873	» — 59,4 »	—	15,92
		»	1874	» — 58,5 »	—	16,17
		»	1875	» — 56,9 »	—	16,62
		»	1876	» — 53,1 »	—	17,77
		»	1877	» — 54,9 »	—	17,22
		»	1878	» — 52,6 »	—	17,93
		»	1879	» — 51,4 »	—	18,21
		»	1880	» — 52,4 »	—	17,97.

Изъ приведенныхъ помѣтокъ видно, что цѣна серебра, принятая закономъ въ соедин. Штатахъ, несравненно выше его рыночной цѣны; о французской законной цѣнѣ нечего и говорить. И если-бы во Франціи не догадались ограничить чеканку серебра, то, по всему вѣроятію, оно переполнило бы всѣ каналы металлическаго обращенія и вытѣснило бы совсѣмъ золото. Такъ-же точно, если-бы въ соедин. Штатахъ не ввели обязательной его чеканки, то оно совсѣмъ исчезло бы изъ обращенія и его мѣсто заняло бы золото. Какъ ни трудно оріентироваться въ изложен-

[1] *N. Spallart*, l. c. S. 285.

номъ ходѣ явленій, тѣмъ не менѣе смѣло можно сказать, что если фактическое возстановленіе валюты обязано всецѣло экономическому преуспѣянію соедин. Штатовъ, чѣмъ бы это послѣднее ни обусловливалось, то выборъ между золотомъ и серебромъ, фактическое преобладаніе золота, зависѣло главнымъ образомъ отъ постановленій Bland-Bill'a, по соображенію съ законодательными постановленіями другихъ важнѣйшихъ государствъ. Нѣтъ никакихъ основаній, чтобы соедин. Штаты не могли въ 1878 г. по произволу избрать или золото или серебро, какъ преобладающій въ обращеніи маталлъ. И золото и серебро, по состоянію и условіямъ тогдашняго всемірнаго рынка, представляли одинаковые шансы успѣха. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что та или другая монетная система, принятая Штатами — безразличный фактъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для народнаго хозяйства другихъ странъ; напротивъ, фактъ этотъ — первостепенной важности и отъ него, быть можетъ, зависитъ ближайшее экономическое будущее какъ Америки, такъ и Европы. Если соедин. Штаты будутъ продолжать высасывать изъ Европы золото въ томъ-же количествѣ, какъ и въ 1879 — 80 гг., то, прежде всего, Германіи и Италіи прійдется отказаться отъ золотой мечты, а главное, что истощеніе это вызоветъ общій денежный и торговый кризисъ, симптомы котораго уже и теперь замѣтны въ Европѣ. Общій европейскій кризисъ отзовется, конечно, и въ Америкѣ и не останется безъ вліянія на ея блестящее экономическое и финансовое положеніе. А между-тѣмъ, металлическое насыщеніе депежнато рынка Штатовъ, по сравненію съ Англіей и Франціей, далеко не достигло еще своей предѣльной черты. Только съ 1878 г. сталъ замѣтно увеличиваться металлическій резервъ государственныхъ и банковыхъ кассъ соедин. Штатовъ при почти неизмѣняющемся количествѣ бумажныхъ денегъ. До этого же года приблизительно 3000 мил.

марокъ государственныхъ и банковыхъ билетовъ покрывались металлическимъ запасомъ, всего въ 400—500 мил. марокъ.

1877 г.	колич.	бум.	денегъ	равн.	2885,6	мил.	м. а	метал.	запасъ	342.9	мил.
1878 г.	—	—	—	—	2861,3	—	— —	—	—	696,4	—
1879 —	—	—	—	—	2882,5	—	— —	—	—	938,6	—
1880 —	—	—	—	—	2972.2	—	— —	—	—	1361,0	—

Непокрытыхъ металломъ бумажныхъ денегъ къ 1881 г. было, слѣдовательно, 1611,2 мил. мар., тогда-какъ во Франціи всего 268,8 мил. мар. при металлическомъ резервѣ банка Франціи въ 15752 мил. мар. Металлическій резервъ банка Англіи въ 1879 г. превзошелъ число банковыхъ билетовъ на 54, а въ 1880 г. на 15,8 мил. мар. Даже въ Германіи непокрытыхъ банковыхъ билетовъ къ 1881 г. было всего 392,7 мил. мар. при металлическомъ резервѣ имперскаго банка въ 614,9 мил. мар.[1]. Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что соединенные Штаты способны поглотить еще очень большое количество драгоцѣнныхъ металловъ, прежде чѣмъ ихъ денежное обращеніе уподобится денежному обращенію Англіи, Франціи и Германіи.

Можно сказать не безъ основанія, что характеристическою чертой денежнаго обращенія за послѣднія 10 лѣтъ служитъ накопленіе большихъ металлическихъ запасовъ въ банковыхъ кассахъ, сравнительное преобладаніе золотой и серебряной монеты надъ бумажными деньгами и банковыми билетами. Такого громаднаго накопленія металла въ кассахъ и резервахъ банковъ, какое было въ 1875—1880 гг., не помнитъ финансовая исторія Европы и Америки. И если это накопленіе есть результатъ историческаго опыта, народной мудрости, подорвавшихъ довѣріе къ черезчуръ развившейся кредитно-денежной системѣ[2],

---

[1] *N.-Spallart*, l. c. S. 293—5.

[2] *Wolowski*, L'or et l'argent. Enquête, p. 52, 60—65; См. Enquête monétaire 1867 года v. III. Показаніе Newmarch'a p. 539.

то соединеннымъ Штатамъ необходимо позаботиться о болѣе обильномъ приливѣ серебра въ ихъ денежное обращеніе, такъ-какъ послѣднее едва-ли будетъ въ состояніи ограничиться исключительно однимъ золотомъ, не нарушая въ то-же время интересовъ другихъ странъ, да и своихъ собственныхъ. Сообразно требованіямъ фактическаго биметаллизма, соединеннымъ Штатамъ надлежало бы, принявъ за законную денежную единицу золотой долларъ, хотя-бы на основаніи принципа «beati possidentes», узаконить платежъ серебромъ по биржевому курсу, при томъ, однако, условіи, что и всѣ другія государства примутъ ту-же самую монетную систему. Въ противномъ случаѣ, вступая на путь борьбы, прійдется опредѣлить курсъ серебра, соображаясь съ опредѣленіями его въ другихъ странахъ и съ конъюнктурой мѣстнаго денежнаго рынка.

Обращаясь къ Австро-Венгріи, мы находимъ тамъ слѣдующее. Съ 1857 г. въ ней принята серебряная валюта. Но огромные выпуски бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ вытѣснили металлъ изъ обращенія, и во весь періодъ съ 1848 по 1879 г. фактически господствовалъ бумажный гульденъ. Только съ 1879 г., вслѣдствіе сильнаго обезцѣненія серебра и благопріятнаго международнаго платежнаго баланса, курсъ бумажнаго гульдена сильно поднялся вверхъ и не только достигъ al pari, но и превзошолъ его. Явилась премія на бумажный гульденъ, несмотря на то, что правительство не предпринимало никакихъ спеціальныхъ мѣръ для возстановленія валюты и что колличество государственныхъ и банковыхъ билетовъ, находившееся въ обращеніи, уменьшилось всего сравнительно съ количествомъ ихъ въ 1879 г. на 75 мил. гульденовъ. Въ обращеніи оставалось еще 620 мил. при металлическомъ резервѣ «Національнаго Банка» въ 163 мил. При такихъ обстоятельствахъ, Австро-Венгріи слѣдовало бы уничтожить принудительный курсъ и, сдѣлавъ внутренній или внѣшній заемъ для подкрѣпленія металли-

ческаго фонда, перейдти къ металлическому обращенію съ серебряною денежною единицей. Раціональная денежная политика и лучшіе финансисты страны требовали этого [1].

Но сторонники золота, съ Герцкой (австрійскимъ Зетбером, какъ его иногда называютъ) во главѣ, совѣтовали подождать съ возстановленіемъ валюты до того момента, когда бумажный гульденъ достигнетъ pari на золото. Несмотря на эти ожиданія, въ 1878 и 1879 гг. отчеканено въ Австро-Венгріи серебра на сумму 63.518.200 гульден. и золота всего 7.472.300 гульд., и къ концу 1830 года металлическій резервъ «Національнаго банка» состоялъ изъ 90 мил. золота и 76,7 мил. серебра [2].

Если, какъ мы видѣли, законодательныя постановленія соединенныхъ Штатовъ успѣли привлечь въ страну золото, то изъ этого еще ничуть не слѣдуетъ, чтобы это привлеченіе было исключительно дѣломъ рукъ законодательной власти. Не будь подходящей экономической почвы, благопріятной рыночной конъюнктуры, и законъ остался бы безъ всякихъ практическихъ послѣдствій. До отлива въ сѣверную Америку—золота было достаточно и оно могло направиться по пути, проложенному закономъ. Но разъ на рынкѣ его нѣтъ, никакой законъ не найдетъ ему приманки. Въ Австріи съ давнихъ поръ мечтаютъ о золотѣ; еще баронъ Гокъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ свое время австрійскихъ финансистовъ, ратовалъ за золото. Но мечты эти не осуществились, и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе будетъ ихъ осуществленіе.

Наглядное доказательство въ этомъ отношеніи представляетъ примѣръ Германіи. Законами 1871 и 1873 гг. рѣшено было

[1] *Neuwirth*, Bank und Valuta in Oesterreich-Ungarn 1862—1873. 1874. II B. S. 374. Лоренцъ-Штейнъ доказывалъ еще въ 1872 г., что «Die Geldfrage in der Valutafrage liegt».

[2] *N. Spallart*, l. c. S. 271.

перейдти къ золоту, демонетизировавъ все наличное серебро[1]. Количество послѣдняго, находившееся въ обращеніи во всей Германіи, простиралось приблизительно до 1500 — 1550 мил. марокъ, тогда-какъ золота всего около 91 мил. Само-собой разумѣется, что одно лишь вѣроятное предложеніе такой массы серебра должно было непремѣнно повлечь за собою сильное его обезцѣненіе, громадную потерю для народнаго хозяйства. Зетберъ, справедливо считающійся отцемъ неудавшейся монетной реформы, очень хорошо понималъ, по-крайней-мѣрѣ въ 1867 г., всю опасность подобнаго предпріятія. На памяти у всѣхъ была монетная реформа въ Голландіи, обезцѣнившая золото быстрѣе и сильнѣе первыхъ транспортовъ его изъ Калифорніи и Австраліи. А между-тѣмъ, въ ней обращалось золота всего-на-все около 350 мил. франковъ. Зетберъ надѣялся, правда, смягчить послѣдствія реформы удлиненіемъ переходнаго времени, признаваясь, однако, что безъ «coup d'état financier» не обойдтись[2]. Чернуски увѣряетъ, впрочемъ, что Зетберъ, Бамбергеръ и Бисмаркъ разсчитывали продѣлать всю операцію несравненно проще. Не предполагая возможности ограниченія свободной чеканки серебра во Франціи и государствахъ латинскаго монетнаго союза, они надѣялись перечеканить серебряные талеры въ пятифранковики, серебряные франки промѣнять на золотые и, наконецъ, золотые франки перечеканить въ марки[3]. Демонетизація и вся реформа въ такомъ случаѣ стоила бы дѣйствительно очень недорого. Но въ этихъ разсчетахъ и надеждахъ нѣмцы ошиблись. Въ 1879 г. Дехендъ объявилъ во всеуслышаніе о плачевныхъ результатахъ

---

[1] *Soetbeer*, Deutsche Münzverfassung. 1874. 1. Gesetz, betreffend die Ausprägung von Reichs Goldmünzen. Vom 4 Dec. 1871. 2. Münzgesetz vom 9 Juli 1873.

[2] *Wolowski*, l. c. pp. 98 — 101. Quelques indications.

[3] La diplomatie monétaire en 1878.

предпринятой реформы. Оказалось, что продажа серебряныхъ талеровъ—очень дорогая операція. На проданные 567 мил. мар. понесено убытка 96,5 мил. Оставалось за-тѣмъ еще 476 мил. мар., продажа которыхъ, по предложенному Дехендомъ разсчету, обошлась бы тоже въ 90—100 мил.[1]. Въ маѣ 1879 г. продажа серебра пріостановлена. Къ 1880 г. денежное обращеніе Германіи оказалось въ слѣдующемъ видѣ: 1200 мил. мар. золота, 500 мил. м. серебра (въ талерахъ), 427 мил. м. серебряной размѣнной монеты, 44,5 мил. м. билонной монеты (мѣдь и никель), 991 мил. м. банковыхъ билетовъ и 163 мил. м. билетовъ государственнаго казначейства, Reichskassenscheine, что вмѣстѣ составляетъ сумму въ 3325,5 мил. м. Не безъ основанія считаетъ Арендтъ[2] всю серебряную германскую монету кредитно-металлическими деньгами (Metallcreditgeld), принимая во вниманіе, что цѣна серебра вмѣсто $60^{7}/_{8}$ падаетъ до 52 пенсовъ и ниже. При такихъ обстоятельствахъ, 291 мил. м. непокрытыхъ банковыхъ билетовъ могутъ угрожать опасностью. Имперскій банкъ, хотя и размѣниваетъ свои билеты на золото по предъявленіи, но по закону онъ не обязанъ ихъ размѣнивать, пока въ обращеніи находятся серебряные талеры. Легко возможно, что при первой паникѣ, золото, какъ единственно полноцѣнныя деньги, сильно потечетъ изъ банка, появится лажъ и его обыкновенный спутникъ — принудительный курсъ. Очевидно, что существенный порокъ современнаго денежнаго обращенія въ Германіи — обезцѣнившееся серебро. Вернись она къ биметаллизму, положеніе банковыхъ билетовъ измѣнилось бы сразу, обезпеченіе ихъ размѣна не могло бы подлежать сомнѣнію, о возможности лажа не было бы и рѣчи. Дорого-стоющій и неудавшійся опытъ германской монетной реформы послужитъ, конечно, назидательнымъ уро-

---

[1] *Otto Arendt*, l. c. S. 7.

[2] *Arendt*, l. c. II v. S. 16—17.

комъ для другихъ. Теперь едва-ли позволительно сомнѣваться, что выборъ между золотомъ и серебромъ не зависитъ отъ доброй воли, отъ одного желанія правительства, а отъ общихъ экономическихъ условій страны и положенія всемірнаго денежнаго рынка. Мнѣніе, высказанное еще Тюрго, что «золото и серебро sont constitués par la nature des choses, monnaie et monnaie universelle, indépendamment de toute convention et de toute loi», становится болѣе очевиднымъ теперь, чѣмъ когда-нибудь прежде. Биметаллизмъ въ опытѣ Германіи пріобрѣлъ объективную санкцію, по-крайней-мѣрѣ, въ условіяхъ времени и обстоятельствъ, сопутствовавшихъ монетную реформу Германіи.

Отмѣна принудительнаго курса въ Италіи 15 ноября 1880 г. и послѣдовавшее вскорѣ за-тѣмъ фактическое возстановленіе размѣна — еще одно доказательство въ пользу биметаллизма. Обращавшееся до 1880 г. золото въ количествѣ 33,4 мил. фр. и серебро въ количествѣ 539,4 мил. фр. назначено къ изъятію и замѣняется новаго чекана золотомъ въ 252,5 мил. фр., серебромъ въ 364,6 мил. фр. и размѣнною серебряною монетой въ 156 мил. фр. Сдѣлавъ заемъ въ 650 мил. фр., Италія постепенно изъяла изъ обращенія 600 мил. фр. бумажныхъ денегъ, а оставшіеся за-тѣмъ 350 мил. фр. немедленно поднялись въ цѣнѣ и теперь стоятъ al pari. Проведеніе этой реформы, въ успѣхѣ которой едва-ли можно сомнѣваться, потребовало, однако, обратнаго теченія золота изъ Америки въ Европу. За 12 мѣсяцевъ отъ 30 іюня 1880 г. по 30 іюня 1881 г. ввозъ золота и серебра въ соединенные Штаты равнялся 22,105,000 ф. ст., а вывозъ всего 3.881.000 ф. стерл., тогда-какъ съ 30 іюня 1881 г. по 30 іюня 1882 г. ввозъ равнялся 8.495.000 ф. ст., а вывозъ 9.883.000 ф. ст. По мнѣнію «Economist'a» [3], это

---

[1] 26 August, 1882: «The influence of the United States upon the money market».

обстоятельство главнымъ образомъ помогло Италіи собрать необходимый металлическій резервъ, «without encroaching unduly upon other European stocks». Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ значительной мѣрѣ операціи возстановленія валюты способствовалъ благопріятный торговый балансъ въ-особенности за послѣдніе два года, когда отпускъ вина достигъ небывалыхъ прежде размѣровъ. Вино отпускалось во Францію, гдѣ виноградники уничтожены были филоксерой. Другія статьи отпуска увеличились тоже, особенно отпускъ сѣры и оливковаго масла.

Но активъ международнаго баланса одной страны есть въ то-же время пассивъ другой или другихъ странъ. Зависимость между разсчетнымъ балансомъ и металлическимъ резервомъ страны прямая, непосредственная. Едва-ли, однако, замѣчалась когда-либо такая чувствительность банковыхъ резервовъ, какъ въ послѣднее время. Хронически высокій дисконтъ французскаго и имперскаго банковъ, почти неизмѣнившійся увеличеніемъ металлическаго экспорта Америки, долженъ быть отнесенъ на счетъ италіанской операціи возстановленія размѣна. А это указываетъ во всякомъ случаѣ на извѣстную стѣсненность денежнаго рынка, на то, что едва-ли логично ратовать за одно золото, когда чувствуется его недостатокъ уже въ настоящее время, когда, собственно говоря, введеніе монометаллической золотой системы тамъ, гдѣ ее намѣреваются ввести, «noch mehr oder minder Fiction ist». Если демонетизація серебра въ Германіи (1871 и 1873 гг.), въ Швеціи и Норвегіи (скандинавская монетная конвенція 1873 г.), пріостановка чекана въ Голландіи (въ 1875 и 1876 гг.), ограниченіе его во Франціи и прочихъ государствахъ латинскаго союза (1876 г.), а также въ соедин. Штатахъ сѣвер. Америки (1878 г.) могли вызвать затрудненія, которыя вотъ уже цѣлыя десять лѣтъ угнетаютъ весь промышленный міръ, то что-же будетъ, спрашивается, послѣ всеобщей его демонетизаціи, когда Австро-

Венгрія и Россія тоже вздумаютъ перейдти отъ бумажнаго къ металлическому обращенію?

Очевидно, что поставленный такимъ образомъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь полнымъ осужденіемъ золотого монометаллизма въ какой бы то ни было странѣ, подъ прикрытіемъ какихъ бы то ни было исключительно благопріятныхъ условій. Биметаллизмъ выдвигается на сцену самою жизнью, ея дѣйствительными требованіями. И въ жизни, и въ литературѣ насталъ рѣшительный поворотъ въ его пользу[1].

Само собой понятно, что если-бы Россія, при современномъ ея экономическомъ и финансовомъ положеніи, вздумала приступить къ искусственнымъ, форсированнымъ мѣропріятіямъ для возстановленія металлическаго обращенія, при помощи внутреннихъ или внѣшнихъ займовъ, реформы снизу или реформы сверху, то затѣйливую мечту о золотѣ пришлось бы оставить совсѣмъ, рискуя, въ противномъ случаѣ, удачей всей операціи. Откладывая разсмотрѣніе этого вопроса до изслѣдованія о бумажныхъ деньгахъ, которому посвящается вся вторая часть этого труда, я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что Россіи, добывающей около 40 мил. рубл. въ годъ собственнаго золота, не много его надо сверхъ этого количества, для уплаты за границей процентовъ и погашенія по внѣшнимъ займамъ, для уплаты военныхъ заказовъ и т. п. Государственный банкъ долженъ поэтому помнить разъ навсегда, что будущій денежно-металлическій рынокъ Россіи — рынокъ серебра по преимуществу, и что серебряный рубль бу-

---

[1] Въ Германіи на-дняхъ образовалось общество пропагандированія биметаллизма, съ законнымъ отношеніемъ 1 : 15,5 и свободной, неограниченной чеканкой обоихъ металловъ. Общество вмѣнило себѣ въ обязанность охранять интересы Германіи въ переходный періодъ ея монетной реформы. Journal des économistes, 1882. Février. p. 352.

детъ нашею главною законною денежною единицей, какою онъ считается и въ настоящее время.

3.

Кромѣ золота и серебра въ обращеніи встрѣчаются еще мѣдь, бронза, никель въ формѣ такъ-называемой размѣнной или билонной монеты. Въ послѣднее время для этой-же цѣли стали употреблять и низкопробное серебро. Составляя орудіе, цѣль и основаніе всего экономическаго оборота, деньги (золото и серебро) въ спеціальной функціи обращенія не требуютъ своей металлической субстанціи. Мало того, металлическая субстанція мѣшаетъ даже надлежащему выполненію этой функціи. Вслѣдствіе этого, съ давнихъ поръ, вошли въ употребленіе суррогаты или замѣстители денегъ, въ видѣ бумажно-кредитныхъ орудій обращенія, съ одной стороны, и размѣнной монеты — съ другой.

Торгово-промышленные обороты вообще могутъ быть подраздѣлены на крупные, средніе и мелкіе. Можно даже съ нѣкоторою точностью опредѣлить эти три категоріи. Къ среднимъ слѣдуетъ отнесть всѣ сдѣлки отъ наибольшей апуантировки металлическихъ денегъ (во Франціи напр. 20 фр., въ Англіи 1 фун. ст.) до наибольшей апуантировки бумажныхъ денегъ или банковыхъ билетовъ. Всѣ сдѣлки выше среднихъ отойдутъ, конечно, къ крупнымъ, и ниже — къ мелкимъ оборотамъ.

Деньги въ собственномъ смыслѣ слова наичаще употребляются для среднихъ оборотовъ, для нихъ онѣ наипригоднѣе. Въ крупныхъ сдѣлкахъ употребляются по преимуществу бумажно-кредитные знаки и въ мелкихъ билонная монета. Опредѣлить даже приблизительно денежную сумму или итогъ каждой категоріи оборотовъ, конечно, нѣтъ никакой возможности. Но есть основанія допустить, что итогъ крупныхъ и мелкихъ оборотовъ, каждый

порознь, превосходитъ итогъ оборотовъ среднихъ. Соображеніе это выясняетъ практическое значеніе билонной монеты, имѣющей, какъ оказывается, обширную сферу обращенія, причемъ сфера эта тѣмъ обширнѣе, чѣмъ развитѣе страна въ экономическомъ отношеніи.

Билонная монета — не только простой знакъ стоимости, но и сама — стоимость, хотя и неполная. Нарицательная стоимость заключающагося въ ней металла выше его дѣйствительной стоимости. Въ этомъ весь ея экономическій смыслъ и отличительный характеръ. Высокая стоимость драгоцѣнныхъ металловъ не позволяетъ чеканить изъ нихъ мелкой монеты для потребностей ежедневнаго обихода. Монета эта была бы черезчуръ мала, микроскопическихъ размѣровъ или, какъ выражаются нѣмцы, «unhandlich klein». Не менѣе важно и то, что, при частыхъ оборотахъ, вызываемыхъ большою скоростью обращенія, мелкая полновѣсная монста изъ золота и серебра очень скоро изнашивалась бы, дѣлаясь, такимъ образомъ, никуда негодною и причиняя странѣ значительныя потери.

Но если государство и можетъ пользоваться разницей между дѣйствительной и нарицательной стоимостью размѣнной монеты (интенсивно) и увеличеніемъ ея количествъ (экстенсивно), то только до извѣстныхъ предѣловъ. Количество ея должно быть строго ограничено опредѣленною, разъ принятою нормой. Норма эта не должна быть произвольною. Она опредѣляется положительно назначеніемъ, напр., извѣстнаго числа франковъ, марокъ на каждую единицу населенія, и отрицательно — ограниченіемъ платежной способности ея до извѣстной только суммы. Сумма эта не должна быть больше наименьшей апуантировки денегъ, что очень удачно выражено ея французскимъ названіемъ «monnaie divisionnaire»[1].

---

[1] Въ Англіи обязательный пріемъ въ уплату серебра 2 ф. ст., т. е. до наибольшей золотой монеты, и мѣди — до наимень-

Не составляя орудія сбереженія, билонная монета находится постоянно въ обращеніи, вслѣдствіе чего, не смотря на значительный итогъ мелкихъ оборотовъ, количество ея замѣняется быстротой ея обращенія. Основанная на довѣріи, подобно всѣмъ кредитнымъ деньгамъ, она должна размѣниваться по предъявленіи. Иначе правительство легко можетъ злоупотреблять ею для своихъ финансовыхъ цѣлей, какъ это и было у насъ въ періодъ 1762 и 1811 гг., когда на 137 мил. руб. золота и серебра обращалось до 90 мил. руб. мѣди. Извѣстенъ также «Groschenkrisis» въ Пруссіи послѣ неудачной войны 1806 г. Убыточная продажа серебряныхъ талеровъ вызвала въ Германіи особую комбинацію — передѣлку ихъ въ размѣнную монету. Пока остановились на 10 маркахъ на единицу народонаселенія и отчеканили 427 мил. марокъ «Silberscheidemünze», что вмѣстѣ съ мѣдью и никелемъ въ 44,5 мил. составляетъ громадную цифру въ 471,5 мил. марокъ[1]. Непомѣрное увеличеніе количества серебряной размѣнной монеты не на 10%, а фактически, вслѣдствіе обезцѣненія серебра, на 20% ниже дѣйствительной стоимости металла — очевидно финансовое предпріятіе, разсчитывающее на покрытіе уже понесенныхъ и уменьшеніе еще предстоящихъ расходовъ по монетной реформѣ, если Германія не захочетъ отказаться отъ предпринятой операціи. Но въ то-же время превращеніе серебра въ билонъ — очень послѣдовательная вещь, логически вытекающее слѣдствіе изъ принципа золотого монометаллизма. «En donnant à l'or seul la qualité d'étalon, говоритъ Levasseur[2], on ne proscrit pas entièrement l'argent, pas plus qu'on ne proscrit la monnaie de cuivre qui ne sert d'étalon

---

шей серебряной. Во Франціи пріемъ мѣди обязателенъ до 5 фр. см. M. *Chevalier*, La Monnaie. p. 762.

[1] *Otto Arendt*, l. c. II. v. Passim.

[2] La question de l'or. 1858. p. 337.

lon dans aucun pays». И такого мнѣнія придерживаются всѣ почти приверженцы золота съ Англіей во главѣ. По закону 1844 г. 7 et 8 Victoria, cap. 32 п. III, «The issue departament» банка Англіи можетъ имѣть въ своемъ резервѣ $^1/_4$ часть серебра, а «The royal mint» отчеканилъ серебра за время отъ 1851 до 1865 г. 5 мил. ф. ст., которое, какъ извѣстно, на 8% ниже дѣйствительной стоимости, и мѣди — 1052 тысячи ф. ст.[1].

Разница между нарицательной и дѣйствительной стоимостью размѣнной монеты должна опредѣляться главнѣйшимъ образомъ практическими соображеніями о возможности и выгодности поддѣлки. Если разница эта будетъ значительно велика, то, судя по опыту, ее довольно трудно избѣжать. Mollien въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ о поддѣлкѣ французскихъ су въ Германіи и Англіи. Во времена первой имперіи существовали за границей цѣлыя фабрики (fabrique des sous), занимавшіяся этимъ промысломъ и сбывавшія свой продуктъ во Францію контрабанднымъ путемъ. У Шторха приведены вычисленія Миниха о ввозѣ въ Россію въ первой половинѣ XVIII ст. поддѣльной мѣдной монеты на сумму 6 мил. руб.[2].

4.

Заканчивая этотъ очеркъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о международномъ движеніи драгоцѣнныхъ металловъ, какъ всемірныхъ денегъ, money of the world. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ этого движенія, большихъ міровыхъ теченій ихъ, мы остановимся на немъ, какъ на существующемъ фактѣ, все равно, чѣмъ бы ни направлялось это движеніе, международнымъ

[1] Fenn's Compendium, 1869. p. 149.
[2] Diction. de l'éc. pol. T. I. Billon.

ли торговымъ балансомъ, охранительными или запретительными тарифами, пониженіями и повышеніями дисконта и т. д. Какъ бы то ни было, разница между активомъ и пассивомъ международнаго разсчетнаго баланса уплачивается деньгами. Уплата эта можетъ производиться въ данномъ случаѣ переводными векселями, купонами, государственными фондами, акціями, облигаціями и разными иными кредитными цѣнностями (titres et effets), устраняя, такимъ образомъ, уплату наличными въ данный моментъ времени; но по существу дѣло измѣняется отъ этого очень мало, такъ-какъ обыкновенно значительная часть этихъ кредитныхъ цѣнностей является результатомъ сдѣлокъ на наличныя, сопровождавшихся, слѣдовательно, передвиженіемъ металла.

Разсматривая статистическіе отчеты ввоза и вывоза драгоцѣнныхъ металловъ, легко замѣтить, что всѣ страны безъ исключенія, даже и едва принимающія участіе въ международномъ общеніи, изъ года въ годъ не только вывозятъ, но ввозятъ большую или меньшую сумму драгоцѣнныхъ металловъ. И если нельзя сказать, чтобы каждая изъ этихъ странъ вывозила и ввозила по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, то по-крайней-мѣрѣ это вѣрно по отношенію каждой изъ нихъ къ Англіи, какъ общему коммиссіонеру всего цивилизованнаго и нецивилизованнаго міра.

Съ 1858 по 1866 г. включительно ежегодный ввозъ и вывозъ золота и серебра въ Англію и изъ Англіи, изъ всѣхъ и во всѣ почти страны пяти частей свѣта, куда входятъ, между прочимъ, Азорскіе и Канарскіе острова, западные и южные берега Африки, Бразилія, Колумбія и т. д., равнялся — въ мил. фунт. стер.:

Ввозъ:

29,5	37.0	22.9	18.7	31.6	30.0	27.7	21.4	34.2	23.8

Вывозъ:

19.6	35.6	25.5	20.8	29.3	26.5	23.1	15.0	21.6	14 3*

* Statistical Abstract for the United Kingdom from 1853 to 1867. p. 81 et 84.

Пересылка денегъ изъ страны въ страну влечетъ за собой расходы, соединенные съ рискомъ, которые желательно, конечно, по-возможности уменьшить. При одинаковой задолжонности двухъ странъ, когда платежи и полученія одной покрываются платежами и полученіями другой, разсчетъ, очевидно, можетъ быть произведенъ безъ пересылки металла. Мѣстные импортеры купятъ приказы платежей, переводные векселя, у мѣстныхъ же экспортеровъ и пошлютъ ихъ своимъ кредиторамъ, которымъ и уплотятъ дебиторы экспортеровъ. Въ этомъ случаѣ, когда спросъ на векселя равняется предложенію ихъ, послѣдніе будутъ продоваться безъ всякой преміи и безъ всякой потери или, какъ говорятъ, вексельный курсъ будетъ стоять al pari, т. е. вексель въ 40.000 фр. на Парижъ въ С.-Петербургѣ прійдется заплатить 10.000 рубл. сер., металлическихъ — конечно. Но al pari даже и при этихъ условіяхъ возможенъ лишь тогда, когда не будетъ принятъ во вниманіе срокъ уплаты векселей, высота дисконта въ Парижѣ и С.-Петербургѣ, разница въ доброкачественности монетъ русской и французской, колебанія въ отношеніяхъ стоимости металловъ и т. д., не говоря, конечно, о томъ случаѣ, когда въ одной изъ странъ обращаются обезцѣненныя бумажныя деньги, что совсѣмъ измѣняетъ если не суть, то форму дѣла. Но вліяніе всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ на основаніи вексельнаго курса можетъ быть опредѣлено количественно и, за вычетомъ его изъ преміи или потери, получится остатокъ, который и будетъ показателемъ взаимной задолжонности странъ въ данный моментъ времени. Показатель этотъ, выражающійся въ процентѣ повышенія или пониженія мѣстной или иностранной денежной единицы, смотря по принятому обычаю помѣтки вексельнаго курса [1], имѣетъ весьма

---

[1] Такъ, изъ С.-Петербурга на Лондонъ фиксируется рубль и цѣна его обозначается въ пенсахъ, 38 1/4 п. пари. Изъ Парижа на Лондонъ фиксируется фунтъ стерлинговъ и цѣна его обо-

тѣсныя границы колебанія и maximum его опредѣляется стоимостью пересылки металла и сопряженными съ нею расходами. Каковы бы ни были отношенія спроса и предложенія векселей, очевидно, что, покупая вексель, для избѣжанія расходовъ по пересылкѣ денегъ, никто не захочетъ платить премію, которая превосходила бы эти расходы.

Въ дѣйствительности счеты одной страны ликвидируются по общему балансу со всѣми странами; платежи въ Америку Россія покрываетъ векселями на Лондонъ, но это не измѣняетъ сути дѣла. Вексельный курсъ, по-скольку онъ не зависитъ отъ постороннихъ сейчасъ упомянутыхъ причинъ и вліяній, служитъ вообще прямымъ указаніемъ отношеній ввоза и вывоза драгоцѣнныхъ металловъ. И хотя «les produits ne s'achètent qu'avec les produits», тѣмъ не менѣе, современная практика и теорія придаетъ громадное значеніе факту вывоза и ввоза денегъ, какъ явленію производному отъ очень важныхъ общественно-хозяйственныхъ факторовъ и въ свою очередь порождающему явленія не менѣе важныя. Давно оставленъ фритредерскій взглядъ на значеніе неблагопріятнаго вексельнаго курса, какъ на симптомъ увеличивающагося благосостоянія страны[1]. Обозначая собою отливъ металла, неблагопріятный вексельный курсъ считается

значается въ франкахъ, 25,21 fr. пари. Изъ Лондона на Нью-Іоркъ фиксируется долларъ, $49^1/_5$ п. пари. на Калькутту — рупій, 23 п. пари, на Лиссабонъ-мильрейсъ, $53^1/_4$ п. пари, на Гамбургъ фиксируется фунтъ стерлинговъ — 13 марокъ 12 шил. пари, на Константинополь — ф. ст., 140 піастровъ пари, на Вѣну ф. ст., 13 гульд. 70 кр. пари, на Франкфуртъ 10 ф. ст. 121 флориновъ пари. См. Tenn's Compendium. p. 137.

[1] *Coquellin*, Du Crédit et des Banques: «Le change défavorable n'est point la cause detérminante des crises, car il est plutot un symptome de prosperité croissante».

зломъ совершенно основательно, зломъ, сильно угнетающимъ промышленный и торговый рынокъ страны[1]. Металлическій резервъ, 20 милліардовъ слишкомъ руб. сер. — есть основаніе, базисъ, на которомъ покоится все зданіе кредитно-бумажнаго обращенія. Незначительное потрясеніе основанія грозитъ опасностью всей этой гигантской постройкѣ, которая въ такъ-называемые кризисы если не падаетъ, то во всякомъ случаѣ обрушивается. Вотъ почему помѣтки вексельнаго курса играютъ такую важную роль въ денежной политикѣ вообще, служа, по выраженію Гошена, «непогрѣшимымъ коммерческимъ барометромъ». Съ этой точки зрѣнія, выраженія благопріятный и неблагопріятный, выгодный и невыгодный вексельный курсъ характеризуютъ общее экономическое состояніе страны, если только колебанія вексельныхъ курсовъ таковы, что можно сдѣлать рѣшительное заключеніе о склоненіи ихъ въ ту или другую сторону. Если выраженія эти и были, какъ думаетъ Гошенъ[2], результатомъ того ложнаго ученія, что «l'objet du commerce est d'attirer l'or», то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы, съ паденіемъ этого ученія, утратили свое значеніе и сами выраженія, тѣмъ болѣе, что и само ученіе пало развѣ въ томъ смыслѣ, что невѣрно признавалось цѣлью то, что было лишь средствомъ къ ея достиженію; безъ средствъ же и цѣль не можетъ быть достигнута[3]. Неблагопріятный или, какъ у насъ принято выражаться,

---

[1] *Laveleye*, Le marché monétaire. p. 122: «Le crises résultent toujours d'une contraction des intermédiaires de l'échange, la monnaie et le crédit».

[2] Théorie des changes étrangers. p. 89.

[3] Въ другомъ мѣстѣ, p. 91, Гошенъ говоритъ, что « il n'y a pas de contradiction entre l'expression de change favorable ou défavorable et la nature des faits dont ces changes démontrent l'existence ».

низкій вексельный курсъ обозначаетъ отливъ металла за границу; отливъ этотъ влечетъ за собою немедленное повышеніе дисконта, повышеніе дисконта въ свою очередь повышаетъ вексельный курсъ. Это взаимнодѣйствіе объясняетъ постоянное колебаніе того и другого, которое продолжается обыкновенно до первыхъ симптомовъ кризиса, прекращается во все время существованія послѣдняго, достигая своихъ максимальныхъ предѣловъ, своего зенита въ самый разгаръ кризиса и, въ слѣдъ за-тѣмъ, по мѣрѣ его уменьшенія возвращается опять къ нормѣ, чѣмъ и знаменуется совершенное минованіе кризиса.

II.

КРЕДИТЪ.

Послѣ главныхъ элементовъ производства, кредитъ занимаетъ одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ въ числѣ факторовъ соціально-экономической жизни. Видоизмѣняясь количественно и качественно, онъ постепенно развился въ цѣлую систему съ окрѣпшею организаціей, извѣстною подъ именемъ банковаго дѣла. Послѣднее, однако, не захватываетъ всей области кридитно-денежнаго обращенія, не отожествляется съ ней вполнѣ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ развитіе банковъ достигло своего апогея. Кредитная система шире банковой системы, состоя къ послѣдней въ отношеніи цѣлаго къ части.

Приспособленіе кредита для различныхъ практическихъ цѣлей, выражаясь по преимуществу въ спеціализаціи банковъ, захватило цѣликомъ, можно сказать, область производства и потребленія и едва коснулось области распредѣленія. Крестьянская реформа 1861 г., поведшая за собой выкупную операцію, едва-ли не первый, хотя и гигантскій шагъ на этомъ пути. Вторымъ, по основной таящейся въ немъ идеѣ, конечно, а не по ожидаемымъ практическимъ результатамъ, можно считать «Крестьянскій поземельный банкъ», открывшійся уже, но еще пока не начавшій своихъ операцій.

Распредѣлительный кредитъ, на которомъ основывались проекты Лассалля (производительная ассоціація), Прудона (Réforme sociale et organisation du crédit) и другихъ, оправдываетъ въ сильной степени возлагаемыя на него надежды въ рѣшеніи

очередного соціальнаго вопроса[1]. Едва въ зародышѣ, кредитъ перераспредѣленія соприкасается съ главными основными задачами соціально-экономической политики и въ этомъ отношеніи составляетъ важнѣйшій отдѣлъ политико-экономической науки. Соціально-историческая миссія капиталистическаго режима исполнилась. Періодъ его полнаго развитія завершается. Взлелѣянный кредитомъ, ему, быть можетъ, онъ будетъ обязанъ и своимъ перерожденіемъ.

Но какъ ни велика, пожалуй, безграничная область примѣненія кредита, какъ ни сложна и разнообразна его организація, тѣмъ не менѣе, экономическая наука должна выяснить его существенный смыслъ и значеніе, опредѣлить его основные принципы, его непосредственную общественно-хозяйственную природу. Подобно тому какъ физика, изслѣдуя законы пара, не предрѣшаетъ и не можетъ предрѣшить его возможное примѣненіе въ будущемъ, такъ и экономическая наука должна предварительно изслѣдовать основные законы кредита, облегчая тѣмъ самымъ всевозможныя манипуляціи съ нимъ для какихъ бы то ни было предстоящихъ задачъ. Обстоятельное изученіе свойствъ и качествъ орудія обусловливаетъ, конечно, умѣлое пользованіе имъ. Общее изслѣдованіе кредита тѣмъ необходимѣе, что все возрастающее колоссальное его развитіе даетъ полное основаніе охарактеризовать его именемъ ближайшее будущее народнаго хозяйства[2].

Сообразно поставленной задачѣ, здѣсь прійдется прослѣдить главнымъ образомъ вліяніе кредита на образованіе и колебаніе цѣнъ. Вопросъ этотъ принадлежитъ, безспорно, къ числу важнѣйшихъ въ общемъ ученіи о кредитѣ.

---

[1] *Lorenz Stein*, Lehrbuch der Verwaltungslehre. S. 295—297. *Кауфманъ*, Банковое дѣло, стр. 32—39.

[2] *Br. Hildebrand*, Nat. Oeconomie der Gegenwart und der Zukunft. S. 276.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кредитъ, его опредѣленіе. Система кредита, ея основаніе. Взаимное отношеніе системъ кредитнаго и денежнаго обращенія.

При всемъ разнообразіи явленій кредита и многочисленности его видовыхъ подраздѣленій, общее родовое опредѣленіе кредита, кредита вообще, не представляетъ никакой трудности. Ошибочность или неточность опредѣленій у большинства экономистовъ является, главнымъ образомъ, вслѣдствіе смѣшенія родовыхъ и видовыхъ признаковъ его. Устраняя послѣдніе и сосредоточиваясь исключительно на первыхъ, т. е. на признакахъ, присущихъ всѣмъ безъ исключенія кредитнымъ явленіямъ, необходимо согласиться, что кредитъ есть не что иное, какъ мѣновая сдѣлка, въ которой полученіе равноцѣнности откладывается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ[1].

---

[1] *St. Jevons*, Geldverkehr. S. 243: «Der Credit ist nichts als Verschieben einer Bezahlung». *Knies*, Geld und Credit. II Abth. S. 6 — 7: «entgeltliche Güterübertragungen, wobei die Leistung des Einen, Creditors in die Gegenwart, die Gegenleistung des Andern, Debitors, in die Zukunft fällt». Къ этой-же категоріи принадлежитъ и извѣстное опредѣленіе Сисмонди — «le crédit n'est, que l'anticipation de l'avenir». Моментъ довѣрія, на который упирала старая школа, Небеніусъ, Рау, Фульда и др.,

Каковы бы ни были недостатки подобнаго рода опредѣленій съ точки зрѣнія научной классификаціи, но разъ удалось уловить общую всѣмъ безъ исключенія явленіямъ одного и того-же типа присущую идею, послѣдняя легко можетъ предохранить отъ многихъ заблужденій, служа критеріемъ всѣхъ разсужденій о значеніи и вліяніи цѣлой системы этихъ явленій въ-ряду другихъ соприкасающихся съ нею явленій общественной жизни.

Исходя изъ основного понятія о кредитѣ, нетрудно порѣшить въ нѣсколькихъ словахъ съ вопросами о томъ, капиталъ или не капиталъ кредитъ, полезенъ ли онъ или вреденъ для народнаго хозяйства, создаетъ ли онъ богатства или перемѣщаетъ ихъ только и т. д. и т. д.

Предварительно слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на раздвоеніе понятія о кредитѣ, встрѣчающееся почти на каждомъ шагу,

---

не долженъ входить составною частью въ опредѣленіе кредита, такъ-какъ реальный, гипотекарный и залоговый, кредитъ въ довѣріи къ должнику, очевидно, не нуждается. Опредѣленія Ад. Вагнера (Lehrbuch der pol. Oek. 1879. I B. S. 85), Маклеода, (Banking, 1855. I v. p. 203: «Credit is based upon confidence»), Бунге («Теорія кредита» 1852, стр. 14) не точны. Односторонне, но вѣрно опредѣленіе гр. Цѣшковскаго (Du Crédit, 1839, p. 5): «le crédit est la métamorphose des capitaux stables et engagés en capitaux circulans ou dégagés», послужившее основаніемъ предложенныхъ имъ «billets de rente», связь которыхъ съ «Rentenprincip» Родбертуса едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Опредѣленіе Кауфмана (l. c. стр. 51), несмотря на всю свою длинноту, не исчерпываетъ, конечно, всѣхъ отличительныхъ свойствъ кредита, а потому неполно и неточно. Несостоятельна такъ-же и поправка Kautsch'a (Das Bankwesen, S. 13), что могутъ обмѣниваться не только настоящія услуги на будущія, «sondern man kann auch zukünftige Leistungen wieder mit zukünftigen Leistungen austauschen».

чуть-ли не у всѣхъ поголовно. То подъ кредитомъ понимаютъ сдѣлку мѣны или купли-продажи въ долгъ, съ обязательствомъ уплаты въ будущемъ, то одно лишь обязательство этой уплаты, вылившееся въ кредитныя цѣнности — вексель, чекъ, банковый билетъ, облигаціи и т. п.

Очевидно, что разница между этими двумя понятіями черезчуръ существенна, чтобы ее можно было игнорировать совершенно безнаказанно. Въ первомъ случаѣ, съ понятіемъ кредита соединяется нераздѣльно понятіе объ экономической дѣятельности, экономическомъ оборотѣ, перемѣщеніи богатствъ безъ участія денегъ въ моментъ совершенія сдѣлки; во второмъ, когда рѣчь идетъ лишь о кредитныхъ знакахъ, сдѣлка, породившая ихъ, можетъ быть дѣятельностью давноминувшею, понятіе кредита въ этомъ разѣ не ассоціируется, слѣдовательно, съ понятіемъ совершающагося экономическаго оборота, хотя и служитъ живымъ его слѣдомъ. Въ первомъ случаѣ, кредитъ — синонимъ обмѣна веществъ соціальнаго организма, это — кредитъ in actu; во второмъ — свидѣтельствуя о прошломъ, онъ можетъ ничего не говорить о настоящемъ, можетъ существовать совершенно пассивно, безъ всякаго участія въ біеніяхъ экономическаго пульса. Безразличная замѣна этихъ двухъ понятій одного другимъ, это незамѣченное раздвоеніе породило немало ошибокъ и противорѣчій въ изслѣдованіи явленій кредита. Подъ кредитомъ слѣдуетъ, поэтому, понимать одновременно и сдѣлку, и ея внѣшнее проявленіе въ формѣ кредитнаго знака или и безъ онаго. Самъ по себѣ кредитный знакъ не есть еще кредитъ, а только обыкновенная составная часть кредитной сдѣлки.

Безспорно, что кредитъ въ первомъ смыслѣ слова, т. е. собственно кредитъ не имѣетъ ничего общаго съ капиталомъ, какъ накопленнымъ богатствомъ, предназначеннымъ къ постоянному самовозрастанію. Полученная въ-кредитъ цѣнность можетъ быть затрачена производительно или непроизводительно. Въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ надо констатировать тотъ или иной родъ затраты, для того чтобы рѣшить — составляетъ ли кредитная сдѣлка плюсъ или минусъ въ общемъ развитіи народнаго благосостоянія. Очевидно, такимъ образомъ, что кредитъ — обоюдоострое орудіе, хозяйственный вредъ и польза котораго зависитъ отъ способа и умѣнія пользованія имъ. На-ряду съ благотворнымъ легко указать и на пагубное вліяніе кредита, притомъ не только коммерческаго, но и поземельнаго, и не только въ производственномъ или потребительномъ, но и въ распредѣлительномъ отношеніяхъ[1].

[1] Увлеченія Дж. Ло (Considérations sur le numéraire et le commerce, 1709) и Пинто (Traité de la circulation et du crédit, 1771), считавшихъ кредитъ магическимъ жезломъ, осуществленіемъ алхиміи, отразились въ проектахъ реформъ финансовыхъ системъ Прайса, Питта и у насъ адмирала Мордвинова («Разсужденіе о пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ», 1824), въ проектахъ образованія спеціальныхъ фондовъ при помощи накопленія капиталовъ, отданныхъ въ ростъ на сложные проценты. Забывая, что дѣйствительное образованіе капиталовъ имѣетъ мало общаго съ образованіемъ ихъ на бумагѣ путемъ несложнаго вычисленія карандашемъ, эти господа надѣялись получить въ нѣсколько десятковъ лѣтъ отчисленіемъ незначительныхъ ежегодныхъ сборовъ милліардные капиталы и дальнѣйшимъ обращеніемъ ихъ изъ сложныхъ процентовъ замѣнить сложную податную систему, покрытіе военныхъ расходовъ и т. д. Послѣдовавшая за-тѣмъ реакція въ лицѣ Сисмонди (Études sur l'éc. pol.), сравнивавшаго кредитныя цѣнности съ картонными пушками китайцевъ, и Цѣшковскаго (Du Crédit, p. 27), доказывавшаго, что «l'anticipation — c'est l'agiotage», смѣнилась болѣе правильнымъ взглядомъ на дѣло, когда одновременно съ положительными стали признавать и отрицательныя стороны кредита. См. наприм. *V. Bonnet*, Le Crédit et les banques d'émission, 1875, Ch. II. Des moyens d'abuser du crédit. pp. 17 — 63.

А разъ это такъ, съ чѣмъ едва-ли можно не согласиться, то кредитъ нельзя считать и богатствомъ, хотя и богатство не есть еще капиталъ. Притомъ и само разсужденіе-то это возможно лишь потому, что въ немъ понятіе кредита замѣнено нечайно понятіемъ цѣнности, передаваемой въ кредитъ, что, конечно, далеко не одно и то-же. Вообще подобнаго рода опредѣленія, основанныя на случайно выхваченной чертѣ сходства, ни къ чему не ведутъ, а насилуютъ лишь языкъ. Маклеоду ничего не стоило доказывать, что «кредитъ — капиталъ», такъ-какъ онъ не додумался до современнаго понятія о капиталѣ, считая его по-просту движущею силой промышленности[1]. Опредѣленію кредита вообще, Маклеодъ предпосылаетъ опредѣленія банковаго и торговаго кредита. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ разсуждаетъ не о кредитѣ, а о кредитныхъ знакахъ[2]. Но о послѣднихъ рѣчь впереди. Здѣсь достаточно припомнить общеизвѣстный фактъ, что кредитныя бумаги зачастую гроша мѣднаго не стоютъ, а капиталомъ можетъ быть только дѣйствительное богатство. Еще легче понять несообразность защищаемаго Маклеодомъ положенія, если отнестись къ кредитнымъ бумагамъ съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія. Для народнаго хозяйства онѣ не имѣютъ ничего общаго съ богатствомъ и тѣмъ болѣе съ капиталомъ.

Не находя возможнымъ останавливаться дольше на этихъ досужихъ вопросахъ, я ограничусь замѣчаніемъ, что кредитъ можетъ способствовать превращенію богатства въ капиталъ, способствуя тѣмъ самымъ увеличенію размѣровъ производства и умноженію народнаго богатства; но, въ то-же время, оставаясь самимъ собою, кредитъ не есть ни богатство, ни капиталъ.

---

[1] Theory and practice of the Banking. I v. p. 260: «By the word «capital» we mean the moving power of commerce».

[2] L. c. I v. pp. 255 — 265.

Ближайшее, непосредственное значеніе кредитной системы для народнаго хозяйства состоитъ въ возможности сравнительно большаго экономическаго оборота при помощи сравнительно меньшаго количества денегъ или, другими словами, развитіе кредита равносильно увеличенію количества денегъ[1]. Существенно видоизмѣняя условія народно-хозяйственнаго производства и распредѣленія, кредитная система въ своемъ непосредственномъ вліяніи на весь комплексъ экономическихъ явленій, сводится въ конечномъ результатѣ къ идеѣ пріумноженія средствъ денежнаго обращенія. По приблизительному вычисленію оказывается, что изъ всей суммы оборотовъ, совершающихся въ Англіи и соединенныхъ Штатахъ сѣв. Америки, 95% приходится на кредитный оборотъ. Слѣдовательно, принимая скорость обращенія денегъ безъ измѣненія, количество ихъ безъ помощи кредита должно бы увеличиться на 2000%, чтобы размѣръ оборотовъ могъ оставаться прежнимъ.

Изъ этого факта легко понять значеніе и степень развитія кредитной системы въ наше время. И такъ-какъ замѣна наличныхъ сдѣлокъ кредитными вызывается необходимостью, а не простымъ желаніемъ или произволомъ, то безъ сомнѣнія развитіе кредитной системы слѣдуетъ считать первичнымъ, самостоятельнымъ началомъ въ структурѣ общественно-хозяйственнаго организма, а не производнымъ только отъ идеи денегъ или денежнаго обращенія. Правда, что нужда въ кредитѣ возможна лишь вслѣдствіе недостатка наличныхъ денегъ для произведенія уплатъ и совершенія покупокъ; изобиліе денегъ могло бы упразднить кредитъ при томъ условіи, однако, чтобы деньги являлись всегда у тѣхъ, которымъ безъ нихъ пришлось бы

---

[1] *Гаттенбергеръ*, Торговый банковый кредитъ. 1870. стр. 23: «Введеніе въ странѣ банка равносильно увеличенію количества денежныхъ знаковъ».

кредитоваться. Но такъ-какъ количество обращающихся денегъ только въ весьма слабой степени зависитъ отъ воли людей, то о произвольномъ вытѣсненіи кредитнаго обращенія денежнымъ, при настоящихъ условіяхъ, нечего и думать. Кридитная система связана органически съ современнымъ строемъ хозяйственной жизни, играетъ въ немъ очень видную роль и, въ довершеніе всего, окрещиваетъ его своимъ именемъ, именемъ кредито-денежнаго хозяйства.

Одновременно съ кредитнымъ, существуетъ и денежное обращеніе, составляющее, какъ сейчасъ было сказано, въ общей суммѣ всѣхъ оборотовъ двухъ наиболѣе передовыхъ странъ, всего 5%. Одновременное существованіе двухъ столь различныхъ системъ обращенія, съ столь диспропорціональнымъ количественнымъ отношеніемъ, невольно наталкиваетъ на слѣдующіе вопросы. Каково взаимное отношеніе двухъ этихъ системъ. Уживаются ли онѣ вполнѣ дружелюбно, обладая одинаковою жизнеспособностью, или между ними происходитъ борьба за существованіе? Нѣтъ ли признаковъ вырожденія металлическаго обращенія, какъ переходной морфологической стадіи высшаго кредитнаго типа обращенія? Не вытѣснитъ ли кредитное хозяйство денежное, подобно тому какъ денежное вытѣснило натуральное хозяйство, оставивъ за послѣднимъ значеніе ископаемаго съ прошедшимъ, но безъ будущаго? На чемъ, наконецъ, основывается кредитная система?

Прежде чѣмъ отвѣчать на поставленные вопросы, необходимо провести разграниченіе между тремя видами кредита — частнаго, общественнаго и государственнаго, смотря по тому, кто является въ дѣлахъ должникомъ, кто получаетъ кредитъ, частное ли лицо, товарищество ли, община, городъ, провинція или государство. Соціально-экономическое значеніе и вліяніе общественнаго и государственнаго кредита на-столько разнствуютъ отъ значенія и вліянія кредита частнаго, что говорить объ нихъ

въ-общую въ большинствѣ случаевъ невозможно. Разница между дебиторомъ-государствомъ и частнымъ лицемъ до-того существенна, что кромѣ имени между ними нѣтъ, пожалуй, ничего общаго. Полному отожествленію этихъ разнородныхъ понятій мы обязаны, главнымъ образомъ, неправильнымъ развитіемъ государственнаго кредита, той непомѣрной задолженностью, подъ тяжкимъ бременемъ которой томятся бюджеты всѣхъ почти государствъ. Но объ этомъ — въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ о бумажныхъ деньгахъ, составляющихъ, какъ извѣстно, одно изъ обыкновеннѣйшихъ чрезвычайныхъ финансовыхъ средствъ и наиболѣе оригинальную форму государственнаго кредита[1].

Кромѣ сдѣланныхъ оговорокъ, слѣдовало бы еще принять во вниманіе и историческія формы одного и того-же вида кредита, напр., торгово-промышленнаго въ ярмарочномъ и банковомъ стадіяхъ его развитія. Признавая вполнѣ возможность такой дифференціаціи и ея научное практическое достоинство даже въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, мы попытаемся рѣшить поставленные вопросы по отношенію къ кредитной системѣ, какъ интеграціи всѣхъ видовъ кредита, исключая бумажно-денежнаго въ строгомъ смыслѣ слова. Несходство въ частностяхъ не исключаетъ возможности сходства въ цѣломъ, и если-бы его не было вовсе, то, очевидно, мы имѣли бы дѣло съ явленіями не одного, а различныхъ типовъ, съ явленіями, которыхъ нельзя было бы подвести подъ одну и ту-же рубрику.

---

[1] Считая всѣ формы и виды кредита составными частями кредитной системы, системы платежей, покупокъ и продажъ, экономическаго оборота безъ посредства денегъ (исключая, впрочемъ, мѣны, strict barter), изслѣдованію послѣдней слѣдовало бы, сообразуясь съ требованіями строго-научнаго метода, предпослать изслѣдованіе первыхъ или, другими словами, слѣдовало

Кредитное обращеніе въ цѣломъ, въ отличіе отъ кредитной сдѣлки, основывается на полномъ вытѣсненіи денегъ, какъ орудія обращенія. Платежъ деньгами, только отсрочиваемый въ сдѣлкѣ, въ системѣ кредитныхъ оборотовъ или устраняется совсѣмъ или низводится почти до нуля, до ничтожной суммы сравнительно съ размѣромъ всѣхъ кредитныхъ оборотовъ. Бросая бѣглый взглядъ на безконечно разнообразные способы погашенія долговъ въ странахъ высоко развитыхъ въ экономическомъ отношеніи, мы видимъ, что деньги играютъ въ этомъ случаѣ весьма незначительную роль. Область возмездныхъ отношеній, хозяйственная жизнь слагается изъ цѣлаго ряда взаимныхъ услугъ, обмѣна имуществъ, труда и его произведеній. Каждому обязательству, съ одной стороны, соотвѣтствуетъ право на обязательство — съ

бы предпослать анализъ синтезу. Но такая постановка едва-ли привела бы къ синтетическому рѣшенію вопроса, особенно съ принятой здѣсь точки зрѣнія образованія и колебанія цѣнъ, если припомнимъ, что общественная жизнь есть лишь сумма или сложеніе причинъ соціальныхъ явленій. Притомъ и общепринятая терминологія, неразличающая пока между понятіями кредита и кредитной системы, совсѣмъ выдѣляетъ изъ послѣдней явленія бумажно-денежнаго хозяйства, чему можно найдти фактическое основаніе тамъ, гдѣ бумажныхъ денегъ вовсе нѣтъ. Въ свою очередь, и изслѣдованія о бумажныхъ деньгахъ совершенно выдѣлились изъ общихъ изслѣдованій о кредитѣ. По-крайней-мѣрѣ это можно сказать относительно количественной, качественной и флаціонистической теорій бумажныхъ денегъ. Исключеніе составляетъ абсолютистическая теорія въ ученіи новѣйшихъ американскихъ экономистовъ, хотя уже у первыхъ ея представителей, она, по самому существу своему, должна была непремѣнно охватить всю область денежнаго обращенія. См. *Hill*, Liberty and Law under federative government, 1873; его-же: Absolute money. 1875.

другой, дебету соотвѣтствуетъ кредитъ, пассиву — активъ. И такъ-какъ «les produits ne s'achètent qu'avec les produits», то каждый, покупая, долженъ непремѣнно продавать, уплачивая за то, что покупаетъ, тѣмъ, что продаетъ. При идеально совершенной очисткѣ долговъ, какую можно было бы себѣ представить даже и при нынѣшнемъ неустройствѣ производственно-распредѣлительныхъ отношеній, кредитная система, одна, безъ помощи денегъ, могла бы, съ громадною пользой для народнаго хозяйства, удовлетворять вполнѣ всѣмъ требованіямъ экономическаго оборота. Въ XVI, XVII и началѣ XVIII столѣтія, когда капиталъ еле обрисовывалъ контуры своихъ будущихъ поползновеній, когда только зарождались еще его тенденціи и когда, слѣдовательно, соціально-экономическая анархія, съ ея періодическими банкротствами, кризисами и крахами была почти неизвѣстна, очистка долговъ взаимными обязательствами, безъ посредства денегъ, не смотря на сравнительно незначительное развитіе торговыхъ оборотовъ, достигала громадныхъ размѣровъ. По свидѣтельству современниковъ, десятки и даже сотни милліоновъ очищались буквально безъ всякаго участія наличности. Громадныя европейскія ярмарки въ родѣ ліонской или лейпцигской, были правильно организованными разсчетными домами, Clearing-house'ами современнаго Лондона или Нью-Іорка[1]. Случаи не-

---

[1] Modus operandi при составленіи балансовъ и заключеніи saldo на ліонской ярмаркѣ описанъ у Savary въ его извѣстномъ «Le parfait Négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce», 1675, Paris, 2 т. Смот. *Boisguillebert*, Dissertation sur la Nature des richesses, ed. Daire, 1851, p. 377: «Les foires de Lyon prouvent l'erreur du sentiment contraire toutes les années, lesquelles étant tantôt bonnes et tantôt mauvaises, on n'en peut nullement attribuer la cause à l'abondance ou au défaut de l'argent, puisque sur un commerce

состоятельности бывали очень рѣдки и часто производились уплаты за честь векселя. То-же самое, только въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ, видимъ мы и въ настоящее время. Ежедневно, въ періоды нормальнаго теченія дѣлъ, совершается масса оборотовъ взаимнымъ погашеніемъ обязательствъ, сведеніемъ общаго баланса всѣхъ долговъ и кредитовъ безъ всякаго участія денегъ; система разсчетныхъ домовъ упраздняетъ буквально употребленіе наличности въ отношеніяхъ своихъ кліентовъ. Банковая и каждая иная организація кредита дѣлаютъ то-же самое, хотя и въ нѣсколько слабѣйшей степени и въ иной формѣ. Всѣ кредитныя сдѣлки безъ исключенія оставляютъ по себѣ слѣды въ кредитныхъ знакахъ, коммерческихъ книгахъ, векселяхъ, чекахъ, депозитныхъ и банковыхъ билетахъ, которые и замѣняютъ собою деньги, какъ орудіе обращенія. Каковъ бы ни былъ источникъ ихъ происхожденія, т. е. покрываютъ ли они собою производительныя хозяйственныя операціи или непроизводительныя, будутъ ли онѣ реальными или фактивными, аккоммодаціонными бумагами, все равно, они гласятъ на извѣстную сумму денегъ, даютъ ихъ владѣльцамъ право на полученіе извѣстной суммы денегъ. Является вопросъ—дѣйствительное ли это право или фиктивное только? Могутъ ли всѣ эти требованія конвертироваться по желанію ихъ владѣльцевъ, реализоваться въ золотѣ или серебрѣ? Едва-ли лучшимъ отвѣтомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить

---

de vente et de revente de plus de quatre-vingts million qui les compose, on n'y a jamais vu un sou marqué d'argent comptant; tout se fait par échange et par billets, lesquels, après une infinité de mains, retournent enfain au premier tireur, ainsi qu'on déjà dit». Онъ приводитъ этотъ фактъ въ доказательство возможности «mettre les métaux precieux à la raison, qui sont d'être valets et esclaves du commerce uniquement et non ses tyrans».

приведенное уже выше отношеніе существующаго количества денегъ къ общей суммѣ всѣхъ оборотовъ. Отношеніе это, по приблизительному вычисленію Макса Вирта, составляетъ: въ Англіи — 5%, въ Германіи, Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи — 10% и во Франціи — 15%. Фактъ этотъ самъ по себѣ далеко не доказываетъ того, что хотѣли доказать имъ Коллвель и абсолютисты. Онъ не доказываетъ, что кредитная система неосновывается на «a specie basis», въ смыслѣ индифферентнаго отношенія къ количеству денегъ, какъ законному средству погашенія обязательствъ. Диспропорціональное отношеніе количества денегъ къ суммѣ кредитныхъ орудій обращенія доказываетъ лишь безусловную невозможность достать въ данный моментъ времени металла на всю сумму кредита и дебета, если сумму эту угодно вычислять не по правиламъ элементарной ариѳметики. Кредитъ и дебетъ, вѣдь это — плюсъ и минусъ, которые при сложеніи, какъ извѣстно, вычитаются, а не складываются.

Къ этой невинно-наивной ошибкѣ сводятся всѣ разсужденія о полной независимости кредитной системы отъ системы денежнаго обращенія. Когда говорятъ объ общей и quasi-естественной невозможности металлическаго покрытія кредитныхъ бумагъ (impossibility of convertibility), то подъ покрытіемъ подразумѣваютъ въ данномъ разѣ что-то очень смутное, о чемъ довольно трудно составить себѣ надлежащее понятіе. А между-тѣмъ, вопросъ этотъ очень важенъ, требуетъ категорическаго рѣшенія и, главное, вполнѣ его допускаетъ.

«Tout vendeur doit être acheteur, et vice versa»[1]. Всѣ производители — въ то-же время и потребители. Фабриканты, купцы и ремесленники, но не рабочіе, замѣтимъ къ слову, покупая, продаютъ товары, и на-оборотъ. Производственный процессъ одного заканчивается тамъ, гдѣ начинается производственный процессъ дру-

[1] *Boisguillebert*, l. c. p. 383.

гого. Сложная кооперація, связывая въ одну неразрывную цѣпь отдѣльные акты частно хозяйственной дѣятельности, съ одинаковою необходимостью заставляетъ однихъ продавать, а другихъ покупать въ кредитъ во-избѣжаніе потери времени и убыточной пріостановки производства. Выдавая и получая кредитныя обязательства, всѣ эти лица неимѣютъ обыкновенно и сотой части того количества денегъ, какое пришлось бы имъ уплатить по своимъ долгамъ, безъ соображенія о слѣдуемыхъ имъ полученіяхъ. Деньги во всѣхъ этихъ операціяхъ функціонируютъ въ роли счетныхъ денегъ, «money of account», идеально, хотя и реальнымъ своимъ содержаніемъ. Кто мало-мальски знакомъ съ современнымъ механизмомъ уплатъ, съ процессомъ очистки долговъ, тотъ понимаетъ очень хорошо, что она возможна безъ участія денегъ, что количество послѣднихъ не имѣетъ для ней прямого, непосредственнаго значенія, такъ-какъ только весьма незначительная доля платежей требуетъ золота и серебра. Въ общемъ, по существу общественно-хозяйственныхъ отношеній, дебеты покрываются кредитами, всѣ дѣйствующія лица готовы встрѣтить свои платежи слѣдуемыми имъ полученіями, отдѣльныя личности могутъ оказаться несостоятельными по какимъ бы то ни было причинамъ, но обыкновенно это нисколько не нарушаетъ нормальнаго теченія дѣла. И только потому, что заинтересованные въ дѣлѣ знаютъ и понимаютъ, что милліонныя цифры сведутся въ балансѣ къ тысячамъ и сотнямъ, только потому и возможенъ фактъ колоссальнаго развитія кредитной системы при столь незначительномъ сравнительно размѣрѣ денегъ. Денежное покрытіе кредитныхъ обязательствъ, слѣдовательно, вполнѣ возможно и, какъ свидѣтельствуетъ историческій опытъ, безусловно необходимо. Въ этомъ смыслѣ, поэтому, деньги составляютъ основаніе или базисъ всей кредитной системы[1].

---

[1] Collvell (Ways and Means of Payement, 1859), несмотря на постоянное отрицаніе металлическаго основанія кредитной си-

Она какъ-бы покоится на нихъ и при первомъ потрясеніи основанія или разрушается совсѣмъ или сильно потрясается. Вся система держится до тѣхъ поръ, пока существуетъ убѣжденіе, что балансы могутъ быть покрыты деньгами, что хватитъ денегъ для подведенія итоговъ. Итоги же будутъ тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ безостановочнѣе и успѣшнѣе будутъ дѣйствовать всѣ колеса громадной машины. Кредитъ будетъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ ближе къ истинѣ въ данное время, что каждый покупаетъ лишь за то, что самъ продаетъ. Въ этомъ положеніи— необходимое условіе процвѣтанія кредитной системы, такъ-какъ оно одно гарантируетъ возможность конвертированія кредитныхъ обязательствъ. Связь и логическое соподчиненіе этихъ двухъ положеній не могутъ быть оспариваемы. Если угодно, можно, пожалуй, и то и другое считать основаніемъ кредитной системы; дѣло лишь въ томъ, чтобы констатировать фактическую необходимость денежнаго покрытія, «a specie basis» кредитной системы. Съ этой точки зрѣнія, всѣ кредитные знаки слѣдуетъ считать «формой денежныхъ требованій»[1].

стемы соглашается въ концѣ концовъ, что «their use (т. е. денегъ) in the banks is purely precautionary, and as a security to the public against overissue, and for payement of balances between banks (p. 393.). Страницей раньше, впрочемъ, онъ негодуетъ на то, что «the distinction between the agency of coins and the process of adjustement being lost sight of, it was assumed that the precious metals, or money, was the basis of this most effective means (банковыхъ билетовъ) of settling debts» (p. 291). По послѣдней цитатѣ, Colwell'a можно бы, пожалуй, отнесть къ абсолютистамъ, къ которымъ онъ, однако, не принадлежитъ, хотя и сослужилъ имъ службу своимъ ученіемъ о кредитѣ и въ-особенности ученіемъ о счетныхъ деньгахъ.

[1] *Спенсеръ*, Опыты, II. стр. 82.

Общеизвѣстныя явленія кризисовъ служатъ яркою иллюстраціей доказываемаго положенія. Зловѣщіе признаки ихъ проявляются, прежде всего, въ стѣсненіи кредита и, въ-слѣдъ за-тѣмъ, въ уменьшеніи металлическихъ резервовъ. Ощущая ненормальность общаго состоянія дѣлъ, будь это «over-production», «over-trade» или «glut», дѣловой міръ поддается паникѣ при первомъ значительномъ повышеніи учетнаго процента, зная по опыту, что это повышеніе — прямой результатъ истощенія банковыхъ запасовъ. Первый набѣгъ на кассы (run upon the bank, drain upon the bank) довершаетъ дѣло и «season of panic» въ разгарѣ. Толпа набрасывается на банки при первомъ удобномъ случаѣ. Въ кризисъ 1825 г. въ Лондонѣ одинъ изъ банковъ Lombard-Street'a подвергся набѣгу благодаря тому, что занемогшая женщина присѣла отдохнуть у его порога, а толпа приняла ее за убитую горемъ и разоренную кліентку банка[1].

Случаевъ подобнаго рода можно бы привести очень много и всѣ они далеко не доказываютъ легкомысленности публики, какъ стараются увѣрить многіе. Толпа въ данномъ случаѣ соображаетъ совершенно правильно, чутко слѣдя за малѣйшимъ поползновеніемъ на металлическій резервъ. Она хорошо понимаетъ, что обыкновенный его размѣръ достаточенъ для покрытія только потому, что каждый покупаетъ за то, что самъ продаетъ (credit and debt are counterparts). Въ періодъ же кризиса, этотъ ос-

---

[1] *Morier Evans*, History of com. crisis 1859, p. 2: In fact, even in ordinary times, if the Bank-directors sit a few minutes longer than usual in considering their charge for lending money something is apprehended to be wrong, and people want to know the reason if a succession of rises in the Bank's rate of interest takes place the reserve is supposed to be endangered, the basis of our credit system shaking. См. The Rationale of Market Fluctuations, by a City editor, 1876, p. 48.

новной критерій общественно-экономической состоятельности исчезаетъ, хозяйственная дѣятельность не оправдываетъ возложенныхъ на нее надеждъ, произведенное некому продать и за потребленное или затраченное въ производство нечѣмъ заплатить. Уменьшеніе кассовой наличности констатируетъ фактъ порочности кредитныхъ операцій. Онѣ требуютъ больше денегъ, потому что больше звеньевъ порвалось въ безконечной цѣпи взаимной задолженности. Запасъ металла служитъ барометромъ кредитной системы: отливъ каждой тысячи показываетъ на ухудшеніе, приливъ — на улучшеніе ея состоянія. Въ моментъ отлива всѣ спѣшатъ получить по своимъ кредитамъ хотя сколько-нибудь, чтобы не потерять всего. Значеніе кредитныхъ обязательствъ, какъ денежныхъ требованій, выступаетъ здѣсь очень явственно и потому не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій. Они теряютъ въ своей цѣнѣ, по мѣрѣ уменьшенія вѣроятности денежнаго покрытія. Послѣдняя уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ металлическаго запаса, которое предшествуетъ обыкновенно каждому замѣтному сокращенію кредита[1].

---

[1] За необходимость увеличенія кассоваго резерва банка Англіи, служащаго чуть-ли не единственнымъ обезпеченіемъ пассива всѣхъ почти англійскихъ банковъ, стоятъ въ настоящее время извѣстнѣйшіе экономисты страны. Bagehot (Lombard-Street, 1873) доказалъ съ статистическими данными въ рукахъ, что 14 — 15 мил. ф. ст. заставляютъ банкъ реагировать повышеніемъ дисконта, 11 — 11,5 мил. по меньшей мѣрѣ едва обезпечиваютъ его состоятельность, а 10 мил. составляютъ уже опасный минимумъ. Предостерегая отъ такого опаснаго положенія дѣлъ, отъ такой чрезмѣрной централизаціи металлическаго фонда, Беджготъ замѣчаетъ, что «on the wisdom of the directors of that one jointstock company it depends whether England shall be solvent or insolvent». Inglis Palgrave («Notes on Banking» въ Jour. of st. soc. 1873, March, и Analysis of Bank of England, 1874, p. 20 и сл.), указывая

Рѣшая вопросъ взаимнаго отношенія кредитной и денежной системъ, мы имѣли въ-виду исключительно функцію обращенія денегъ, полное упраздненіе которой не достигается и наивысшимъ

на постоянное процентное уменьшеніе съ 1846 по 1872 г. отношенія банковаго резерва банка Англіи къ его обязательствамъ, «if the banker's balances had been included in it», полагаетъ, что если-бы «the bankers were to keep their own reserves, and publish them weekly or monthly, these reserves would be much larger, business would be of a far more solid character, and more even in its tenor». Seyd (Das London Bank-, Check- und Clearinghouse-System, 1874, S. 16), восхищающійся кредитною системой Англіи, соглашается, однако, что «Baargeld doch die Basis alles Tausches ist. Hätte man dieses System nicht, so müsste der Vorrath von Metallgeld bedeutend grösser sein. Letzteres dient jetzt gewissermassen als Reserve und gewährt dem Handel Garantie». V. Bonnet (l. c. pp. 309—310): «Quelque solide que soit le crédit de l'Angleterre, la base en est quelquefois si étroite, que la moindre secousse suffit pour l'ébranler; ce pays ne résiste pas aux crises aussi bien que le nôtre et cela tout simplement parce qu'il engage trop l'avenir». Въ этомъ отношеніи поколеблено ученіе Тука, Фуллъртона, Вагнера и др., что денежные запасы банковъ нужны болѣе для международныхъ платежей, когда послѣдніе вызываютъ «drain upon the bank», чѣмъ для внутреннихъ, когда обнаруживается «run upon the bank». Въ этомъ состоитъ неправильная, несогласная съ фактами сторона ученія о «hoards», disponible Geldvorräthe, см. *Ad. Wagner*, System der Zettelbankpolitik. 1873. S. 233—234. Она, впрочемъ, не имѣла существеннаго значенія въ трудахъ этихъ экономистовъ, стоящихъ, безспорно, за металлическое основаніе кредитныхъ орудій обращенія. См. *Ad. Wagner*, l. c. S. 598, его-же Beiträge, S. 49, 170, и во всѣхъ остальныхъ его сочиненіяхъ.

изъ извѣстныхъ типовъ организаціи кредита, разсчетными домами, если не считать чековыхъ банковъ, о которыхъ пока говорить преждевременно. Деньги не только обращаются одновременно съ кредитными знаками, но количество ихъ, несмотря на развитіе кредитной системы, увеличивается изъ года въ годъ, какъ показано было выше.

Но если кредитные знаки могутъ съ пользой и успѣхомъ замѣстить деньги, какъ орудіе обращенія и сбереженія (французская рента, англійскіе консоли и вообще государственные фонды, акціи, облигаціи) и то, какъ показываетъ опытъ, до извѣстной степени, то они безсильны въ борьбѣ съ деньгами, какъ орудіемъ измѣренія стоимости. Не имѣя самостоятельной стоимости, кредитныя бумаги не могутъ соперничать въ этомъ отношеніи съ деньгами. Впрочемъ, съ деньгами въ современно-экономическомъ смыслѣ слова, т. е. золотомъ и серебромъ, а не съ деньгами въ смыслѣ юридическомъ, какъ законнымъ средствомъ платежа или погашенія обязательствъ[1]. Послѣдняя оговорка необходима не только въ-виду факта бумажныхъ денегъ, цѣна и стоимость которыхъ во всякомъ случаѣ спорны, но и въ-виду того обстоя-

---

[1] Возможны ли деньги при иномъ соціально-экономическомъ режимѣ, не въ формѣ драгоцѣннаго металла, это — вопросъ открытый; мы вернемся къ нему въ разборѣ ученія абсолютистовъ. Во всякомъ же случаѣ ошибочно считать золото и серебро единственнымъ и исключительно-пригоднымъ средствомъ измѣренія стоимости, какъ это дѣлаетъ, наприм., Воловскій (La-Banque d'Angleterre, er les banques d'Ecosse, 1867, p. 253), утверждая, что отожествлять деньги съ ихъ суррогатами — «c'est oublier la première et principale fonction de la monnaie, la fonction qu'elle accomplit sans aucun déplacement, comme mesure de la valeur». Марксъ считаетъ, конечно, металлическую форму денегъ абсолютно-необходимою только при капиталистическомъ строѣ производства.

тельства, что измѣреніе стоимости возможно и при помощи другихъ произведеній труда, хотя, конечно, не съ такимъ удобствомъ, какъ при помощи драгоцѣнныхъ металловъ.

Какъ бы то ни было, разъ существуетъ металлическая форма денегъ, кредитная система не въ состояніи упразднить ее, и послѣдняя, функціонируя одновременно съ первой, будетъ непремѣнно служить основаніемъ первой въ вышеописанномъ смыслѣ. Совершенное исчезновеніе металлическаго обращенія если и возможно, то не вслѣдствіе органическаго саморазвитія кредитной системы, а въ связи съ существеннымъ переустройствомъ соціально-экономическихъ отношеній или, по меньшей мѣрѣ, въ связи съ измѣненіемъ основныхъ началъ нынѣ существующей денежной системы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соціально-экономическое значеніе кредита. Чѣмъ опредѣляется размѣръ кредита. Кредитъ, какъ важнѣйшее средство противъ саморазрушенія капитала. Будущее личнаго кредита. Статистическій законъ, лежащій въ его основаніи (Шульце-Деличъ).

Кредитъ давнымъ-давно сдѣлался излюбленною областью построенія безконечнаго числа проектовъ облагодѣтельствованія человѣческаго рода при помощи болѣе или менѣе хитро придуманной комбинаціи. И Джонъ Ло, и Прудонъ, и Лассаль и Шульце-Деличъ, наравнѣ съ шарлатанами и невѣждами, считали возможнымъ пересоздать міръ, провести соціально-экономическую реформу при помощи соотвѣтственной организаціи кредита. Не входя въ разборъ предложенныхъ системъ и плановъ, не лишне, кажется, сдѣлать попытку рѣшенія общаго вопроса: каковы реальныя основанія надеждъ и упованій, возлагаемыхъ на кредитъ въ этомъ отношеніи? Въ самомъ ли дѣлѣ кредитъ— та мощная, стихійная сила, правильная постановка которой въ въ состояніи рѣшить соціальный вопросъ, излѣчить соціальный недугъ, нищету массъ, нищету матеріальную, а вмѣстѣ съ ней нравственную и умственную?

Само собой понятно, что разъ идетъ рѣчь о кредитѣ, какъ «remedium universale», тутъ ужъ невозможно ограничиться тою

или иною формой его. Выдѣленіе же нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ безусловно негодныхъ для цѣлей соціальной реформы, нѣсколько упроститъ затронутый вопросъ, съуживая если не понятіе о кредитѣ, то, во всякомъ случаѣ, предѣлы всевозможныхъ формъ его проявленія.

Изъ разнообразныхъ видовыхъ подраздѣленій кредита наиболѣе существенное значеніе принадлежитъ двумъ его категоріямъ: кредиту личному и вещному или реальному. Послѣдній, въ свою очередь, подраздѣляется на два подвида: гипотекарный, обезпеченный недвижимымъ имуществомъ, и залоговый — обезпеченный движимостью.

Кредитъ послѣдняго рода представляетъ такую массу неудобствъ, до-того несообразенъ экономически, несостоятеленъ въ нравственномъ отношеніи, что полагаться на него въ будущемъ никому, конечно, и въ голову не прійдетъ. Предѣлъ его совершенствованія—государственный ломбардъ или Mont-de-Piété. Экономисты оставляли безъ должнаго вниманія отрицательныя стороны залоговаго кредита, хотя, правда, никто и не восхищался имъ. Прежде всего, была упущена изъ виду его дороговизна: къ ссудному проценту не присчитывали стоимости найма или проката заложенной вещи, ея непроизводительнаго потребленія въ кладовыхъ ломбарда. Къ тому-же, если принять во вниманіе, что туда несутъ свои пожитки люди, едва обезпеченные крайне необходимымъ, то легко понять, къ какимъ безчеловѣчнымъ результатамъ можетъ привести и часто приводитъ эта наиболѣе популярная, псевдо-филантропическая форма кредита. Терпимая, какъ неизбѣжное зло, она абсолютно негодна для какихъ бы то ни было высшихъ цѣлей.

Нельзя, конечно, такъ категорически осудить гипотекарный кредитъ. Право пользованія заложеннымъ имуществомъ остается здѣсь почти неприкосновеннымъ, и съ залогодателя, слѣдовательно, двухъ шкуръ не дерутъ. Нѣкоторое стѣсненіе свободы об-

ращенія не можетъ быть поставлено въ укоръ этой формѣ кредита, въ-особенности въ наше время, когда поднятъ вопросъ о совершенномъ уничтоженіи частной поземельной собственности. Да и кромѣ того, фактъ частаго передвиженія послѣдней не особенно желателенъ и по другимъ еще основаніямъ. По изслѣдованіямъ Родбертуса Ягетцова, главная причина задолженности прусскихъ «Rittergüter» кроется въ частомъ переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки. Въ 30 лѣтъ, отъ 1835 по 1864 г., 11771 дворянскихъ имѣній подверглись 23654 актамъ переукрѣпленія, слѣдовательно, въ среднемъ выводѣ каждое изъ нихъ больше двухъ разъ перемѣняло своихъ владѣльцевъ. Изъ числа этихъ переходовъ 60% выпадаютъ на долю купли-продажи (freiwillige Besitzveränderungen) и 34% — на пріобрѣтенія по наслѣдству (Erbs-Uebertragungen)[1].

Явленіе задолженности недвижимаго имущества или, правильнѣе, поземельной собственности фактъ далеко небезразличный въ соціально-экономическомъ отношеніи[2]. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій Родбертусъ высказалъ, помнится, мнѣніе, что съ распредѣлительной точки зрѣнія задолженность, по-

---

[1] См. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, 1869. I. B. S. 18 и сл. Между главными причинами задолженности поземельной собственности Родбертусъ считаетъ: 1) Unwirthschaftlichkeit, 2) Unglücksfälle, 3) Meliorationen и 4) Besitzveränderungen durch Erbgang und Veräusserung.

[2] Между сельской и городской недвижимостью существуетъ принципіальная разница: городская недвижимость до нѣкоторой степени — произведеніе труда, хотя и неправъ Родбертусъ, утверждая, что «der städtische Grundbesitz ist willkürlich vermehrbar» и что ея рента не столько непосредственный результатъ der Production, als eines consumtiven Begehrs». l. c. I B. S. 129.

жалуй, довольно отрадное явленіе, на томъ основаніи, что стоимость земли черезчуръ велика, и желательно, поэтому, чтобы возможно бо́льшее число лицъ прямо или косвенно участвовало во владѣніи ею. Высказанный въ порывѣ чувствъ, взглядъ этотъ едва-ли можетъ претендовать на сколько-нибудь серьезное значеніе. Задолженность земли — слово, весьма мало говорящее, само по себѣ. Вопросъ о ней можетъ быть рѣшенъ лишь по соображеніи съ наличными условіями времени и мѣста. Тутъ важно знать, прежде всего, размѣръ задолженности, ея цѣль, платежную силу должника, наконецъ, кому и какъ уплачивается долгъ. Всѣ эти обстоятельства вліяютъ существеннымъ образомъ на рѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ. Совсѣмъ иное дѣло, будетъ ли земля обременена долгами для исключительной цѣли улучшенія и удобренія почвы, осушенія, заселенія, дренажа или же для простого перехода ея въ руки неимущаго или хотя-бы для разрѣшенія вотчинно-крѣпостныхъ, кабальныхъ отношеній. Большая разница, когда уплата процентовъ и погашенія составляетъ незначительную часть получаемаго съ земли дохода и когда она поглощаетъ весь или почти весь чистый доходъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вліяніе задолженности на экономическое положеніе землевладѣльца весьма различно и никоимъ образомъ не можетъ быть подведено подъ одну и ту-же категорію. Въ одномъ случаѣ, она способствуетъ прогрессу земледѣльческой культуры, съ избыткомъ вознаграждая землевладѣльца и земледѣльца, какъ это видно на примѣрѣ Англіи[1]; въ другомъ, на-оборотъ, задерживая развитіе культуры, она разворяетъ въ-конецъ того и другого, чему доказательствомъ можетъ служить современное положеніе нашего помѣщика и крестьянина-землевладѣльца. Первый сдѣлался, по удачному выраженію кн. Васильчикова, арендаторомъ своей соб-

[1] См. *Постниковъ*, Общинное землевладѣніе.

ственной земли и требуетъ въ настоящее время у правительства защиты и покровительства противъ земельныхъ банковъ, созданныхъ его-же, помѣщика, стараніями и заботами послѣ того, какъ были промотаны выкупныя свидѣтельства за отошедшій къ крестьянамъ надѣлъ[1]. А второй изнемогъ подъ бременемъ выкупныхъ платежей и государственныхъ податей, лишенный средствъ для веденія раціональнаго хозяйства, удобренія почвы и пріобрѣтенія необходимѣйшаго живого инвентаря.

Вотъ два противоположныхъ результата задолженности поземельной собственности. Они значительно разнообразятся, если прослѣдить фактическое положеніе гипотечнаго кредита во Франціи, Германіи, Италіи и въ другихъ странахъ. Почти вездѣ задолженность земли доведена до коллосальныхъ размѣровъ; но не вездѣ одни и тѣ-же соціально-экономическія послѣдствія ея. Не отрицая историческихъ заслугъ гипотечнаго кредита, можно ожидать, тѣмъ не менѣе, что со-временемъ онъ уступитъ мѣсто другимъ, болѣе совершеннымъ, формамъ кредита. Далекій отъ вырожденія, гипотечный кредитъ, однако, лишенъ будущаго. Будущее его подточено, такъ-сказать, рѣшительнымъ поворотомъ въ аграрной политикѣ, особенно у насъ, въ Россіи. Даже и при настоящихъ условіяхъ, отчужденіе общинныхъ земель, на случай неисправнаго платежа процентовъ и погашенія, сопряжено съ немаловажными затрудненіями. Въ недалекомъ времени оно достигнетъ, быть можетъ, еще бо́льшихъ размѣровъ, когда вмѣстѣ съ отчужденіемъ, прійдется позаботиться и о переселеніи или выселеніи несостоятельныхъ членовъ общины, а то, пожалуй, и всей общины. Въ предвидѣніи, надо полагать, этого неудобства, по § 14 «Положенія о крестьянскомъ поземельномъ

---

[1] Съ такимъ требованіемъ выступило, по газетнымъ сообщеніямъ, екатеринославское земство въ первое очередное губернское земское собраніе 1883 года.

банкѣ 1882 г.», «исправный платежъ процентовъ по свидѣтельствамъ (выпускаемымъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ) и возвратъ капитала по онымъ обезпечиваются принятыми въ залогъ крестьянскаго поземельнаго банка землями, а также общими средствами правительства». Обезпеченіе «общими средствами правительства», «всѣмъ достояніемъ государства» не есть, конечно, вещественное обезпеченіе. Съ аукціона нельзя продать государство. Въ этомъ отношеніи Мирабо имѣлъ, пожалуй, основаніе, говоря: «j'aimerais cent fois mieux avoir une hypothéque sur un jardin que sur un royaume»[1]. Въ наше время взгляды нѣсколько измѣнились и правительства всѣхъ почти странъ пользуются, какъ извѣстно, громаднымъ кредитомъ безъ всякаго спеціальнаго обезпеченія своихъ займовъ.

Ни залоговый, ни гипотекарный кредитъ не имѣютъ, поэтому, задатковъ долголѣтняго существованія. Вещный кредитъ долженъ уступить мѣсто кредиту личному. Что личный кредитъ, обезпеченный лишь личной предпріимчивостью, можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ гарантировать хозяйственную судьбу индивида, въ этомъ никто не сомнѣвается. Дѣло въ томъ, однако, въ состояніи ли онъ обезпечить экономическое благосостояніе цѣлаго общества, всѣхъ членовъ его, словомъ — рѣшить стоящій на очереди соціальный вопросъ?

И такъ, первоначально поставленный вопросъ о кредитѣ вообще сводится къ вопросу о личномъ кредитѣ. Нельзя сказать, чтобы послѣдній не пользовался довольно широкимъ примѣненіемъ и въ настоящее время: торговый или коммерческій кредитъ — личный по преимуществу. Но все же размѣръ возможнаго и весьма вѣроятнаго развитія его въ будущемъ пока и не обозначился. Экономическая наука сравнительно очень немного занималась этимъ предметомъ, не уяснивъ себѣ даже основныхъ его

---

[1] *P. Clement*, Études financières, 1859. pp. 159 — 201.

принциповъ. Нерѣдко личнымъ кредитомъ считаютъ кредитъ безъ спеціальнаго обезпеченія, кредитъ, основывающійся на юридическомъ имуществѣ лица, какъ общемъ итогѣ всѣхъ его пассивовъ и активовъ. Но такое пониманіе его не соотвѣтствуетъ основной его идеѣ и еще менѣе основнымъ его задачамъ. Личный кредитъ долженъ основываться не на имуществѣ безъ спеціальнаго обезпеченія, а исключительно на довѣріи къ предпріимчивой дѣятельности и трудовой силѣ лица. Въ случаяхъ недобросовѣстной несостоятельности или нежеланія удовлетворить своего кредитора, послѣдній можетъ прибѣгнуть къ законнымъ средствамъ понужденія, которое, прежде всего, должно лечь на имущество должника. Изъ этого, однако, ничуть не слѣдуетъ, что личный кредитъ пользуется имущественнымъ обезпеченіемъ. Имущества у должника можетъ не оказаться вовсе. Тѣмъ не менѣе, и личный кредитъ имѣетъ реальное обезпеченіе, хотя и не имущественное.

Отдѣльное лицо представляетъ, конечно, весьма мало обезпеченій: масса случайностей, предвидѣть которыя нѣтъ никакой возможности, въ томъ числѣ и смерть, можетъ сразу измѣнить его хозяйственное положеніе, раззорить большое состояніе и т. д. Но, какъ извѣстно, случай исчезаетъ въ цѣлой массѣ явленій, какъ физическихъ, такъ и соціальныхъ, превращаясь въ относительный законъ, легко поддающійся вычисленію по теоріи вѣроятностей. Уже Эд. Боркъ наблюдалъ, что группа рабочихъ въ 5-ть человѣкъ представляетъ собою постоянную рабочую силу, что даже въ такой малочисленной группѣ исчезаетъ индивидуальный характеръ особи, уклоненія отъ нормы выравниваются, взаимно покрываясь, такъ-что навѣрное, утверждалъ далѣе Боркъ, изъ числа пяти рабочихъ одинъ особенно прилежный будетъ соотвѣтствовать одному особенно лѣнивому, прилежный — лѣнивому и одинъ окажется среднимъ или нормальнымъ типомъ. Если взять группу болѣе многочисленную, то, безъ со-

мнѣнія, и выравниваніе возможныхъ отклоненій будетъ болѣе полно и возможность предвидѣнія болѣе вѣроятная. Этотъ статистическій законъ долженъ лечь въ основу личнаго кредита, давая полную возможность сообразить и высчитать всѣ шансы потери и успѣха. Сильно развивающееся кооперативное или артельное начало, выдвигая на сцену союзъ многихъ лицъ, товарищество или ассоціацію, облегчитъ возможно широкое примѣненіе системы личнаго кредита. Лишенный матеріальныхъ средствъ, современный пролетарій владѣетъ, однако, рабочею силой, трудомъ, какъ общепризнаннымъ факторомъ производства. Не считая даже трудъ единственнымъ элементомъ, образующимъ стоимость, слѣдовало бы признать за нимъ въ цѣломъ, по-крайней-мѣрѣ, такое-же право на кредито-способность, какъ и за остальными двумя факторами производства. Реальное значеніе труда, какъ гипотеки, подобно землѣ и капиталу, выступаетъ здѣсь съ очевидною силой. Отдѣльный рабочій не представляетъ, какъ сказано выше, никакой гарантіи для кредитора; но когда заходитъ рѣчь объ ассоціаціи рабочихъ, съ солидарной отвѣтственностью всѣхъ за одного и одного за всѣхъ, когда выступаетъ на сцену круговая порука, то дѣло измѣняется, принимаетъ совершенно иной видъ, создавая обезпеченіе, неуступающее по своей надежности обезпеченію, которое принято называть реальнымъ[1]. Одно это соображеніе даетъ нѣкоторое право заключить, что если кредиту суждено играть какую-нибудь

---

[1] См. *Schulze-Delitzch*, Die Genossenschaften in den einzelnen Gewerbszweigen, 1873, S. 3: «Der Einzelne fand keine Beachtung bei der Gesellschaft, weil sie ihn allenfalls entbehren konnte; allein die Arbeitskraft ganzer, grosser, Verbände von Arbeitern ist ihr ebenso unentbehrlich als Grund und Boden und hat daher im Verkehr den Werth einer Hipothek. См. также *Ходскій*, Поземельный кредитъ въ Россіи, 1882. стр. 284.

роль въ устроеніи лучшаго будущаго, то кредитъ этотъ, какъ наиболѣе способный къ возможно широкому развитію, будетъ скорѣе всего кредитомъ личнымъ. Для великаго дѣла нужны вѣдь и великія средства.

Возвращаясь къ нашему вопросу, мы припомнимъ здѣсь, что кредитъ не капиталъ, что перемѣщая капиталъ, онъ не создаетъ новаго самымъ фактомъ перемѣщенія, не увеличиваетъ существующихъ его размѣровъ и въ лучшемъ случаѣ способствуетъ лишь его увеличенію въ будущемъ. Съ точки зрѣнія дебитора, кредитъ — антиципація будущаго; съ точки зрѣнія кредитора — результатъ, утилизація прошедшаго. Въ народно-хозяйственномъ отношеніи точка зрѣнія кредитора, какъ чисто-объективная, важнѣе точки зрѣнія дебитора, такъ-какъ въ обоихъ случаяхъ кредитъ пользуется услугами капитала, какъ результатомъ прошлаго труда. Вотъ почему совершенно неосновательно мнѣніе, что «пользованіе капиталомъ есть употребленіе въ дѣло труда прошедшаго, а пользованіе кредитомъ есть учетъ труда будущаго»[1]. Пользованіе кредитомъ есть всегда пользованіе уже созданнымъ богатствомъ, которое, смотря по способу затраты или по способу употребленія въ дѣло, можетъ быть и не быть капиталомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для избѣжанія недоразумѣній, слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что всѣ ссудныя средства, по своей тенденціи, непремѣнно — капиталъ; они ссужаются съ очевидной цѣлью самовозрастанія, что и составляетъ, какъ извѣстно, отличительный признакъ капитала.

Разъ признанъ фактъ, что кредитъ есть одна изъ формъ потребленія капитала, потребленія производительнаго или непроизводительнаго — все равно, тѣмъ самымъ должно признать логически вытекающее отсюда слѣдствіе, что размѣръ кредита опредѣляется размѣромъ капитала въ томъ смыслѣ, конечно, что размѣръ ка-

---

[1] *Гокъ*, Государств. хозяйство, 1865. стр. 228.

питала — максимальный предѣлъ кредита. Взаимное соотношеніе этихъ двухъ силъ — забытая страница политической экономіи [1].

Условія развитія капитала, его самообразованія и самовозрастанія, по-скольку они изслѣдованы, приводятъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ. Капиталъ сохраняется не тѣмъ, что сберегается, а тѣмъ, что потребляется (Дж.-Ст. Милль). Исходя изъ этого основного положенія, Родбертусу не трудно было доказать, что самоувеличеніе капитала встрѣчаетъ препятствіе въ потребительной силѣ рабочаго сословія, открывая, такимъ образомъ, внутреннюю физіологическую причину потрясеній соціальнаго организма, извѣстныхъ подъ именемъ промышленныхъ кризисовъ. Несоотвѣтствіе между производительною и покупательною силой рабочихъ массъ ставитъ непреодолимыя преграды непрерывно прогрессивному движенію капитала; не только увеличеніе, но и сохраненіе послѣдняго требуетъ его постояннаго участія въ производствѣ, требуетъ соотвѣтствующаго потребительнаго фонда, изъ средствъ котораго его можно было бы возстановить [2]. Смотря по роду производства, пропорція между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ опредѣляетъ въ каждомъ данномъ случаѣ величину необходимаго потребительнаго фонда. Послѣдній состоитъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ постоянному и прямо-пропорціональномъ отношеніи къ оборотному капиталу.

Этотъ основной законъ образованія и наростанія капитала составляетъ ключъ къ пониманію явленій кредита и всѣхъ формъ его дѣйствительнаго и возможнаго проявленія. Отсутствіе необ-

---

[1] *Makleod*, Theory and Practice of Banking, II v. p. 377: «It is an fundamental truth, that capital and credit form the circulating medium, and that they mush increase and decrease together».

[2] *Кауфманъ*, Банковое дѣло. I. стр. 298 и сл.

ходимаго потребительнаго фонда, вызывая переполненіе рынка (encombrement des marchés, glut, over-production) и всѣ послѣдствія, съ нимъ сопряженныя, образуетъ обыкновенную и весьма опасную трещину въ сводѣ капиталистическаго зданія. Капиталисты давнымъ-давно сознали органическій порокъ созданнаго ими режима, и вся промышленная исторія послѣдняго времени свидѣтельствуетъ объ усиліяхъ, направленныхъ исключительно на излѣченіе этого недуга. Придуманными средствами, если не исцѣленія, то, по-крайней-мѣрѣ, временнаго облегченія, оказались, въ порядкѣ историческаго возникновенія, слѣдующія: 1) пріисканіе чужеземныхъ рынковъ для сбыта собственныхъ произведеній; 2) эксплуатація предпріятій, требующихъ затраты громадныхъ постоянныхъ капиталовъ, желѣзно-дорожныхъ напр., строительно-городскихъ и проч., и 3) кредитъ гипотекарный или долгосрочный, послужившій отчасти на пользу земельныхъ улучшеній и перераспредѣленія поземельной собственности и кредитъ государственный.

Въ этихъ трехъ рубрикахъ — все содержаніе такъ-называемой исторической миссіи капитала и его эпохи. Если можно отнестись скептически къ будущимъ благодѣяніямъ колоніальной политики, практикуемой въ наиболѣе чистомъ видѣ буржуазною Англіей со временъ Вильяма Питта, то нѣтъ основаній игнорировать дѣйствительной пользы грандіозныхъ сооруженій, какими обогатился въ наше время весь цивилизованный міръ. Измѣненіе внѣшнихъ условій жизни, въ смыслѣ борьбы человѣка съ природой, покореніе физическаго міра для цѣлей приспособленія — все это очевидный результатъ дѣятельной энергіи капитала. Руководясь инстинктомъ самосохраненія, англійскій капиталъ, напр., не находя соотвѣтственнаго потребительнаго фонда у себя дома, спѣшитъ исполнить свою миссію въ Бразиліи, Мексикѣ и Перу, что не мѣшаетъ въ то-же время англійскому рабочему терпѣть нужду въ удовлетвореніи необходимѣйшихъ по-

требностей. Но капиталистическая эпоха, какъ и всѣ другія,— переходная эпоха къ иной, болѣе свѣтлой, преддверіе если не земного рая, то чего-нибудь такого, гдѣ нѣтъ ни голодной профессіи, ни рабочихъ домовъ. Правда, что, суля будущее взамѣнъ настоящаго, переносятъ безъ всякихъ поправокъ индивидуальную точку зрѣнія въ сферу общественной жизни, не замѣчая, при этомъ, нѣкоторыхъ неудобствъ.

Неудержимое, провиденціальное стремленіе капитала къ самовозрастанію нашло наиболѣе сильную поддержку въ кредитѣ. Сообразно настоятельной потребности капитала, послѣдній измѣнилъ свою физіономію до неузнаваемости. Изъ купли-продажи, съ условіемъ полученія равноцѣнности въ будущемъ, какимъ онъ былъ по преимуществу въ болѣе раннюю эпоху своего развитія, кредитъ преобразился въ денежный заемъ съ долгосрочною уплатой процентовъ и погашенія. Кромѣ того, онъ измѣнилъ и сферу своей дѣятельности, свое прежнее направленіе, приспособляясь къ новымъ потребностямъ своей организаціи. Надежными кліентами долгосрочнаго кредита оказываются земля и государство. Ихъ кредитоспособность превзошла всѣ ожиданія. Цѣнность земли, повышаясь безпрерывно (явленіе гипертрофіи), увеличиваетъ ипотечный фондъ, давая, такимъ образомъ, капиталу выгодное и вполнѣ обезпеченное помѣщеніе. Государственные долги достигли ужасающихъ размѣровъ, угрожая поглотить цѣликомъ податную силу массъ. Главный контингентъ долговъ— непроизводительные займы, народно-хозяйственный вредъ которыхъ не можетъ быть оспариваемъ. Положимъ, еще въ 1864 г. президентъ соединенныхъ Штатовъ сѣвер. Америки въ своемъ « Message » отъ 4-го декабря, когда дѣло шло о новомъ займѣ въ 500 милл. долларовъ на веденіе войны, восхищался идеей государственныхъ долговъ, высказывая, при этомъ, удивительно наивныя соображенія въ-родѣ того, что граждане не могутъ быть отягчены долгами, которые имъ приходится уплачивать са-

мимъ себѣ[1]. Подобнаго рода разсужденія основаны, конечно, на недоразумѣніи, на мистическомъ представленіи о кредитѣ и таинственной связи настоящаго съ прошедшимъ и будущимъ. Забываютъ, что капиталъ — овеществленный результатъ прошлаго труда, что кредитъ одинъ изъ способовъ его передвиженія и что государственный заемъ на непроизводительныя цѣли — безповоротная растрата народныхъ средствъ, тѣмъ болѣе обидная, что связана съ увеличеніемъ на долгое время податныхъ тягостей тѣхъ, кто наиболѣе и непосредственно страдаетъ отъ этихъ растратъ. Кромѣ потерь въ настоящемъ, уплата процентовъ и погашенія по займамъ обременяетъ, очевидно, и будущее. Неправъ, слѣдовательно, Михаэлисъ, доказывая, что «die Abwälzung der Last auf die Zukunft mittelst der Anleihe ist eine Chimäre; denn mit zukünftigem Brode lässt sich kein Soldat speisen, mit zukünftigem Tuche kein Soldat kleiden und der Krieg verschiesst nicht aus zukünftigen Kanonen zukünftiges Pulver»[2]. Непомѣрное развитіе государственныхъ долговъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ объясняется неразборчивостью въ средствахъ, какими пользуется капиталъ въ достиженіи своей завѣтной мечты.

Изъ трехъ указанныхъ сейчасъ громоотводовъ, спасающихъ капиталъ отъ погибели или, лучше, отъ саморазрушенія[3], изъ

---

[1] «The great advantage of citizens being creditors as well as debtors with relation to the public debt is obvious. Men readily perceive they cannot be much oppressed by a debt which they own themselves». *Soetbeer*, Staatsschulden, Faucher's Vjft. 1865. S. 22.

[2] *Otto Michaelis*, Volkswirthschaftliche Schriften, 1873. II B. S. 189.

[3] Саморазрушеніе — физическое свойство капитала, какъ и всего остального въ мірѣ, и когда говорятъ объ естественномъ стремленіи его къ самовозрастанію, то подъ капиталомъ надо

трехъ большихъ резервуаровъ, куда изливаются переполняющіе рынокъ капиталы, каждый имѣетъ извѣстную величину, объемъ, ставящій, въ концѣ-концовъ, предѣлъ накопленію и увеличенію капитала. Опредѣлить математически, со всей точностью числового вычисленія, возможные предѣлы накопленія, соразмѣряясь съ размѣрами запасныхъ резервуаровъ если и не невозможно, то, во всякомъ случаѣ, довольно затруднительно. За-то не трудно установить принципы этого опредѣленія и составить себѣ вполнѣ удовлетворительное для нашей цѣли приблизительное понятіе объ этихъ предѣлахъ.

Открытіе новыхъ рынковъ и удержаніе старыхъ съ каждымъ днемъ становится труднѣе. Колоніальная политика, основанная исключительно на соображеніи купеческаго барыша, эксплуатирующаго свою жертву до полнаго истощенія физическихъ и нравственныхъ силъ, переживаетъ свои послѣдніе граціонные дни. Примѣру сѣверной Америки послѣдуютъ, надо полагать, и остальныя страны, сдѣлавшіяся предметомъ купеческой спекуляціи старой Европы. Египетъ, Ява, британская Индія не могутъ соперничать со своими властелинами, и одержать верхъ въ соперничествѣ, подобно соединеннымъ Штатамъ, имъ удастся не скоро. Но, тѣмъ не менѣе, они уже созрѣли для самостоятельной жизни и могутъ легко обойдтись безъ купеческой опеки и покровительства. Послѣднія событія въ Египтѣ и Остъ-Индіи[1] служатъ тому очевиднымъ доказательствомъ. Часъ освобожденія колоній, освобожденія политическаго, а вмѣстѣ съ нимъ и экономическаго, не заставитъ себя долго ждать. Эмансипація колоній, безъ сомнѣнія, значительно стѣснитъ размѣры выгоднаго помѣщенія европейскаго капитала.

понимать имущество въ связи съ опредѣленными соціальными условіями его существованія.

[1] «Times» за мартъ и май 1883 г.

Что касается различнаго рода сооруженій и вообще всѣхъ предпріятій, требующихъ большой затраты постояннаго капитала, то въ этомъ отношеніи сама Европа очень далека отъ предѣловъ возможнаго. Но тутъ выступаютъ препятствія, одинаковыя съ общими препятствіями возрастанія капитала[1]. Изъ опыта желѣзно-дорожныхъ и городскихъ сооруженій мы видимъ, что эксплуатація ихъ, по принципу капиталистической прибыли, требуетъ непремѣнно соотвѣтственнаго развитія экономическихъ силъ страны, соотвѣтственнаго потребительнаго фонда. Въ противномъ случаѣ, предпріятія эти страдаютъ хроническою бездоходностью, чистая выручка не покрываетъ издержекъ производства, государство приплачиваетъ по гарантированнымъ акціямъ и облигаціямъ желѣзно-дорожныхъ компаній, и городскія постройки, великолѣпіе столичныхъ городовъ, оказываются не по карману кишащему въ нихъ пролетаріату[2].

---

[1] «The Economist» высчиталъ на основаніи «income tax» ежегодное нарощеніе англійскаго капитала за періодъ отъ 1854 по 1861 годъ въ 130 мил. ф. ст., куда не вошли, однако, капиталы, приносящіе менѣе 100 ф. стер. дохода. Изъ ежегоднаго прироста 60 мил. ф. ст. идутъ на развитіе промышленности и земледѣлія, 40 мил.—на увеличеніе и улучшеніе жилищъ и 30 мил. на большія сооруженія внутри и внѣ государства. Къ сожалѣнію, отсутствіе подоходнаго налога въ другихъ государствахъ затрудняетъ вычисленія о нарощеніи капитала.

[2] Достаточно припомнить здѣсь такъ-называемую «гаусманнію» въ Парижѣ и дѣльныя статьи по этому поводу V. Bonnet, въ «Revue de deux mondes». Публичныя работы, предпринятыя послѣднимъ республиканскимъ правительствомъ Франціи, тоже оказались не по-силамъ. Дефицитъ въ бюджетѣ — прямое слѣдствіе этихъ затѣй, какъ справедливо доказывалъ и предсказывалъ Leroi-Beaulieu въ Économiste français.

Остается, за-тѣмъ, послѣднее убѣжище — долгосрочный гипотечный кредитъ и государственные займы. Абсолютный предѣлъ послѣднихъ — податная сила народа минусъ необходимыя статьи государственнаго расхода. Государственные бюджеты увеличиваются съ каждымъ годомъ, несмотря на полное господство принципа невмѣшательства; увеличиваются, не вслѣдствіе одного увеличенія операцій по рубрикѣ государственныхъ долговъ, а въ силу неотложной естественной необходимости, заставляющей правительства, въ противность ихъ желанію и волѣ, разширять все болѣе и болѣе программу своей культурно-исторической дѣятельности. Послѣдняя, требуя уже и въ настоящее время громадныхъ финансовыхъ рессурсовъ, еще далеко не стоитъ на высотѣ своего призванія, не разрѣшивъ фактически и до-сихъ-поръ основного вопроса соціальной политики, вопроса о народномъ образованіи во всей его широтѣ и во всемъ его величіи. Едва-ли необходимо приводить статистическія данныя для того, чтобы доказать, что бюджеты всѣхъ государствъ изнемогаютъ подъ тяжестью долговъ и что государственная задолженность близка къ своей предѣльной чертѣ. Уже въ 30-хъ годахъ Небеніусъ (Die Natur und Ursachen des öffentlichen Kredits) и Захаріэ (Das Schuldenwesen des heutigen Europa) полагали, что она достигла чрезмѣрной высоты и не безъ основанія высказывали опасенія за будущее.

То-же самое слѣдуетъ сказать и о задолженности поземельной собственности. По статистическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что ежегодное увеличеніе гипотечныхъ долговъ превышаетъ ежегодное погашеніе ихъ, такъ-что гипотечный долгъ Франціи, напр., съ 9 милліардовъ франковъ въ 1880 г. возросъ до 14,5 въ 1852 г.[1] и въ настоящее время перешагнулъ за 20 милліардовъ. Въ Австріи и Германіи процессъ закабаленія поземель-

---

[1] *Roscher*, Nationalökonomie des Ackerbaues. 1873. S. 424.

ной собственности совершается съ неменьшимъ успѣхомъ. По вычисленіямъ Воловскаго въ 1871 г., которыя подтверждаются недавнею работой Фовилля[1], вся недвижимая собственность Франціи, т. е. земля и постройки, оцѣнивается въ 120 милліардовъ франковъ. Если изъ этого числа отнесемъ 100 милліардовъ на счетъ земли, то можно бы, пожалуй, допустить, что еще долгое время капиталъ можетъ притекать къ поземельной собственности совершенно свободно, не опасаясь за свое будущее. Составляя всего 20% всей стоимости земли, гипотечный долгъ Франціи, казалось бы, не достигъ еще послѣдняго предѣла, хотя поземельная задолженность ея, какъ извѣстно, сравнительно наибольшихъ размѣровъ. Но дѣло въ томъ, что помѣщеніе капитала подъ залогъ земли, сопровождаясь массой отрицательныхъ явленій, обратившихъ къ общинному землевладѣнію самого Лоренца Штейна[2], не соразмѣряется исключительно съ капитальнай стоимостью земли. Сельско-хозяйственный кризисъ такое-же обыкновенное явленіе, какъ и кризисы промышленные и торговые. Несмотря на то, что значительная часть гипотечныхъ займовъ не предназначается на дѣйствительныя нужды земледѣльческой промышленности, а расходуются на постороннія цѣли, неимѣющія съ послѣдней ничего общаго (займы потребительные, займы для пріобрѣтенія и перераспредѣленія поземельной собственности), фактъ чрезмѣрнаго производства земледѣльческихъ продуктовъ, тѣмъ не менѣе, фактъ общеизвѣстный[3].

---

[1] Economiste français, № 52 1878, и №№ 1 и 3 1879.

[2] «Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft, 1881.

[3] *Roscher*, l. c. S. 440: «Wie im Gewerbfleiss, so haben auch im Landbau die auf Ueberproduction beruhenden Creditkrisen weit mehr für den Mittelstand verderbliche Folgen, als für die sehr reiche Klasse».

Недостатокъ потребительнаго фонда даетъ себя чувствовать и въ данномъ случаѣ съ не меньшею, если не съ большею еще силой.

Такимъ образомъ, изъ существующихъ средствъ, способныхъ продлить господство капитала, настоящій соціально-экономическій status quo его, — всѣ безъ исключенія изсякаютъ. Полное изчезновеніе ихъ есть лишь вопросъ времени. Конечно, нельзя предугадать это время, тѣмъ болѣе, что у капитала есть еще возможность временнаго спасенія или продленія агоніи въ постепенномъ увеличеніи потребительнаго фонда, въ соразмѣрномъ уменьшенію прибыли увеличеніи заработной платы, словомъ — въ постепенномъ приближеніи къ установленію полной гармоніи, совершеннаго равенства между производительной и потребительной силой рабочаго сословія. Это средство и рекомендуется теперь катедеръ-соціалистами. Но принятіе его будетъ началомъ конца капиталистической эпохи или, что то-же, началомъ соціально-экономическаго и соціально-политическаго возрожденія массъ.

Изъ вышесказаннаго само собой слѣдуетъ значеніе кредита, какъ силы, при помощи которой возможно было бы рѣшеніе соціальнаго вопроса. Мы видѣли, что важнѣйшія формы его, вещный и государственный кредитъ, не годны для этой цѣли. Размѣръ ихъ операцій ограниченъ размѣромъ капитала, развитіе котораго, въ свою очередь, ограничивается размѣрами потребительнаго фонда. Слѣдовательно, широкая постановка на сцену котораго-нибудь изъ трехъ видовъ кредита предполагаетъ условіе, которое ничуть не у̀же задуманной цѣли и по существу тожественно съ ней. О промышленномъ и торговомъ кредитѣ нечего и говорить, такъ-какъ и тотъ и другой находятся въ еще болѣе тѣсномъ, болѣе непосредственномъ отношеніи съ размѣрами потребительнаго фонда. Какъ вспомогательное средство въ цѣлой системѣ мѣропріятій, кредитъ, особенно государственный, можетъ оказаться необходимымъ звеномъ, какъ это мы видимъ въ проектѣ лассаллевскихъ производительныхъ кооперацій. Госу-

дарство, широко пользуясь своимъ кредитомъ, можетъ сдѣлать очень многое цѣлесообразнымъ употребленіемъ предоставляемыхъ ему средствъ. Вся его культурная дѣятельность въ результатѣ ведетъ къ одной всѣми желаемой, конечно, цѣли, есть постоянное, хотя, быть можетъ, и очень медленное пріуготовленіе условій, облегающихъ исполненіе и усиливающихъ роковую необходимость соціальной реформы. Но однимъ лишь кредитомъ оно не можетъ обновить міръ. Необходимо направить его въ ту или другую сторону, дать ему извѣстное, строго-опредѣленное направленіе для исполненія частичной работы въ общемъ органическомъ планѣ цѣлаго ряда мѣропріятій. При его помощи, можно перераспредѣлить поземельную собственность, пересоздать фабричную и заводскую промышленность, измѣнить и нѣсколько задержать процессъ самовозрастанія капитала; но самого капитала ему не уничтожить, разъ условія кредита будутъ предписываться капиталомъ. Фактическія отношенія труда и капитала могутъ измѣниться замѣтнымъ образомъ, но качественно, по существу они останутся капиталистическими до-тѣхъ-поръ, пока капиталу будетъ выдѣляться извѣстная часть въ-видѣ ли предпринимательской прибыли, ренты или процента сверхъ погашенія. Не въ кредитѣ, слѣдовательно, надо искать выхода изъ заколдованнаго круга; созданный по образу и подобію капитала, кредитъ можетъ процвѣтать исключительно на капиталистической почвѣ.

Возможно широкое пользованіе кредитомъ предполагаетъ развитіе системы личнаго кредита. Въ ней капиталъ нашелъ бы новый, быть можетъ, наиболѣе емкій резервуаръ для своихъ обычныхъ и разрушительныхъ состояній переполненія. Предполагая, что личный кредитъ окажется вполнѣ надежною формой кредита, размѣръ его, однако, никоимъ образомъ не перешагнетъ за свободные рессурсы капитала, за рессурсы, остающіеся внѣ помѣщеній въ капиталистическія предпріятія. Въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы допустить, что капиталъ захочетъ самъ

на себя наложить руки. Свободные же рессурсы капитала, если даже считать таковыми весь годичный приростъ его, который для Великобританіи, по Гиффену, равнялся въ 70-хъ годахъ 5-ти милліардамъ франковъ, далеко недостаточны, какъ имущественный фондъ, для приложенія и обезпеченія всѣхъ наличныхъ трудовыхъ силъ, въ данномъ случаѣ, для той же Великобританіи, т. е. 38 мил. народонаселенія (около 500 фр. на семью изъ 4-хъ душъ). Наконецъ, если предположить еще болѣе невѣроятный случай, а именно, что личный кредитъ предоставитъ въ полное распоряженіе труда весь существующій капиталъ, то для Великобританіи, напр., считая ея національное богатство въ 250.000.000.000 франковъ, при народонаселеніи въ 40 мил. душъ или 10 мил. семей[1], на семью прійдется 25000 фр. Вычитывая изъ дохода семьи 4% съ погашеніемъ въ пользу капитала, можно сомнѣваться, чтобы при такихъ условіяхъ матеріальное положеніе семьи значительно измѣнилось къ лучшему. Иное дѣло, возможная комбинація не только 25000-хъ паевъ, а и несравненно меньшихъ, при общественно-статистическомъ регулированіи производства, при правильномъ распредѣленіи и организаціи кредита, полной эманципаціи труда, регулированіи количества народонаселенія и т. д. и т. д. Словомъ, система кредита, хотя бы и личнаго, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но на почвѣ существующихъ соціально-экономическихъ отношеній, не въ состояніи «перекинуть мостъ чрезъ глубокую пропасть, отдѣляющую богатство отъ нищеты». Тутъ необходима законодательная власть, во всеоружіи своего авторитета, реорганизація основныхъ производственно-распредѣлительныхъ началъ, новый кодексъ гражданскаго права, новый modus vivendi между трудомъ и капиталомъ.

---

[1] Цифры эти очень близко подходятъ къ вычисленіямъ Гиффена для 1878 г. въ «Journal of statist. society».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О ВЛІЯНІИ КРЕДИТА НА ОБРАЗОВАНІЕ И КОЛЕБАНІЕ ЦѢНЪ.

1. Общее ученіе о вліяніи кредита на цѣны.

2. Денежная школа — Currency-principles. Банковый актъ Р. Пиля 1844 г. Bullion-Report. 1810 г. Кредитная школа — Banking-principles.

3. Примиреніе кредитной и денежной школъ. Динамическій и статическій законы денежнаго обращенія.

1.

Ограничиваясь размѣромъ капитала, кредитъ не можетъ выйдти безнаказанно за отмежеванную ему черту; каждый разъ попытки этого рода сопровождаются почти совершеннымъ изчезновеніемъ кредита, — временнымъ, конечно, — и разрушеніемъ капитала, помѣщеннаго въ предпріятія, для дальнѣйшей эксплуатаціи которыхъ не оказывается необходимыхъ средствъ. Это обыкновенное явленіе, сопровождающее всѣ торгово-промышленные кризисы. Ближайшая причина его кроется въ томъ, что общественно-хозяйственная жизнь лишена сознательно разумной организаціи, что производство идетъ ощупью, не справляясь съ фактическими отношеніями спроса и предложенія, за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ для этого. Всѣ согласны, что всякое дѣло требуетъ извѣстной организаціи и регламентаціи. И войско, и флотъ, и фабрика, и мастерская необходимо нуждаются въ нихъ; на-обумъ тутъ дѣйствовать нельзя, если не желаютъ полнаго разстройства дѣлъ. Исключеніе со-

ставляетъ общественное производство, которое, по мнѣнію экономистовъ извѣстной школы, до-того сложно, что умъ человѣческій со своими организаторскими затѣями безсиленъ въ этой области и долженъ, по этому, предоставить эту роль случаю и волѣ Божіей[1].

Говоря о кредитѣ, мы придерживаемся въ данномъ случаѣ общепринятаго, но неправильнаго способа выраженія. Какъ видно изъ его опредѣленія, кредитъ не можетъ проявиться безъ соотвѣтственной цѣнности, отчуждаемой при его помощи. О нарушеніи кредитомъ его естественныхъ границъ не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи. Слово «кредитъ» нужно замѣнить здѣсь словомъ «кредитные знаки».

Послѣдніе являются не только по слѣдамъ кредитныхъ сдѣлокъ, служа доказательствомъ права кредитора на полученіе равноцѣнности, но и при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, созданныхъ потребностями механизма современныхъ акціонерныхъ компаній, банковъ и биржъ. Выпускается масса различнаго рода акцій, облигацій, цѣна которыхъ опредѣляется рыночнымъ процентомъ, дѣйствительнымъ или вѣроятнымъ дивидендомъ[2], биржевой спекуляціей и т. д. Своимъ появленіемъ на-свѣтъ они обязаны очень часто временно свободнымъ средствамъ, завязаннымъ уже ввидѣ постояннаго или оборотнаго капитала въ извѣстныя

---

[1] *Böhmert*, Beiträge zur Fabrikgesetzgebung, 1868. S. 124: «Von einer Durchführung des Gedankens (дѣло идетъ объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ производства) auf dem Wege des Gesetzes kann nicht die Rede sein. Kein Gesetzgeber wäre weise genug, um die hundertfach verschiedenen Verhältnisse so gut zu regeln, wie es dem freien Willen und der eignen Einsicht der Betheiligten möglich ist».

[2] *Rodbertus*, Creditnoth des Grundbesitzes, II. B. S. VI: «Das Kapital hat in der Actienform das Mittel gefunden, den Unternehmungsgewinn als Dividende zum Zinse zu schlagen».

предпріятія, куда имъ и необходимо возвратиться снова, спустя нѣкоторое время. Въ новыхъ предпріятіяхъ средства эти не могутъ принять постояннаго участія и помѣщаются лишь временно въ ново-созданныя кредитныя бумаги, съ цѣлью перепродажи съ премiей[1]. Ликвидація, однако, не заставляетъ долго себя ждать. Бумаги загромождаютъ рынокъ, обезцѣниваются, дутыя предпріятія лопаются и кризисъ въ разгарѣ. Что происходитъ въ обширныхъ или грандіозныхъ размѣрахъ въ моментъ кризиса, происходитъ и въ нормальное время, только въ значительно меньшемъ масштабѣ. Кредитные знаки, функціонируя въ роли орудія обращенія, соприкасаются очевиднымъ образомъ съ явленіями денежнаго обращенія, а слѣдовательно и съ явленіемъ цѣны. Подвижность и эластичность кредита, его потрясенія, принятые имъ размѣры заставляютъ предполагать заранѣе, что кредитной системѣ принадлежитъ не малая роль въ процессѣ образованія и колебанія цѣнъ.

Кредитные знаки, какъ представители денежныхъ требованій, могутъ служить и дѣйствительно служатъ платежнымъ средствомъ. Разъ существуетъ гарантія состоятельности лица физическаго или юридическаго, выпустившаго кредитный знакъ, то никто не откажется принять его въ очистку долга, зная, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ можетъ воспользоваться имъ для подобной-же цѣли въ расплатѣ съ своими кредиторами. Въ обращаемости кредитныхъ знаковъ существуетъ, конечно, громадная разница. Вексель малоизвѣстнаго лица съ трудомъ обращается въ кругу десятка

---

[1] *Гаттенбергеръ*, Вѣнскій кризисъ 1873 г.; Otto Michaëlis, Volkswirthschaftliche Schriften, I B. 1873. S. 282. «Die ersparten und feste Anlage suchende Capitalien». На это же мѣсто ссылается Neuwirth (Die Spekulationskrisis von 1873, 1871. S. 3), предлагая подставить 1873 г. вмѣсто 1856 г., о которомъ говоритъ Михаэлисъ.

знакомыхъ, тогда какъ банковый билетъ первостепеннаго учрежденія въ обращаемости не уступаетъ деньгамъ, а во многихъ случаяхъ и предпочитается послѣднимъ. Чѣмъ больше обращаемость, тѣмъ ближе подходитъ кредитный знакъ къ значенію денегъ въ функціи обращенія. Въ этомъ отношеніи между ними давно установлена градація въ слѣдующемъ порядкѣ: банковый билетъ, чекъ, вексель простой и переводный, вирременты, текущіе счеты, кредитъ по книгѣ и т. д.[1]. Впрочемъ степень обращаемости не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію кредитнаго знака, по его количественному моменту въ обращеніи. Въ банкѣ Англіи, напр., банковыхъ билетовъ обращается въ мѣсяцъ среднимъ числомъ за 1857—1871 гг. отъ 19 до 25 мил. ф. ст., а учитывается векселей отъ 35 до 43 мил. ф. ст.[2]. По разсчету, выведенному для 1871 г., на основаніи штемпельнаго налога, количество обращавшихся въ Великобританіи векселей, простыхъ и переводныхъ на нее и изъ нея, простиралось на сумму 1278 мил. ф. ст.[3], тогда какъ банковыхъ билетовъ провинціальныхъ банковъ, сверхъ банковыхъ билетовъ Банка Англіи, обращается всего до 13 мил. ф. ст. въ мѣсяцъ. Ежегодные обороты лондонскаго разсчетнаго дома, гдѣ главнымъ образомъ фигурируютъ чеки, достигаютъ, какъ извѣстно, слишкомъ 6 мил-

---

[1] *De Laveleye*, Marché monétaire p. 122: «l'or est la monnaie divisionnaire du billet de banque, comme le billet de banque l'est du chèque, le chèque de la lettre de change et la lettre de change des virements de parties et des comptes courants. Chacun de ces moyens d'échanges complète le suivant, et tous s'enchaînent les uns aux autres de telle façon que le premier est nécessaire au second, le second au troisième et ainsi de suite». См. *Macleod*, l. c. II v. ch. XV.

[2] Statistical Abstract from 1857 to 1871. p. 104—109.

[3] *Seyd*, l. c. 542.

ліардовъ ф. ст. Какова бы ни была быстрота обращенія банковыхъ билетовъ, едва-ли сумма оборотовъ, ими совершаемыхъ, можетъ подойдти къ этой цифрѣ[1].

При всемъ значеніи кредита и поражающемъ количествѣ кредитныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи въ каждое данное время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, экономическая наука не имѣетъ до-сихъ-поръ сколько-нибудь выработаннаго и законченнаго ученія о вліяніи кредита вообще на состояніе и колебаніе цѣнъ, не смотря на то, что кредиту посвящено сравнительно наибольше ученой разработки и кропотливыхъ статистическихъ изысканій. Вопросъ этотъ оказывается на-столько сложнымъ, что статистическое изслѣдованіе его почти что невозможно. На каждомъ шагу встрѣчаются непреоборимыя затрудненія, предъ которыми безсильны всѣ старанія изслѣдователя. Прежде всего, нѣтъ никакой возможности опредѣлить всего размѣра кредита въ опредѣленный, требуемый изслѣдованіемъ моментъ. Притомъ, каждый феноменъ цѣны, по-скольку онъ зависитъ отъ статическаго закона стоимости денегъ, является и безъ того продуктомъ очень многихъ условій, и выдѣлить изъ него отдѣльную часть для вліянія кредита, необозначеннаго количественно, и безполезно, и очень трудно, если только возможно.

Задача кредитной системы, какъ циркуляціоннаго механизма, сводится въ окончательномъ результатѣ къ вытѣсненію изъ обращенія денегъ и замѣщенію ихъ денежными суррогатами (to drive gold out of circulation and to substitute paper for it). Возможность продать или сбыть товаръ только въ кредитъ, до выручки покупателемъ платежныхъ средствъ изъ неоконченнаго еще процесса производства, препятствуетъ, конечно, ненужному накопленію товаровъ, паденію ихъ цѣнъ вслѣдствіе устраненія недо-

---

[1] Изъ суммы 6 милліардовъ на Regulirungstage der Fondsbörse und Consol приходится 1 милліардъ, см. *Seyd*, l. c. p. 39.

статка въ спросѣ и т. д. Компенсирующее вліяніе кредита въ этомъ смыслѣ общепризнано[1]. Хотя фактическихъ подтвержденій его мы не находимъ нигдѣ, если не считать, впрочемъ, того общеизвѣстнаго стремленія къ пониженію цѣнъ всѣхъ почти товаровъ, какимъ сопровождается, обыкновенно, исчезновеніе кредита во время кризиса. Притомъ, и въ данномъ случаѣ пониженіе цѣнъ не только слѣдуетъ за постепеннымъ сокращеніемъ кредита, но и предшествуетъ ему и служитъ, быть можетъ, одною изъ важнѣйшихъ непосредственныхъ причинъ самого пониженія. Какъ бы то ни было, регулирующій принципъ, приписываемый кредиту, нуждается пока въ доказательствѣ à posteriori и можетъ быть принятъ съ большими оговорками. Если продажа въ кредитъ, увеличивая спросъ, препятствуетъ излишнему загроможденію рынка и, слѣдовательно, паденію цѣнъ, то, съ другой стороны, весьма легко можетъ случиться, что требованія увеличеннаго спроса окажутся больше размѣровъ предложенія, и цѣны пойдутъ вверхъ.

Выше было замѣчено уже, что увеличеніе кредита въ нѣкоторомъ отношеніи равносильно увеличенію количества денегъ. Отсюда слѣдуетъ само-собою, что теорія стоимости денегъ предрѣшаетъ вопросъ о вліяніи увеличенія и сокращенія кредита на состояніе цѣнъ. Bullionist'ы, придерживаясь количественной тео-

---

[1] *Macleod*, Theory and Practice of Banking. I v. p.....: «the effets of a legitimate and proper use of credit is to equalise prices, and to make them more steady than they would be without it». *Erwin Nasse*, Tübing. Ztsft, 1865. S. 128 — 164. «Ueber den Einfluss des Credits auf den Tauschwerth der edlen Metalle». J.-St. Mill (Principles): «Credit is a great purchasing power and exercises a great influence over price». По Thornton'y (Paper Credit, 1802): «Prices depend upon the state of credit, but credit acts upon prices only through the circulation».

ріи, доказывали, что всякое увеличеніе кредита, cæteris paribus, непремѣнно повышаетъ цѣны, и на-оборотъ. Anti-bullionist'ы, съ своей стороны, отрицая вліяніе количества денегъ на цѣны, должны были a fortiori не признавать его и за кредитомъ. Таковъ, по-крайней-мѣрѣ, прямой логическій выводъ, къ которому неизбѣжно приводитъ каждая изъ двухъ теорій стоимости денегъ, взятая отдѣльно. Американскій экономистъ Кольвелъ не останавливается предъ такимъ выводомъ, утверждая, что если количество денегъ оказываетъ незначительное вліяніе на цѣны, то и по-давну размѣръ кредита не можетъ оказать бо́льшаго[1]. Его примѣру послѣдовали, однако, немногіе. Въ дѣйствительности, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ чему-то среднему, къ компромиссу, отказаться отъ односторонней теоріи, несостоятельность которой обнаруживается обыкновенно въ частныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ, раскрывается діалектически, когда анти-логическія отступленія сторонниковъ ложныхъ теорій выступаютъ наружу помимо ихъ воли и противъ ихъ желанія.

Динамическій и статическій законъ стоимости денегъ отражается весьма отчетливо и въ вопросѣ вліянія кредита на цѣны. Непомѣрное увеличеніе размѣровъ кредита уравновѣшивается стремленіемъ цѣнъ къ повышенію. Состояніе равновѣсія достигается статическимъ закономъ стоимости денегъ. Колоссальное развитіе кредита, по сравненію съ существующимъ количествомъ денегъ, непремѣнно повліяло бы на цѣны, повысило бы ихъ, если-бы само не сопровождалось одновременнымъ и соразмѣрнымъ развитіемъ экономическаго оборота. Въ такомъ видѣ и въ такихъ приблизительно выраженіяхъ формулируется основной

---

[1] *Colwell*, l. c. p. 564: «If the precious metals employed as money exercised so little influence on prices by their increase or decrease, we may safely infer that bank currency has no greater power in that respect».

принципъ кредитнаго обращенія сторонниками двухъ противуположныхъ ученій о деньгахъ. Принципіальная разница между ними сводится лишь къ тому, что anti-bullionist'ы недопускаютъ возможности разширенія кредита безъ соотвѣтственнаго развитія торгово-промышленныхъ оборотовъ, разъ идетъ дѣло о кредитной системѣ, основанной на металлической валютѣ[1]. Умноженіе кредитныхъ знаковъ, по ихъ мнѣнію, идетъ рука-объ-руку съ умноженіемъ оборотовъ и такъ-какъ, слѣдовательно, отношеніе между орудіями обращенія и суммой оборотовъ остается прежнимъ, не нарушается, то и цѣны остаются безъ перемѣны[2].

Можно бы привести много историческихъ данныхъ въ подтвержденіе послѣдняго соображенія. Развитіе кредита началось повсемѣстно съ одновременнымъ развитіемъ производительныхъ и торгово-промышленныхъ силъ страны. Съ 1765 по 1795 г., въ пе-

---

[1] Wilson (Capital, currency and banking, 1859. pp. 56—58) въ извѣстныя слова Horner'a — «If the quantity of circulating medium is permanently augmented, without a corresponding augmentation of internal trade, a rise will unavoidably take place in the price of exchangeable commodities» вводитъ поправку— «circulating medium, being convertible paper and coin». «A currency», говоритъ онъ дальше, «augmented without any corresponding augmentation of internal trade, implies a quantity of notes retained in circulation, at the will of the issues, which the public do not require».

[2] *Macleod*, l. c. I v. p. 228; *Nasse*, l. c. p. 132: «Все что увеличиваетъ или уменьшаетъ предложеніе денегъ, увеличиваетъ или уменьшаетъ въ то-же время количество предлагаемыхъ услугъ и товаровъ». «Die Umlaufsgeschwindigkeit des Geldes und die Entwickelung des Credits geht in kürzern und längern Perioden Hand in Hand mit der Lebhafligkeit des Verkehrs;— man sammelt Baarvorräthe, verlangt Baarzahlungen aus derselben Ursachen, aus denen der Verkehr und die Production stockt».

ріодъ экономическаго разцвѣта Великобританіи, развилась по преимуществу и ея кредитная система; къ этому времени относится распространеніе въ употребленіи чековъ, одного изъ наиболѣе могущественныхъ орудій кредита[1]. Косвеннымъ подтвержденіемъ защищаемаго положенія можетъ служить паденіе цѣнъ во время кризиса, когда внезапное исчезновеніе кредитныхъ орудій обращенія предшествуетъ пропорціональному уменьшенію оборотовъ[2].

2.

Этими немногими строками исчерпывается, намъ кажется, все, что извѣстно о вліяніи кредита на цѣны, о вліяніи на цѣны всѣхъ формъ кредитныхъ орудій обращенія. Да и то немногое, что имѣется въ этой области изслѣдованія экономическихъ явленій, лишено самостоятельнаго научнаго значенія, явившись, такъ сказать, путемъ отраженія или перенесенія результатовъ изслѣдованія банковыхъ билетовъ и бумажныхъ денегъ на кредитъ вообще. И банковые билеты, и бумажныя деньги, вслѣдствіе историческихъ и отчасти методологическихъ условій, были выдвинуты на первый планъ и подверглись, какъ извѣстно, болѣе тщательному изслѣдованію сравнительно съ другими видами кредитныхъ орудій обращенія. Литературной разработкѣ этого предмета могъ бы позавидовать любой вопросъ экономической науки. Разработка эта пополнила отчасти пробѣлъ въ общемъ ученіи о

---

[1] *Colwell*, l. c. p. 564—576; *Macleod*, l. c. II v. p. 63—69. Nasse (l. c. S. 134) приводитъ въ доказательство извѣстный фактъ, что Банкъ Англіи въ періоды плохого состоянія дѣлъ выпускаетъ билеты высшей аппуантировки, потому что они служатъ тогда для функціи сбереженія, а не обращенія.

[2] *Macleod*, l. c. II v. p. 229: «A considerable amount of the paper currency is suddenly extinguished, before there has been time to reduce operations proportionably».

кредитѣ и въ этомъ отношеніи пріобрѣла, безспорно, громадное теоретическое и практическое значеніе[1].

Не останавливаясь на литературно-библіографическихъ подробностяхъ вопроса и отдѣльныхъ моментахъ его развитія, я намѣренъ воспользоваться конечными лишь выводами его разработки, выдѣляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, бумажныя деньги въ особую (готовящуюся къ печати) статью въ связи съ вопросомъ о возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи. Въ англійской литературѣ, правда, и банковые билеты, и бумажныя деньги или тѣ же билеты, неразмѣнные по предъявленіи, соединены неразлучно, что весьма понятно, если принять въ соображеніе частый метаморфозъ, случающійся съ тѣми и другими. Каждый парламентскій билль (Indemnation-bill), разрѣшающій пріостановленіе размѣна, превращаетъ банковые билеты въ бумажныя деньги, а по истеченіи установленнаго срока бумажныя деньги становятся опять банковыми билетами. Притомъ, англійскія бумажныя деньги рестрикціоннаго и индемнизаціоннаго періодовъ принадлежали исключительно къ типу депреціированныхъ бумажныхъ денегъ, и потому англійская экономическая литература, несмотря на все свое богатство, не исчерпала вопроса о нихъ во всей его широтѣ, подобно нѣмецкой и американской.

Изслѣдованіе колебаній цѣнъ въ зависимости отъ размѣровъ и свойствъ кредитныхъ орудій обращенія составляетъ, собственно говоря, ядро всего ученія о кредитно-денежномъ или смѣшанномъ обращеніи. Принципы и основанія его тѣмъ важнѣе, что ни чисто-металлическаго, ни чисто-кредитнаго обращенія нигдѣ не существуетъ. Захватывая всю область явленій денежнаго обращенія, ученіе это, связанное непосредственно съ ученіемъ объ

---

[1] Въ нашей литературѣ этому предмету посвящены обстоятельныя работы Бунге, Кауфмана и Гамбарова: «Банковый актъ Роберта Пиля 1844 года». 1875.

эмиссіонной операціи, выдвинуло съ давнихъ поръ два направленія или, пожалуй, двѣ школы.

Приступая къ изложенію основныхъ положеній этихъ школъ денежнаго обращенія, я не считаю возможнымъ пріурочить къ нимъ тѣ или другія извѣстныя имена, обозначить, какъ обыкновенно дѣлаютъ, плеяду экономистовъ денежной школы и плеяду экономистовъ кредитной школы. Ни та, ни другая, какъ увидимъ ниже, не имѣютъ строго исключительныхъ послѣдователей не только въ деталяхъ, но и въ основныхъ воззрѣніяхъ,— являются, такъ сказать школами безъ учениковъ, сектами безъ сектантовъ. Характеристика ихъ, по этому, несравненно удобнѣе въ чисто отвлеченномъ видѣ, въ изображеніи идей, присущихъ каждой изъ нихъ, въ полномъ обособленія этихъ идей, какъ вполнѣ самостоятельныхъ типовъ, безъ всякаго соображенія о томъ или другомъ писателѣ.

Денежная школа, Currency-principles, Geldtheorie. Своимъ названіемъ она обязана главному принципу, положенному въ ея основаніе. И у Ад. Смита, и у Д. Рикардо мы встрѣчаемъ не разъ высказанное мнѣніе, что драгоцѣнныхъ металловъ вполнѣ достаточно для экономическаго оборота всего міра, что имъ только принадлежитъ активная и самостоятельная роль въ образованіи товарныхъ цѣнъ и что колебанія послѣднихъ въ зависимости отъ количества первыхъ — естественный порядокъ вещей, противъ котораго никто не долженъ идти. Одновременно они полагали, какъ извѣстно, что золото и серебро распредѣляются въ различныхъ странахъ сообразно потребности въ нихъ, пропорціонально размѣрамъ промышленности и торговли каждой страны[1]. Кредитная система, при такомъ взглядѣ на дѣло, уходила на второй планъ, какъ-бы лишалась самостоятельнаго значенія,

[1] «Each nation», говоритъ Рикардо, «will have just as much, as it needs».

тѣмъ болѣе, что уменьшеніе или увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ сопровождается ничего незначущимъ соотвѣтственнымъ повышеніемъ или пониженіемъ цѣнъ. Кредитныя орудія обращенія являлись, по этому ученію, какъ-бы случайными и только временными замѣстителями денегъ и должны, поэтому, ни въ чемъ не измѣнять существа тѣхъ явленій, какія имѣли бы мѣсто при чисто-металлическомъ обращеніи. «Возможный размѣръ кредитныхъ знаковъ всѣхъ видовъ, который съ удобствомъ обращался бы въ извѣстной странѣ, никогда не въ состояніи, говоритъ Ад. Смитъ, превзойдти величину стоимости золота и серебра, замѣщаемую имъ или ту ея величину, которая обращалась бы въ странѣ безъ денежныхъ суррогатовъ, предполагая, что размѣръ оборотовъ остается прежнимъ[1].

Этими достопамятными словами воздвигнута цѣликомъ денежная школа. Главный аргументъ ея покоится на томъ предположеніи, что образцовая система денежнаго обращенія должна кроиться по типу чисто-металлическаго обращенія[2].

---

[1] «Wealth of Nations», p. 131: «The whole paper money of every kind which can easily circulate in any country, never can exceed the value of the gold and silver of which it supplies the place, or which (the commerce being supposed the same) would circulate there, if there was no paper money».

[2] *Tooke's*, Hist. of prices, V v. p. 531—532: «Currency-theory is based on the assumption, that a Purely Metallic Circulation is the Type or Model of a perfect currency». Его-же IV v. p. 167—168: «Currency-principle contends that the only sound principle of a mixed currency that by which the Bank-notes in circulation should be made to conform to the Gold, into which they are convertible, not only in value, but in amount». *Ad. Wagner*, Beiträge, 1857. S. 63: По Cur.-theory денежное обращеніе «muss nach dem Muster des rein metallischen Geldwesens geregelt werden».

Количественная теорія стоимости денегъ, преобладающая еще и въ наше время, должна принять безусловно всѣ выводы Curreney-principle'я, какъ логически вытекающаго изъ нея способа регулированія денежнаго обращенія. Международное движеніе металла, его приливъ и отливъ, по «денежной системѣ», зависитъ исключительно отъ измѣненій въ его количествѣ, которыя, въ свою очередь, служатъ исключительною причиной обратно-пропорціональныхъ измѣненій стоимости металла или прямо-пропорціональныхъ измѣненій товарныхъ цѣнъ. Другими словами, при чисто-металлическомъ обращеніи, такъ-же точно какъ и при смѣшанномъ по типу металлическаго, отливъ металла не могъ бы принимать значительныхъ размѣровъ, имѣя въ самомъ себѣ вѣрное средство противовѣса, свой собственный коррективъ. Обезцѣнившись на мѣстномъ рынкѣ, металлъ направляется на рынокъ иностранный, гдѣ покупательная сила его больше, гдѣ предлагаютъ за него больше товаровъ. Этотъ отливъ немедленно повышаетъ стоимость металла, цѣны понижаются, отливъ прекращается и начинается обратное теченіе металла. Пока золото и серебро распредѣляются по всему міру въ-силу одного этого закона, подъ его исключительнымъ вліяніемъ, до тѣхъ поръ размѣнныхъ по предъявленіи кредитныхъ денегъ въ обращеніи никогда не будетъ больше того количества золота и серебра, какое замѣщается ими[1].

Едва-ли будетъ ошибкой сказать, что въ приведенныхъ сейчасъ словахъ — вся внутренняя суть денежной теоріи, большая посылка керренсистовъ, остовъ всего ихъ ученія. Истинность

---

[1] *Torrens*, Sir R. Peel's Act of 1844. p. 44: «So long as the precious metals continue to gravitate to a common level throughout the commercial world, so long will it continue to be impossible to retain in circulation an amount of convertible paper greater than that of the coin which it displaces».

ея началъ, по выраженію полковника Торренса, одного изъ наиболѣе чистыхъ ея представителей, до-того очевидна, что для доказательства этихъ началъ достаточно одного провозглашенія ихъ (the evidence of their truth would appear to be involved in their bare enunciation). Центръ тяжести всего ученія въ количественной теоріи — стоимости денегъ, точкой отправленія служитъ законъ образованія цѣнъ. Общее мнѣніе школы относительно послѣдняго состоитъ въ томъ, что цѣны опредѣляются количествомъ денегъ и что кредитныя деньги въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не отличаются отъ металлическихъ денегъ. Кто не признавалъ этого закона, тотъ не можетъ считаться керренсистомъ. Расходились во мнѣніи, что̀ считать кредитными деньгами — всѣ ли кредитные знаки безъ исключенія или только извѣстный опредѣленный видъ ихъ. Разногласіе по этому поводу большое. Крайними, въ смыслѣ противоположности, оказались мнѣнія Торренса и Ванситтара: первый считалъ деньгами только банковые билеты, признанные законнымъ средствомъ платежа — legal tender; второй — всѣ кредитныя орудія обращенія безъ исключенія[1].

Считать деньгами не только всѣ кредитные знаки, но и банковые билеты, которымъ присвоена законная сила платежа,—

---

[1] См. *Torrens*, l. c. p. 3—26: «The character of money is derived not from intrinsic qualities, but from imparted qualities; and the law and usage which impart it to the precious metals, may equally impart it to other objects». Vansittart высказывалъ взглядъ, что «it is the prerogative of the Crown to regulate the value of money». «Если», говоритъ онъ, «fabricate fifteen millions of paper instead of ten, the only consequence will be that the commodities for which it is exchanged will rise fifty per cent. in their nominal price»; см. *Sumner*, l. c. p. 270, 278—279.

громадная ошибка съ экономической точки зрѣнія. Но дѣло въ томъ, что мнѣніе Торренса, доминирующее во всей школѣ, основывается на юридическомъ опредѣленіи денегъ, какъ узаконеннаго средства погашенія обязательствъ, и едва-ли этому воззрѣнію можно отказать въ основательности относительно приписываемой имъ банковымъ билетамъ цѣно-творящей способности, разъ принята количественная теорія стоимости денегъ. Цѣно-творящая сила денегъ можетъ быть удѣломъ той же самой функціи, которая обща имъ съ кредитными орудіями обращенія. Радикальная разница, проведенная керренсистами между банковыми билетами и прочими кредитными знаками, сдѣлалась, съ одной стороны, важнѣйшимъ пунктомъ ихъ практической программы, осуществленіемъ которой слѣдуетъ считать Банковый Актъ 1844 г., съ другой, разногласія, существующаго между представителями обѣихъ школъ. Эммиссіонная операція сдѣлалась предметомъ особой заботливости правительства только потому, что банковые билеты считались деньгами, имъ однимъ приписывалось вліяніе на цѣны и во вліяніи этомъ отказывалось всѣмъ остальнымъ кредитнымъ орудіямъ обращенія.

Какъ извѣстно, Currency-school одержала верхъ на практикѣ. Пилевскій Актъ 1844 г. ей обязанъ своимъ существованіемъ. Служа выразителемъ ея началъ, онъ воплотилъ денежную доктрину въ живое тѣло и вывелъ ее, такимъ образомъ, изъ того аморфнаго состоянія, въ какомъ она пребывала до того времени. Главная цѣль Акта 1844 г.— регулированіе бумажно-денежнаго обращенія. Желая осуществить свою завѣтную идею — идею смѣшаннаго обращенія по типу чисто-металлическаго, Робертъ-Пиль и К° (Оверстонъ, Норманъ, Торренсъ и др.) обратили исключительное вниманіе на эмиссіонную операцію, на выпускъ банковыхъ билетовъ, игнорируя всѣ остальныя формы кредитныхъ знаковъ, какъ неимѣющихъ значенія денегъ. Средствомъ осуществленія оказалось образованіе новаго «эмиссіоннаго депар-

тамента» въ Банкѣ Англіи и полное его отдѣленіе отъ «банковаго департамента»[1]. Послѣдній можетъ выпускать банковые билеты для своихъ операцій только по полученіи ихъ отъ эмиссіоннаго департамента; эмис. департаментъ, сверхъ 14 мил. ф. ст., обезпеченныхъ правительственнымъ долгомъ компаніи, обязанъ выпускать баковые билеты не иначе, какъ подъ полное обезпеченіе золотой монеты, золота и серебра въ слиткахъ, причемъ количество серебра не должно быть больше четвертой части золота, находящагося въ эмис. департаментѣ[2]. По § IV Акта эмис. департаментъ долженъ выпускать банковые билеты и по требованію частныхъ лицъ — 3 ф. ст. 17 шил. 9 пен. за унцію золота узаконенной пробы (per ounce of standard Gold). Частные банкиры, имѣвшіе право выпуска, могли, съ разрѣшенія совѣта Ея Величества, передавать свои права Банку Англіи, однако же въ размѣрѣ всего двухъ-третей того количества банковыхъ билетовъ, какое имъ самимъ предоставлялось выпускать въ обращеніе (§ V). Учрежденіе новыхъ эмиссіонныхъ банковъ запрещалось безусловно (§ X. No new Bank of Issue), а выпуски старыхъ ограничивались среднимъ количествомъ банковыхъ билетовъ, обращавшихся въ 12-недѣльный періодъ до 27 апрѣля 1844 г.[3].

---

[1] Bank-Act of 1844 7 et 8 Victoria, cap. 32, I: «The Issue Departament shall always be kept separate and distinct from the Banking Departament of the said Governor and Company».

[2] § II: «The whole amount of Bank of England notes then in circulation, including those delivered to the Banking Departament of the Bank of England as aforesaid, shall be deemed to be issued on the Credit of such Securities, Coin and Bullion so appropriated and set apart to the said Issue Departament».

[3] § XI, XIII. «The average amount of the Bank-Notes of such Banker which were in circulation during the said Period of twelwe weeks preceding the 27 day of April last».

Теоретическое обоснованіе началъ пилевскаго акта принадлежитъ главнымъ образомъ Оверстону. Въ парламентской комиссіи 1840 г. онъ уже вполнѣ развилъ идею раздѣленія банка Англіи на два департамента и систему выпуска банковыхъ билетовъ подъ обезпеченіе государственныхъ фондовъ, а частью подъ обезпеченіе металлическаго фонда[1]. Р. Пиль былъ лишь его ученикомъ. Въ какой степени банковый актъ, носящій его имя, оказался на высотѣ своего призванія, видно изъ того, что онъ не только не смягчилъ періодическихъ пертурбацій денежнаго рынка, но долженъ былъ въ большіе кризисы 1847, 1857 и 1866 гг. совсѣмъ пріостанавливать свои дѣйствія прекращать на-время свое существованіе. Р Пиль увѣрялъ, правда, не разъ, что онъ никогда не разсчитывалъ сдѣлать кризисы невозможными; тѣмъ не менѣе, эта именно цѣль имѣлась въ-виду творцомъ и защитниками акта 1844 г. Устанавливая абсолютный maximum непокрытыхъ металломъ банковыхъ билетовъ, пилевскій актъ преслѣдовалъ очевидную цѣль — воспрепятствовать чрезмѣрному вытѣсненію металла банковыми билетами, удержать значительный металлическій запасъ, какъ единственную гарантію размѣнности обращающихся билетовъ по первому требованію предъявителя[2]. Р. Пилю недостаточно было одной размѣнности, рекомендованной еще Смитомъ и Рикардо, какъ надежнѣйшее средство противъ чрезмѣрныхъ выпусковъ; онъ, какъ извѣстно, считалъ вполнѣ возможнымъ обезцѣненіе размѣнныхъ по предъявленіи банковыхъ билетовъ. Въ формѣ, въ какой она выражена сейчасъ, мысль эта — очевидный парадоксъ. Моментъ обезцѣненія банковыхъ билетовъ начинается тамъ, гдѣ оканчивается ихъ размѣнность. Какимъ бы дилеттантомъ въ экономической наукѣ ни считать Р.

---

[1] Common's Report on Banks of Issue 1840. Evidence-Quest. pp. 2761 — 2763.

[2] *Ad. Wagner*, Zettelbankpolitik, S. 231.

Пиля, едва-ли можно допустить, чтобы онъ не понималъ такой простой и несложной вещи. Очевидно, что этому выраженію онъ придавалъ другое значеніе. Все, что хотѣлъ сказать Р. Пиль въ данномъ случаѣ, заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что сегодня размѣнный, завтра тотъ-же самый банковый билетъ можетъ оказаться неразмѣннымъ, что надо, слѣдовательно, обезпечить по-возможности постоянный размѣнъ, обратить вниманіе на непосредственную причину размѣна, а не довольствоваться имъ, какъ результатомъ, быть можетъ, такихъ мѣропріятій, которыя достигаютъ цѣли только при настоящихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ и грозятъ опасностью въ недалекомъ будущемъ[1].

Сильная централизація эмиссіонной операціи сдѣлала металлическій резервъ банка Англіи чуть-ли не единственнымъ металлическимъ фондомъ всей кредитной системы Великобританіи. Выше были приведены опасенія, высказанныя по этому поводу лучшими финансистами страны. Въ этомъ отношеніи, можно сказать безъ преувеличенія, что банковый актъ 1844 г. не только не достигъ задуманной цѣли, но и привелъ къ діаметрально противуположнымъ результатамъ. Уменьшеніе металлическаго основанія кредитной системы становится еще опаснѣе, если припомнить основательное замѣчаніе Дж.-Ст. Милля, что раздѣленіе банка на два департамента удваиваетъ набѣгъ на его кассу («exposes the Bank to a double drain, first on the reserve, and secondly on the bullion»). Набѣгъ обрушается на «банковый де-

---

[1] *Wilson*, l. c. pp. 30 — 32, гдѣ приведена парламентская рѣчь Р. Пиля, въ которой допускаемая имъ возможность обезцѣненія размѣнныхъ банковыхъ билетовъ дѣйствительно достойна удивленія, если не принять во вниманіе, что̀ чему предшествуетъ — пріостановка ли размѣна обезцѣненію или, на-оборотъ, обезцѣненіе пріостановкѣ.

партаментъ», заставляя его сокращать учетную операцію или пополнять свой резервъ изъ «эмиссіоннаго департамента». Вслѣдствіе этого малѣйшія колебанія вексельныхъ курсовъ отзываются немедленно на учетномъ процентѣ банка. Чувствительность его въ этомъ отношеніи такъ велика, что высота дисконта мѣняется иногда въ продолженіи года болѣе 20 разъ; въ то время какъ до 1844 г. за 150 лѣтъ дисконтный процентъ измѣнялся всего 30 разъ, съ 1844-го по 1874 годъ такихъ перемѣнъ было 218[1]. Не предотвративъ нисколько сильнаго колебанія цѣнъ, пилевскій актъ создалъ новое зло — сильное колебаніе учетнаго процента[2].

Иллюстрируя денежную доктрину на примѣрѣ банковаго акта 1844 г., необходимо остановиться на «Bullion Report of 1810 г.», основныя начала котораго, по выраженію Р. Пиля, «represent the true nature and laws of our monetary system». Керренсисты съ особеннымъ удовольствіемъ указываютъ на этотъ замѣчательный трактатъ, какъ на непосредственный источникъ ихъ ученія. Всѣмъ было извѣстно, что «Bullion Report» вдохновленъ Д. Рикардо, имя котораго пользуется громаднымъ авторитетомъ и въ наше время. Вліяніе его «Proposals for an economical and secure currency» безспорно отразилось на пилевскомъ актѣ 1819 г., допускавшемъ размѣнъ только на слитки и то лишь тогда, когда предъявлялись банковые билеты на сумму не менѣе 60 унцій золота. «The high price of bullion — a proof of the de reciation of banknotes» вошло почти цѣликомъ въ докладъ 1810 года. Количественная георія, доказывающая, что цѣна и цѣнность бумажныхъ денегъ или неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ зависятъ отъ ихъ количества, безспорно, положила начало, была зароды-

---

[1] *Гамбаровъ*, Банковый актъ 1844 г. стр. VII.

[2] The Report of the Lords' Committee of 1848 on Commercial Distress: «The Act has occasioned unexampled fluctuations in the rate of discount».

шемъ «Currency-theorie»[1]. Но въ этомъ — главная ошибка всего ученія. Не различая принципіально между банковыми билетами и бумажными деньгами, отожествляя ихъ вполнѣ, можно было перенести количественную теорію послѣднихъ на первые. А разъ преувеличены денежныя свойства однихъ кредитныхъ знаковъ, то весьма естественно ожидать противоположнаго взгляда относительно всѣхъ другихъ, и въ черезчуръ рѣзкомъ противоположеніи банковыхъ билетовъ всѣмъ остальнымъ кредитнымъ орудіямъ обращенія — вторая основная ошибка денежной школы[2].

Нельзя сказать, чтобы «Bullion Report» былъ лишь фотографическимъ отпечаткомъ рикардовскихъ идей; въ немъ есть вещи очевидно непринадлежащія Рикардо или, по-крайней-мѣрѣ, несогласныя съ развитыми имъ принципами въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ.

Экономическая доктрина «B.-Report»'а сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

1. Прежде всего «B.-Report» опровергаетъ общераспространенное мнѣніе объ изчезновеніи и недостаткѣ золота въ Англіи. Изчезли, по его мнѣнію, полновѣсныя гинеи; но изчезновеніе ихъ

---

[1] *Tooke's*, Hist. of prices, IV v. p. 171: «Confusion between paper credit and paper money seems to have given rise to the dogma of the Cur.- theory». *Ad. Wagner*, Geld- und Credittheorie der Peel'schen Bankacte. 1862. S. 40—46: «Quantitätstheorie als Vorläuferin der Cur.- theorie».

[2] *Ad. Wagner*, l. c. S. 62—63: «Unthunlichkeit der Uebertragung der Quantitätstheorie auf Noten». Ero-же «Zettelbankpolitik», S. 622: «Grundirrthümer der Cur.-Doctrin die theils ganz falsche, theils ganz übertriebene Gleichsteltung der Banknoten mit dem eigentlichen Papiergelde und umgekehrt die eben so falsche oder übertriebene Unterscheidung der Banknoten von andern Creditumlaufsmitteln».

не доказываетъ еще недостатка въ золотѣ, такъ-же точно, какъ не доказываетъ его и высокая цѣна золота[1].

2. Стоимость денегъ опредѣляется ихъ количествомъ[2].

3. Увеличеніе мѣстныхъ орудій обращенія повышаетъ мѣстныя цѣны такъ-же точно, какъ всеобщее увеличеніе драгоцѣнныхъ металловъ повышаетъ цѣны во всѣхъ странахъ міра[3].

4. Вексельный курсъ, поскольку онъ зависитъ отъ платежнаго баланса, не всегда совпадающаго съ торговымъ балансомъ, не можетъ быть выше стоимости пересылки металла; остающаяся за-тѣмъ часть должна быть отнесена на счетъ обезцѣненія мѣстныхъ средствъ обращенія[4].

5. Развивая количественную теорію бумажныхъ денегъ, «Bul.-R.» отрицаетъ возможность раціональнаго регулированія денежнаго обращенія на томъ основаніи, что никто не въ состояніи опредѣлить, каковъ долженъ быть размѣръ орудій обращенія примѣнительно къ данному состоянію промышленности и торговли. Сообразоваться съ дѣйствительными потребностями послѣднихъ можетъ лишь чисто-металлическое и бумажно-размѣнное обращеніе[5].

---

[1] Bul. Report, § I. p. 340: «That guineas have dissapeared from the circulation, there can be no question; but that does not prove a scarcity of bullion, any more than the high price proves that scarcity».

[2] l. c. § I. p. 342: «A scarcity of Gold will make it more valuable in proportion to all other articles».

[3] l. c. § I. p. 346: «An increase in the quantity of the local currency of a patricular country, will raise prices in that country exactly in the same manner as an increase in the general supply of precious metals raises prices all over the world».

[4] L. c. § 2 весь посвященъ доказательству этого положенія.

[5] L. c. § III, p. 376: «The proportion which is thus adjusted and maintained by the natural operation of commerce, cannot be adjusted by any human wisdom or skill».

Отливъ металла изъ страны можетъ происходить не только по причинѣ его обезцѣненія, какъ полагалъ Рикардо, но и по обстоятельствамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ фактомъ обезцѣненія, какъ-то: субсидіи, контрибуціи, ввозъ хлѣба въ неурожайный годъ и т. п. (См. § II).

6. Одно количество обращающихся банковыхъ билетовъ не рѣшаетъ еще вопроса объ излишкѣ или недостаткѣ ихъ въ народномъ хозяйствѣ. Размѣръ требуемыхъ средствъ обращенія измѣняется въ извѣстной степени съ размѣрами промышленности и торговли[1].

7. Въ минуты, предшествующія паникѣ, когда кредитъ сильно поколебленъ, Банкъ Англіи не долженъ слѣдовать за общимъ движеніемъ, не долженъ внезапно сокращать обычные размѣры открываемаго имъ кредита; иначе онъ непремѣнно заставитъ многихъ не исполнить принятыхъ ими на себя обязательствъ, появившихся вслѣдъ за увеличеніемъ выпусковъ банковыхъ билетовъ. Если же затрудненія продолжаютъ усиливаться, то единственнымъ противодѣйствіемъ со стороны Банка должно быть увеличеніе отпускаемаго имъ кредита, сообразно потребностямъ даннаго случая. Такое увеличеніе кредита не угрожаетъ опасностью, а, напротивъ, принесетъ несомнѣнную выгоду[2].

---

[1] L. c. § IV, p. 380: «The mere numerical return of the amount of bank-notes out in circulation, cannot be considered as at all deciding the question whether such paper is or is not excessive. The quantity of currency required will vary in some degree with the extent of trade».

[2] L. c. § IV, p. 382: «If any general and serious difficulty or apprehension on this subject should arise, it may be counteracted without danger, and with advantage to the public, by a liberality in the issue of Bank of England paper proportioned to the urgency of the particular occasion».

При ближайшемъ разсмотрѣніи приведеннаго in-extenso Bul.-R., легко замѣтить, въ какой степени онъ совпадаетъ съ ученіемъ Рикардо, съ одной стороны, и денежной школы — съ другой. Положеніе, изложенное въ п. 5-мъ, совсѣмъ расходится съ основнымъ воззрѣніемъ Рикардо, по которому вывозъ металла обусловливается его удешевленіемъ и есть причина, а не слѣдствіе невыгоднаго торговаго баланса. Рикардо стоялъ за искусственное регулированіе денежнаго обращенія, тогда-какъ «B.-R.» отвергалъ его въ принципѣ. Связь же денежной доктрины съ «B.-R.» — развѣ только отрицательная, выразившая, какъ было уже сказано, въ неправильномъ перенесеніи ученія о бумажныхъ деньгахъ на банковые билеты. Обще имъ всѣмъ, т. е. Рикардо, B.-R. и Cur.-th., — ученіе объ образованіи цѣнъ вообще, зависящемъ исключительно отъ количества драгоцѣнныхъ металловъ и бумажно-размѣнныхъ кредитныхъ знаковъ.

Кредитная школа, Banking-principles. Credit-theorie, которую противополагаютъ денежной, обязана своимъ существованіемъ трудамъ Тука, Ньюмарча, Вильсона, Фуллартона и другихъ. Состоя въ оппозиціи, она не воплотилась пока въ законодательныхъ актахъ, хотя и воздвигла себѣ памятникъ въ объемистомъ трудѣ Тука — «History of prices». Полемика началась съ того, что подмѣтили явленіе, выразившееся въ томъ, что повышеніе товарныхъ цѣнъ не слѣдовало, а предшествовало увеличенію выпусковъ банковыхъ билетовъ. Сюжетъ для начала оказался очень удачнымъ, такъ-какъ въ немъ собственно сосредоточилась теоретическая суть всего спора и онъ сдѣлался знаменемъ воюющихъ партій. Правда, уже значительно ранѣе Торнтонъ первый, сколько извѣстно, обратилъ вниманіе на поднятый Тукомъ вопросъ и привелъ нѣсколько убѣдительныхъ данныхъ въ потвержденіе того, что высота цѣнъ хлѣба не зависитъ отъ количества выпущенныхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ. Въ 1795 году банковыхъ билетовъ находилось въ обращеніи 13,5 мил.

ф. ст., а цѣна квартера въ 3 послѣднихъ мѣсяца равнялась 57 шиллингамъ; для 1796 г. соотвѣтствующими цифрами были — 11,0 мил. ф. ст. и 94 мил.[1]. Въ свою очередь, Тукъ, приводя данныя Торнтона въ 1-мъ томѣ своей «Исторіи цѣнъ» (1839 г.), пополняетъ ихъ своими собственными изслѣдованіями. Для 1800-го, 1801-го и 1802 гг. соотвѣтствующія только что приведеннымъ цифрамъ оказались слѣдующія: 13,4; 13,4 и 13,9 мил. ф. ст. и 133 мил.; 75 мил. 6 пен. и 57 мил. 1 пен.[2]. Дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ относящихся сюда статистическихъ данныхъ Тукъ опровергъ господствовавшее до него мнѣніе, что высота цѣнъ въ такъ-называемый рестрикціонный періодъ зависѣла исключительно отъ количества обращавшихся банковыхъ билетовъ, и подкрѣпилъ свои доводы, кромѣ того, и тщательнымъ историческимъ изслѣдованіемъ рыночныхъ конъюнктуръ вообще.

Разбивая время отъ 1793 по 1838 г. на два періода, онъ съ неопровержимою силой доказалъ причину высокихъ цѣнъ въ 1793—1814 г. и низкихъ въ 1814—1838 г., которыя какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ не имѣли ничего общаго съ количествомъ банковыхъ билетовъ, предшествовали новымъ ихъ выпускамъ, а не слѣдовали за ними[3]. Въ числѣ причинъ, повліявшихъ на повышеніе цѣнъ, находимъ: неурожаи, прекращеніе ввоза колоніальныхъ товаровъ вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда континентальной системы, возмущенія въ С.-Доминго, сильное паденіе вексельныхъ курсовъ, высокій ссудный процентъ[4]. Пониженіе цѣнъ, въ свою очередь, произошло въ

---

[1] Inquiry into.... Paper Credit, 1802. p. 314.

[2] Hist. I v. p. 249.

[3] Hist. of pr. II v., passim, и p. 346 — 354: general view of conclusions.

[4] L. c. p. 347: «Such higher rate of interest constituting an increased cost of production».

совокупности отъ преобладающаго числа урожайныхъ годовъ (the prevalence of favourable seasons), устраненія искусственныхъ препятствій ввоза, улучшенія внутреннихъ путей сообщенія, болѣе благопріятнаго вексельнаго курса, развитія техническихъ и механическихъ средствъ производства и паденія ссуднаго процента. Всѣ эти данныя показали ясно, что господствовавшее до-сихъ-поръ убѣжденіе, относительно вліянія размѣра банковыхъ билетовъ на цѣны, лишено фактическаго основанія. Особенно эффектное впечатлѣніе произвело фактическое опроверженіе всеобщаго мнѣнія, что пониженіе цѣнъ послѣ возстановленія размѣна (Актъ Р. Пиля 1819 года) произошло вслѣдствіе сокращенія выпусковъ Банка Англіи и провинціальныхъ банковъ. Этого мнѣнія придерживались и «Lords' and Commons' Committees of 1836 года». Тукъ доказалъ, что какъ увеличеніе выпусковъ было слѣдствіемъ повышенія цѣнъ 1816—1818 гг., такъ и сокращеніе ихъ слѣдовало за паденіемъ цѣнъ 1818 — 22 гг.[1]. Тернеръ, одинъ изъ директоровъ Банка Англіи, вполнѣ подтвердилъ результатъ туковскихъ изслѣдованій за все время своего пребыванія въ Банкѣ[2]. Вздорожаніе хлѣба въ 1823 г. на 50%, отнесенное на счетъ увеличенія выпусковъ, было вызвано, какъ оказалось, совсѣмъ иными причинами[3].

---

[1] L. c. II v. p. 120—140.

[2] L. c. p. 99: «With regard to the effect of Mr. Peel's bill on the Bank of England, I can state from having been in the direction during the last two years, that it has been altogether a dead letter. It has neither accelerated nor retarded the return to cash payements»; см. также у *Macleod'*а, l. c. II v. p. 232.

[3] *Tooke*, II v. p. 121.

Приводя въ остальныхъ томахъ «Исторіи цѣнъ» массу доказательствъ подобнаго-же рода, Тукъ могъ, наконецъ, съ полнымъ основаніемъ провозгласить открытый имъ законъ, совершенно противорѣчившій тому, какой господствовалъ до него. Законъ этотъ выраженъ имъ въ слѣдующей формѣ: «Товарныя цѣны опредѣляются не количествомъ выпущенныхъ банковыхъ билетовъ или вообще размѣромъ средствъ обращенія, а на-оборотъ — размѣръ или количество средствъ обращенія опредѣляется состояніемъ товарныхъ цѣнъ»[1]. Изслѣдуя, въ-слѣдъ за-тѣмъ, колебанія цѣнъ подъ вліяніемъ громаднаго увеличенія количества денегъ, послѣдовавшаго за открытіемъ Америки, калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ, Тукъ пришелъ къ выводу еще болѣе общему, болѣе важному, изъ котораго вытекаетъ самъ собою, какъ простое логическое слѣдствіе, вышеприведенный законъ[2]. Выводъ этотъ у него недостаточно категориченъ, но, тѣмъ не менѣе, едва-ли не важнѣе всѣхъ другихъ его выводовъ. «Чисто отвлеченный аргументъ — о постоянной зависимости товарныхъ цѣнъ отъ количества денегъ — есть, говоритъ онъ, выдающееся доказательство негодности геометрическаго метода въ политической экономіи»[3]. Состояніе цѣнъ не подверглось значительному вліянію новосозданныхъ денегъ[4]. Стоимость золота осталась безъ перемѣны[5]. Цѣны, слѣдовательно, высоки или низ-

---

[1] Hist. of pr. IV. v. p. 207: «The prices of commodities do not depend upon the quantity of money indicated by the amount of banknotes, but, on the contrary, the amount of the circulating medium is the consequence of prices».

[2] Hist. of pr. VI v. p. 195 — 233. App. II.

[3] l. c. VI. v. p. 194.

[4] l. c. VI. v. p. 171 — 178.

[5] l. c. VI. v. p. 232: «This large addition (354 мил. ф. ст. отъ 1800 по 1848 г.) took place without affecting the relative value of gold».

ки не потому, что больше или меньше денегъ въ обращеніи, но больше или меньше денегъ въ обращеніи потому, что высоки или низки цѣны[1].

Законъ образованія и колебанія цѣнъ, выдвинутый и перерѣшенный кредитною школой, легъ въ основаніе ея дальнѣйшихъ теоретическихъ положеній, расходившихся, по-видимому, съ принципами денежной школы. Если размѣръ орудій обращенія опредѣляется состояніемъ цѣнъ, то ipso facto предрѣшался вопросъ о регулированіи бумажно-денежнаго обращенія, предрѣшался второй важнѣйшій принципъ кредитной школы, что выпуски банковыхъ билетовъ не могутъ быть произвольны. Банки, доказывалъ Тукъ[2], не въ состояніи разширить безгранично свою эмиссіонную операцію, выпуски банковыхъ билетовъ идутъ по слѣдамъ промышленно-торговыхъ сдѣлокъ, одновременно съ развитіемъ послѣднихъ, въ полной съ ними количественной соотвѣтственности. Получающіе банковые билеты должны платить по нимъ проценты и, какъ бы послѣдніе ни были низки, никто не захочетъ пользоваться билетами въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ сколько надо для предпріятія, и, слѣдовательно, все ненужное, лишнее количество ихъ немедленно потечетъ обратно въ банкъ[3]. Выходитъ, такимъ образомъ, что увеличеніе выпусковъ размѣнныхъ кредитныхъ орудій обращенія невозможно безусловно.

---

[1] Марксъ (Zur Kritik der Pol. Oek. 1859. S. 84) замѣчаетъ по этому поводу: «es ist dies eins der wichtigsten ökonomischen Gesetze, dessen Nachweisung im Detail durch die Geschichte der Waarenpreise vielleicht das einzige Verdienst der Nach-Ricardo'schen englischen Oekonomie bildet».

[2] См. его Inquiry into the cur. principle, 1844, п. 8 и 10 его 17 положеній.

[3] *Wilson*, l. c. p. 56—59, *Fullarton*, On the Regulation, of Currencies, ch. V: «Proofs of the Impossibility of over-issue».

Отрицая искусственное колебаніе цѣнъ вслѣдствіе разширенія и сокращенія эмиссіонной операціи, банкисты должны были, по законамъ логики, отвергнуть и искусственное регулированіе вексельныхъ курсовъ. По ученію керренсистовъ, неблагопріятный вексельный курсъ, вызывающій отливъ металла изъ страны, указываетъ на необходимость сокращенія выпусковъ, послѣдствіемъ чего было бы немедленное пониженіе товарныхъ цѣнъ, уменьшеніе ввоза, увеличеніе вывоза и прекращеніе отлива. Положеніе это не отрицается, впрочемъ, и весьма многими сторонниками кредитной доктрины, тѣмъ болѣе, что сюда привходитъ совершенно новое соображеніе о вліяніи учетнаго процента на международное передвиженіе денегъ, ищущихъ болѣе прибыльнаго помѣщенія[1]. Наиболѣе рѣшительные противники регулированія по вексельнымъ курсамъ — Вильсонъ и Жильбардтъ[2]. Если прибавить, что банковые билеты низведены кредитною школой съ той высоты, на которую ихъ поставила денежная школа, что Тукъ, Вильсонъ и Фуллартонъ не находятъ никакой разницы между банковыми билетами, чеками, векселями и даже простымъ кредитомъ по книгѣ, особенно въ отношеніи возможнаго вліянія ихъ на цѣны, то вотъ и все, что можно привести въ характеристикѣ основоположеній кредитной школы.

---

[1] *Macleod*, l. c. I v. VI ch.; II v. p. 302: «The true method of regulating the paper currency is by regulating the rate of discount»; *Laveleye*, Marché monétaire, p. 141, 169, 183, 192.

[2] *Wilson*, l. c. Art. III: «Regulation of the exchanges by prices». *Gilbart*, Currency and Banking, въ Westmin. Rewiew» за 1841.

3.

Для болѣе наглядnаго сопоставленія принциповъ двухъ школъ, здѣсь не лишне привести profession de foi Р. Пиля, вся финансово-законодательная дѣятельность котораго основывалась на слѣдующихъ теоретическихъ соображеніяхъ: 1) банковые билеты, хотя бы и размѣнные по предъявленіи, могутъ быть излишне выпускаемы и, слѣдовательно, могутъ обезцѣниваться[1]. 2) Размѣнность не есть достаточная гарантія того, что смѣшанное обращеніе изъ металла и банковыхъ билетовъ будетъ вполнѣ согласоваться въ своихъ измѣненіяхъ съ законами чисто-металлическаго обращенія. 3) Товарныя цѣны повышаются или понижаются, смотря по тому — увеличиваются или сокращаются выпуски банковыхъ билетовъ. 4) Вексельные курсы должны регулироваться искусственнымъ повышеніемъ или пониженіемъ цѣнъ, чѣмъ, въ свою очередь, легко можно пріостановить чрезмѣрный отливъ или приливъ металла[2].

Противополагая изложенныя сейчасъ основоположенія двухъ школъ денежнаго обращенія, нельзя не согласиться, что разъединяющимъ началомъ служитъ въ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, законъ образованія и колебанія цѣнъ. Отправляясь отъ различныхъ посылокъ, они должны были, по-видимому, прійдти къ различнымъ окончательнымъ выводамъ. Но если Ад. Вагнеръ находитъ, что практически система контингентированія банковыхъ билетовъ въ Банкѣ Англіи не отличается отъ системы, принятой на континентѣ, т. е. отъ системы банковаго покрытія ихъ[3], то

---

[1] Выше было сказано, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это положеніе.

[2] *Tooke's*, Hist. of pr. IV v. p. 261.

[3] Zettelbankpolitik, S. 544.

тѣмъ легче доказать, что и теоретически разногласіе между двумя спорящими сторонами далеко не такъ велико, какъ это кажется съ внѣшней стороны.

Послѣ всего сказаннаго уже о динамическихъ и статическихъ законахъ цѣнности и цѣны, легко убѣдиться, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ явленіемъ въ политической экономіи. Взаимно дополняющіе, динамическіе и статическіе законы денежнаго обращенія разсматриваются, какъ взаимно исключающіе другъ друга. А между-тѣмъ, очевидно, что кредитная школа основывается на динамическомъ и денежная— на статическомъ законѣ цѣны такъ-же точно, какъ динамическій и статическій законъ цѣны, въ свою очередь, основывается на динамическомъ и статическомъ законѣ стоимости. И какъ нѣтъ почти ни одного экономиста, который, несмотря на все желаніе казаться строго послѣдовательнымъ, не придерживался бы въ одно и то-же время динамическаго и статическаго закона стоимости, такъ-же точно нѣтъ экономиста, который въ одно и то-же время не былъ бы послѣдователемъ двухъ школъ денежнаго обращенія.

Теоретическое примиреніе кредитной и денежной доктринъ въ указываемомъ здѣсь смыслѣ до-того естественно, что не принять его невозможно, разъ будетъ признано, что въ основаніи разногласія ихъ лежитъ законъ образованія и колебанія цѣнъ; причемъ не только въ главномъ, но и во всѣхъ производныхъ отъ него положеніяхъ примиреніе это слѣдуетъ само-собою, въ-силу логической соподчиненности понятій. Даже въ частностяхъ, связь которыхъ съ ядромъ ученія болѣе отдаленная, но все-же замѣтная, нѣтъ отступленій въ этомъ отношеніи. Споръ о возможности и невозможности чрезмѣрныхъ выпусковъ банковыхъ билетовъ примиренъ, какъ извѣстно, Дж.-Ст. Миллемъ[1], доказавшимъ возможность ихъ въ моменты, непосредственно предшествующіе кризи-

---

[1] См. Начала. III кн. гл. о регулированіи денежнаго обращенія.

самъ. Впрочемъ, поправка Милля важна въ томъ лишь случаѣ, если не принять во вниманіе, что самому понятію невозможности чрезмѣрныхъ выпусковъ школы придавали черезчуръ своеобразное значеніе, значительно способствовавшее его затемнѣнію и осложненію. Не говоря о томъ, что при обсужденіи этого вопроса Вильсонъ и Фуллартонъ, запутавшись въ ненужныхъ тонкостяхъ, упустили изъ виду быстроту обращенія банковыхъ билетовъ; очевидно, что фактъ чрезмѣрнаго выпуска констатируется фактомъ прекращенія размѣна. Дѣло вовсе не въ томъ, что выпущенный въ обращеніе банковый билетъ, не найдя работы, возвратится въ банкъ, а въ томъ, что работа можетъ оказаться неудачной, неправильно разсчитанной и потому масса билетовъ сразу окажется ненужной и будетъ предъявлена къ размѣну.

Быть можетъ, было бы не лишнимъ, въ доказательство мнимой раздвоенности или кажущагося эклектизма, процитировать большинство экономистовъ, писавшихъ по данному вопросу, начиная Губбардомъ [1], сознательно остановившимся на золотой серединѣ, и оканчивая наиболѣе выдающимися сторонниками той или другой школы. Но такъ-какъ это не необходимо, то я ограничусь здѣсь однимъ Тукомъ, у котораго чаще, чѣмъ у кого-нибудь другого, можно встрѣтиться съ кажущимися противорѣчіями, хотя-бы потому, что изслѣдованія его наиболѣе обширны, цѣликомъ изчерпываютъ разсматриваемый вопросъ. Въ-силу одного этого условія, онъ долженъ былъ невольно натолкнуться, такъ-сказать, на статику и динамику изслѣдуемыхъ имъ явленій, что и выразилось внѣшнимъ образомъ въ рядѣ кажущихся противорѣчій, имъ самимъ, правда, непримиренныхъ, но внутреннее примиреніе которыхъ, тѣмъ не менѣе, не требуетъ большихъ усилій.

Отрицая вліяніе количества денегъ на цѣны, Тукъ долженъ былъ, однако, дать положительный отвѣтъ на предложенный ему

---

[1] *Hubbard*, The Currency and the Country, 1843.

въ парламентской коммиссіи «On Banks of Issue» 1840 г. вопросъ — возвысятся ли цѣны, если производство драгоцѣнныхъ металловъ удвоится или утроится[1]. Однимъ этимъ признаніемъ Тукъ, съ его собственной точки зрѣнія на теоретическое обоснованіе двухъ школъ, признаетъ одновременно и ту, и другую,— разница лишь въ степени признанія. Кредитная теорія, какъ динамическій законъ денежнаго обращенія, признается имъ категоричнѣе, ей отведено первенствующее, доминирующее значеніе, тогда-какъ денежная теорія, статическій законъ денежнаго обращенія, признана съ большими оговорками. Разница эта объясняется очень просто, потому что статическіе законы вообще труднѣе поддаются изслѣдованію, вслѣдствіе чего и менѣе разработаны.

Не только въ теоретической, но и практической, прикладной части ученія, у Тука повторяется та-же самая кажущаяся непослѣдовательность, когда онъ защищаетъ, наприм., монополію эммиссіонной операціи, считая ее государственною регаліей. «The claims of right», говоритъ онъ[2], «to such freedom of action in banking ought to be strenuously resisted but the issue of paper substitutes for coin is no branch of productive industry. It is a matter for regulation by the state, with a view to general convenience, and comes within the province of police». Что дѣлается съ безусловною невозможностью излишнихъ выпусковъ банковыхъ билетовъ, когда свободу торговли въ банковомъ дѣлѣ Тукъ не задумывается обозвать мошенничествомъ[3]. Не оставивъ, по-видимому, за своими противниками ни одной позиціи, Тукъ,

---

[1] Hist. of pr. IV v. p. 462, а также его отвѣтъ въ коммиссіи 1832 г., Hist. of pr. III v. p. 191.

[2] Hist. of pr. III v., p. 207.

[3] Ibidem, «I agree with a writer in one of the american papers, who observes that free-trade in banking is synonymous with free trade in swindling».

въ-концѣ-концевъ, высказываетъ убѣжденіе, что денежная школа и фактически, и логически не лишена извѣстныхъ основаній. «Едва-ли, говоритъ онъ, the principles of Currency-theorie are entirely destitute of any foundation in fact or reasoning»[1].

Дальнѣйшее изъясненіе этого вопроса читатель найдетъ въ изслѣдованіи о бумажныхъ деньгахъ.

---

[1] Hist. of pr. IV v., p. 262.

Коссовскій

Цѣнность и цѣна

М. Ф.